

В поисках антипассива в амгуэмском диалекте чукотского языка

А. М. Старченко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); aleksey-starchenko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена антипассиву в амгуэмском диалекте чукотского языка. В работе показано, что деривация на *ine-* / *ena-*, подробно описанная для чукотского языка и имеющая исключительно антипассивное значение, в амгуэмском диалекте практически полностью уходит из употребления в финитной клаузе, а также значительно сужает область употреблений в нефинитных конструкциях. В работе разбираются свойства лексемы *enarerək* ‘искать’, сохранившей показатель *ine-* / *ena-* в финитной клаузе, и предлагается сценарий диахронической эволюции, в соответствии с которым его сохранение стало результатом фонетических изменений в основе этой лексемы. Деривация на *-tku* / *-tko*, совмещающая функции антипассива и итератива, в амгуэмском диалекте сохраняется. Обе деривации сопоставляются с точки зрения общих черт их диахронического развития: генерализации в инверсивный показатель и лексикализации.

Ключевые слова: антипассив, залог, лексикализация, эволюция грамматических категорий, чукотский язык, чукотско-камчатские языки.

Благодарности: Исследование проведено в рамках проекта «Морфология согласования» (грант РФФИ № 20-512-26004). Автор благодарен Ивану Стенину, Алексею Козлову, Инне Зибер и Полине Касьяновой за помощь и поддержку при сборе материала и написании работы; чукотским информантам — за чукотский язык, терпение и гостеприимство; а также Сергею Сергеевичу Саю и анонимному рецензенту, замечания которых помогли улучшить текст статьи и избежать в нем ряда неаккуратных утверждений. Все оставшиеся неточности остаются на совести автора.

In search for antipassive in Amguema Chukchi

A. M. Starchenko

HSE University (Moscow, Russia); aleksey-starchenko@mail.ru

Abstract. The article focuses on antipassive derivation in Amguema Chukchi. Antipassive in Chukchi can be formed by means of two affixes: the prefix *ine-/ena-* forms a pure antipassive and the suffix *-tku/-tko* combines antipassive and iterative functions. The former is described in literature for some varieties of Chukchi as a highly productive derivation; the latter is reported to be lexically restricted. In Amguema Chukchi, the antipassive formed by the prefix *ine-/ena-* is almost lost. It is not found in finite clauses with the exception of one lexeme and is more restricted in non-finite constructions, compared to other Chukchi varieties. The *-tku/-tko*-derivation, on the other hand, is preserved in the Amguema dialect.

The paper describes the diachronic development of antipassive derivations. As a result of the generalization process, both of them became a part of the Chukchi agreement paradigm, namely, the inverse agreement markers in some forms with a possible further grammaticalization into a person marker. Both antipassives undergo lexicalization to some extent but behave differently with respect to it. Forms with antipassive-iterative *-tku/-tko* often show a shift of meaning, leading to the emergence of a non-compositional complex with the suffix. The *ine-/ena*-derivation does not show lexicalization of this kind. On the other hand, generally gone, it leaves the lexeme *enarerək* ‘search for’ with *ine-/ena-* prefix that still exhibits some properties of the antipassivized form. In the paper, this lexeme is described in detail, revealing that both the antipassivized variant and the stem show peculiar behavior. We suggest a diachronic scenario that explains the preservation of this form in Amguema Chukchi. It includes a series of phonological changes in the stem in combination with the preceding prefix or an incorporated noun.

Keywords: antipassive, voice, lexicalization, evolution of grammar, Chukchi, Chukotko-Kamchatkan.

1. Введение

Эта статья посвящена антипассивной конструкции в амгуэмском диалекте чукотского языка.

Чукотский язык (чукотско-камчатская языковая семья) распространен на крайнем северо-востоке России на территории Чукотского автономного округа, в Республике Саха (Якутия) и в Камчатском крае.

Ряд посвященных чукотскому языку работ [Скорик 1977: 113–117; Недялков 1979; Kozinsky et al. 1988 и др.] описывает продуктивный антипассив, т. е. маркированную конструкцию, в которой синтаксический статус семантически присутствующего Р-участника оказывается понижен: из позиции прямого дополнения Р-участник или удаляется, или смещается в позицию косвенного. В названных работах перечисляются две наиболее распространенных деривации с функцией антипассива. Одна из них образуется с помощью префикса *ine-/ena-*¹ и имеет исключительно антипассивное значение. Другая употребляется реже и образуется с помощью суффикса *-tku/-tko*, который обладает широким кругом функций, в том числе выступает как маркер антипассива и итератива².

Амгуэмский диалект отличается от вариантов языка, которым посвящены указанные выше работы: при том, что деривация на *-tku/-tko* в амгуэмском диалекте в целом соответствует тому, что описано для других вариантов чукотского [Волков, Игнатенко 2018], в нем практически полностью отсутствуют употребления антипассива на *ine-/*

¹ Здесь и далее мы указываем фонетические варианты морфемы с разными степенями сингармонизма через косую черту. Краткое описание чукотской системы сингармонизма можно видеть в *Разделе 6*.

² Помимо двух названных дериваций, в качестве антипассивных [Kozinsky et al. 1988] или декаузативных [Dunn 1999] характеризуются некоторые употребления одного из основных чукотских вербализаторов *-et/-at*. Так как деривация на *-et/-at* в этом значении не является продуктивной, в настоящей работе мы ее рассматривать не будем.

ena- [Касьянова 2019: 23; Стенин (рук.)]. Единственным известным нам примером собственно антипассивного использования этого показателя в амгуэмском диалекте является его употребление в составе глагола *enarərə-k* ‘искать’ (основа *-rer-*). При этом синтаксическое поведение конструкции с этим глаголом частично соответствует тому, что мы видим у продуктивного антипассива на *ine-/ena-* в других диалектах, но по ряду параметров, которые подробно рассматриваются в *Разделе 5*, отличается от него. Другим результатом развития антипассива, общим для амгуэмского диалекта и других вариантов чукотского, является его встраивание в согласовательную парадигму. Наличие, с одной стороны, следов антипассива в согласовательной парадигме и, с другой стороны, сохранение лексемы с ним позволяет предположить, что амгуэмский диалект чукотского языка на каком-то этапе имел, но затем утратил деривацию на *ine-/ena-* — наиболее продуктивный, «чистый» антипассив в других диалектах. Противопоставляя эту деривацию в амгуэмском диалекте свободно образующемуся и употребляющемуся антипассиву в других вариантах чукотского языка, последний мы будем называть продуктивным антипассивом.

Цель настоящей работы — охарактеризовать состояние антипассива и единиц, возникших в результате его развития, в амгуэмском диалекте чукотского языка. Мы представим материал, показывающий ограниченность употреблений деривации на *ine-/ena-* в амгуэмском диалекте, и кратко охарактеризуем особенности антипассива на *-tku/-tko*. Для обеих дериваций мы рассмотрим, как они в процессе своего развития подверглись превращению в единицы, не являющиеся в строгом смысле маркерами антипассива: с одной стороны, в результате лексикализации, с другой стороны, из-за генерализации в показатели в составе согласовательной парадигмы.

Материалы, на которых основано это исследование, происходят из разных источников. Говоря о продуктивном антипассиве на *ine-/ena-*, мы обращаемся к посвященным ему работам. Основная часть данных амгуэмского диалекта собрана автором методом элицитации в экспедиции в с. Амгуэма Иульгинского р-на Чукотского автономного округа

летом 2019 г.³ — если при примере нет указания на источник, он относится к амгуэмскому диалекту. Каждый пример подтвержден не менее чем тремя информантами. В случае неодинаковых суждений у разных информантов или неуверенности в оценке пример проверялся у большего числа носителей. Другая часть данных амгуэмского диалекта взята из работ, базирующихся на материале, который получен в серии экспедиций в с. Амгуэма в 2016–2019 гг., или извлечена из Мультимедийного корпуса амгуэмского диалекта чукотского языка (далее Мультимедийный корпус), тексты для которого собраны в этих экспедициях⁴.

Приводя пример из работы, посвященной амгуэмскому диалекту, мы будем каждый раз дополнительно на это указывать. Соответственно, если пример содержит отсылку к источнику, но не содержит указания на диалект, он представляет собой материал других вариантов чукотского языка. Такая несимметричная и в какой-то степени неудобная система обозначений обусловлена тем, что для источника часто невозможно точно определить, какой диалект он описывает. Так, работа [Скорик 1977] скорее характеризует наддиалектный вариант чукотского, а [Kozinsky et al. 1988] не дает точной информации о происхождении информантов, с которыми работали авторы (насколько нам известно, ни одна из этих работ при этом не содержит материал амгуэмского диалекта; более подробно о диалектной принадлежности текстов и примеров в разных работах с первичными данными чукотского языка см. [Стенин 2018]).

Следует заметить, что представленные в этой статье образцы амгуэмского говора отличаются от данных других вариантов чукотского не только (предположительно) диалектной принадлежностью, но и временем фиксации: публикация самой поздней работы, на которую мы опираемся [Dunn 1999]⁵, отстоит от момента записи лю-

³ Экспедиция была поддержана в рамках конкурса «Открываем Россию заново» Фонда образовательных инициатив НИУ ВШЭ. Подробнее об экспедиции и информантах можно узнать на сайте <http://chuklang.ru/>.

⁴ Корпус доступен по ссылке <http://chuklang.ru/corpus>.

⁵ В работе М. Данна, как будет сказано ниже, тоже есть указание на меньшую продуктивность антипассива в сравнении с данными более ранних

бых амгуэмских данных более чем на 20 лет. Это значит, что разница между нашими примерами и собранным ранее материалом может быть не только следствием диалектных различий, но и результатом исторических изменений в языке, представляющих его естественное историческое развитие или же вызванных языковой аттрицией или влиянием русского языка.

Структура настоящей работы такова: в *Разделе 2* кратко даются сведения о маркировании ядерных актантов в чукотском языке, необходимые для того, чтобы рассуждать о залоге. В *Разделе 3* мы воспроизводим описание продуктивного чукотского антипассива. В четвертой части статьи дается общая характеристика антипассива в амгуэмском чукотском и рассматриваются единицы, в которые он перешел в результате грамматикализации или лексикализации. *Раздел 5* посвящен характеристике сохранившейся в амгуэмском диалекте единицы с показателем *ine- / ena-* (*enarərə-k* ‘искать’) в сравнении с литературным антипассивом. *Раздел 6* содержит попытку диахронического объяснения того факта, что именно эта лексема сохранила префикс антипассива, а также особых свойств ее основы. Последняя часть статьи представляет собой *Заключение*.

2. Маркирование ядерных актантов в чукотском языке

В чукотской клаузе падежное маркирование ядерных актантов организовано по эргативной схеме (1).

- (1) а. *ətla* *pənnək-wʔ-i*
 мать[ABS.SG] [2/3.S/A]расстроиться-тн-2/3SG.S
 ‘Мама расстроилась’.

работ. Заметим, что объяснением этой меньшей продуктивности может служить и разделяющее их время, и тот факт, что материал М. Данна, собранный в основном в с. Тавайваам городского округа Анадырь, может показывать диалектные отличия от материала более ранних работ.

б. *ətʃa-ta* *əpən-ne-n* *əppe~en*
 мать-ERG [2/3.S/A]варить-3SG.A.3.O-3SG.O рыба~RED.ABS.SG

‘Мама сварила рыбу’.

Эргатив выражается суффиксом *-(t)e / -(t)a* (ERG) в основном склонении существительного и суффиксом *-ne / -na* (AN.ERG) в личном склонении. По личному склонению изменяются имена собственные и часть терминов родства, факультативно его могут иметь некоторые другие обозначения лиц. В обоих склонениях показатель эргатива формально совпадает с показателем инструменталиса. Абсолютив, в зависимости от лексемы, передается нулем, суффиксом (*-n* или *-nə*) или редупликацией.

Чукотский глагол согласуется с субъектом и объектом по лицу и числу, согласование в различных видовременных формах нетривиальным образом выражается с помощью префиксов и суффиксов. В рамках этой работы мы, к сожалению, не сможем подробно описать эту систему⁶. Наиболее важным при анализе примеров далее будет то, является ли в каждом случае согласование субъектным или субъектно-объектным. Так, в (1a) можно видеть пример субъектного согласования, которое отличается от субъектно-объектного в (1б). Хотя в случаях, где это будет принципиально важно, мы будем дополнительно указывать тип согласования, для удобства чтения примеров заметим, что если глагол содержит показатель инверсива (INV), низкого статуса агентивного участника (LOW.A) или любой показатель, в глоссе которого содержится *o*⁷, то он согласуется и с субъектом, и с объектом.

Чукотский язык активно использует механизм инкорпорации. Для непереходных неаккузативных глаголов возможна инкорпорация подлежащего:

⁶ Ее подробное описание можно видеть в грамматиках чукотского языка [Скорик 1977: 14–109; Dunn 1999: 175–195], а также в работе [Стенин (рук.)] для амгуэмского диалекта. В *Разделе 4.4* этой работы представлен пример спряжения переходного и непереходного чукотского глагола в одной из видовременных форм.

⁷ За исключением глоссы *s/o*: все примеры в статье с этой глоссой демонстрируют непереходное согласование с S-участником.

- (2) *n-wʔej-mejnet-qin*
 ст-трава-расти-ст.3SG
 ‘Трава растет’.

В переходный глагол может инкорпорироваться прямой объект, при этом клауза или становится непереходной (3), или сохраняет переходность, если в позицию объекта продвигается исходный косвенный объект или именное зависимое [Виняр 2018а: 6] (4).

- амгуэмский диалект
- (3) *ereqej ənn-əpat-γʔ-e*
 бабушка[ABS.SG] [2/3.S/A]рыба-варить-тн-2/3SG.S
 ‘Бабушка сварила рыбу’. [Виняр 2018а, пример (16)]
- (4) *ətʔa-ta ekək ənn-əpan-ne-n*
 мать-ERG сын[ABS.SG] [2/3.S/A]рыба-варить-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Мама варит рыбу для сына’.

В описанных в этом разделе аспектах амгуэмский диалект не отличается от других вариантов чукотского, с которыми мы встречаемся в рамках этой работы.

3. Чукотский продуктивный антипассив

В этом разделе мы рассмотрим основные характеристики продуктивного антипассива в чукотском языке.

Согласно работе [Kozinsky et al. 1988], в продуктивной антипассивной конструкции в чукотском языке по сравнению с прямой переходной конструкцией:

- А-участник получает абсолютное маркирование;
- Р-участник удаляется из клаузы или выражается косвенным падежом (датель, локатив или инструменталис, [Kozinsky et al. 1988: 655]);
- глагол получает маркер антипассива;
- согласование глагола становится непереходным.

В (5) можно видеть все перечисленные различия между прямой диатезой (5а) и антипассивом (5б) с Р-участником, пониженным в позицию косвенного объекта: в (5а) участники маркированы эргативом и абсолютивом, согласование субъектно-объектное, в (5б) зависимые глагола в абсолютиве и инструменталисе соответственно, согласование происходит только с одним участником. Пример (6) показывает антипассив с удалением Р-участника из клаузы.

- (5) а. *ḡaaček-a kimitʔə-n ne-nlʔetetə-n*
 парень-ERG груз-ABS.SG LOW.A-нести-3SG.O
- б. *ḡaačekə-t ine-nlʔetet-gʔe-t kimitʔ-e*
 парень-ABS.PL [2/3.S/A]АНТИ-нести-ТН-PL груз-INS
 ‘Парни унесли груз’. [Kozinsky et al. 1988: 652]⁸
- (6) а. *ətʔa ine-nni-gʔ-i*
 мать.ABS.SG [2/3.S/A]АНТИ-шить-ТН-2/3SG.S
 ‘Мать шила’. [Ibid.]

Префикс *ine-/ena-* может маркировать еще одно залоговое преобразование, которое предполагает понижение Р-участника и продвижение косвенного дополнения или косвенного участника с ролью Места в позицию прямого дополнения:

- (7) а. *ətʔag-e təkečʔə-n utkucʔə-k*
 отец-ERG приманка-ABS.SG ловушка-LOC
pela-ne-n
 [2/3.S/A]оставлять-3SG.A.3.O-3SG.O
- б. *ətʔag-e təkečʔ-a utkucʔə-n*
 отец-ERG приманка-INS ловушка-ABS.SG
ena-pela-ne-n
 [2/3.S/A]АНТИ-оставлять-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Отец оставил приманку в ловушке’. [Kozinsky et al. 1988: 667]

⁸ Здесь и далее примеры других авторов даются с русским переводом и в нашей системе глосс, но с сохранением исходной транскрипции.

Это залоговое преобразование можно рассматривать как серию дериваций, включающую в себя антипассивизацию: понижение Р-участника с последующим повышением переходности клаузы. С другой стороны, т. к. клауза остается переходной (в обоих примерах (7а–б) субъектно-объектное согласование) и А-участник не участвует в перераспределении синтаксических ролей, в некоторых работах эта конструкция рассматривается как отдельная залоговая деривация: аппликатив в терминологии [Dunn 1999], «пермутатив 2/3» в терминологии [Мельчук 2004]. Далее, когда будет необходимо выделить эту конструкцию среди других употреблений *ine-/ena-*, мы будем использовать термин *пермутатив*.

В качестве основной функции чукотского антипассива как продуктивной категории называют прагматическую: его употребление, в отличие от прямой диатезы, предполагает, что изменение или сохранение состояния референта прямого объекта не является важным для говорящего [Kozinsky et al. 1988].

В ряде случаев антипассив в чукотском выступает исключительно как синтаксический механизм, служащий для понижения переходности клаузы. Такие случаи практически ограничены употреблением причастий, образуемых с помощью суффикса *lʔ-*. Так, отрицательные причастия, имеющие, помимо суффикса *lʔ-*, выражающий отрицание циркумфикс *e-...-kə / a-...-kə*, могут служить только для релятивизации S- или Р-участника (8)–(9). Для релятивизации А-участника становится необходимым понизить переходность клаузы — для этого используется антипассивизация (10).

- (8) *e-tipʔeyne-kə-lʔ-in newəʃqet ragtə-gʔ-e*
 CAR-петь-CAR-ATTR-ABS.SG женщина идти.домой-3SG.S

‘Женщина, которая не пела, пошла домой’.

- (9) *iʔər a-jʔo-kə-lʔ-etə enm-etə*
 сейчас CAR-достигать-CAR-ATTR-DAT холм-DAT

mənə-lqən-mək

1PL.S/A.SUBJ-идти-1PL.S

‘Давайте пойдем сейчас на холм, который никто не посещал’.
 [Comrie 1979: 226]

- (10) *en-agtat-kə-lʔ-a* *ʔaəček-a* *qaa-k*
 ANTI-преследовать-CAR-ATTR-ERG мальчик-ERG олень-LOC
winretə-rkə-ni-ne-t *ɲewəčqet-ti*
 [2/3.S/A]помогать-3SG.A.3.O-3SG.O-PL женщина-Abs.PL
 ‘Парень, который не преследует оленя, помогает женщине’.
 [Comrie 1979: 229]

Сходным образом ведут себя и положительные *lʔ*-причастия, за исключением того, что они не могут служить для релятивизации Р-участника — для этого используется другая форма, образуемая суффиксом *-jo*. Тем не менее, чтобы релятивизовать А-участника с помощью *lʔ*-формы, может использоваться антипассив.

В этом разделе для иллюстрации свойств антипассива мы использовали примеры с деривацией на *ine-*/*ena-*. Деривация на *-tku*/*-tko* с итеративным значением, употребляясь в качестве антипассива, проявляет в целом аналогичное синтаксическое поведение, но показывает следующие отличия от деривации на *ine-*/*ena-*: она не способна образовывать пермутатив и проявляет тенденцию к тому, чтобы оставлять пониженного Р-участника невыраженным, допуская тем не менее его выражение в позиции косвенного объекта.

4. Общая характеристика антипассива в амгуэмском диалекте

4.1. Собственно антипассив на *ine-*/*ena-*

Как уже было сказано, собственно антипассив на *ine-*/*ena-* в амгуэмском диалекте регулярно не образуется (минимальная пара в примере (11) аналогична представленной в (5)):

- амгуэмский диалект
 (11) а. *ʔaasek-a* *kimitʔə-n* *ne-n.lʔet.etə-n*
 парень-ERG груз-ABS.SG LOW.A-нести-3SG.O

б. **ʔaasekə-t* *ine-n.lʔet.et-yʔe-t* *kimitʔ-e*
 парень-ABS.PL [2/3.S/A]АНТИ-нести-ТН-PL груз-INS

‘Парни унесли груз’. [Касьянова 2019: 23, пример (i)]

В частности, эта деривация ни разу не встречается в Мультимедийном корпусе, за исключением единственного случая — глагола *enarerə-k* ‘искать’, о котором пойдет речь ниже.

М. Данн в своей грамматике чукотского языка указывает, что в описываемых им диалектах антипассив ограниченно употребляется в финитных клаузах, но регулярно встречается в отглагольных деривациях [Dunn 1999: 216–217]. В частности, он используется при описанной выше необходимости релятивизации А-участника с помощью причастия на *lʔ*-. В амгуэмском диалекте *lʔ*-причастие сохраняет свое свойство образовываться только от непереходных глаголов, но в качестве механизма детранзитивизации используется инкорпорация [Kasyanova 2019: 39–40]. Пример такого использования можно видеть в (12): относительная клауза оказывается грамматичной только с инкорпорацией дополнения в причастие (12б), но не с отдельно стоящим дополнением в абсолютиве (12а). Антипассив в этой конструкции не может быть употреблен (12в).

амгуэмский диалект

(12) а. **ʔe.ekke.qej* *kuke-ʔə*
 девочка[ABS.SG] кастрюля-ABS.SG
a-male-kə-lʔ-en *yəntek-wʔ-i*
 [2/3.S/A]CAR-вытирать-CAR-ATTR-ABS.SG [2/3.S/A]убегать-ТН-2/3.SG.S

б. *ʔe.ekke.qej* *a-koka-male-kə-lʔ-en*
 девочка[ABS.SG] [2/3.S/A]CAR-кастрюля-вытирать-CAR-ATTR-ABS.SG
yəntek-wʔ-i
 [2/3.S/A]убегать-ТН-2/3.SG.S

‘Девочка, которая не вымыла кастрюлю, убежала’. [Kasyanova 2019: пример (51)]

в. **ʔe.ekke.qej* *koka-ytə*⁹
 девочка.ABS.SG кастрюля-DAT

⁹ Другие варианты маркирования пониженного объекта тоже признаются неграмматичными.

ena-male-kə-lʔ-en *γantek-wʔ-i*
 [2/3.S/A]ANTI-выгирать-CAR-ATTR-ABS.SG [2/3.S/A]убегать-TH-2/3.SG.S

Ожид.: ‘Девочка, которая не вымыла кастрюлю, убежала’.

В некоторых случаях, однако, использование антипассива в нефинитной форме оказывается все-таки возможным. Так, в (13а) оказывается возможным инфинитив с антипассивом (он присоединяется к глаголу *melewək* ‘выздоровливать’ с транзитивизатором *r-/ -n-*), который неграмматичен в финитной клаузе (13б–в).

(13) а. *γotqen eɲeɲ* *nə-winret-qin* *tʔəl-tʔa-γtə*
 этот лекарство[ABS.SG] ST-помогать-ST.3SG болеть-ATTR-DAT

ine-n-melew-etə-k
 ANTI-TR-выздоровливать-VB-INF

‘Это лекарство помогает лечить больных’. (И. А. Стенин, л. с.)

б. *wasʔa-na* *rə-melew-en-ni-n*
 Вася-AN.ERG TR-выздоровливать-VB-3SG.A.3.O-3SG.O

tʔəl-tʔe-n
 болеть-ATTR-ABS.SG

в. **wasʔa* *ine-n-melew-et-γʔ-i*
 Вася[ABS.SG] ANTI-TR-выздоровливать-VB-TH-2/3.SG.S

tʔəl-tʔa-γtə
 болеть-ATTR-DAT

‘Вася вылечил больного’.

При этом присоединение показателя *ine-/ ena-* к глаголу в инфинитиве не всегда возможно: в примере (14а)¹⁰ носителями амгуэмского диалекта антипассив признается неприемлемым, в отличие от аналогичного предложения с прямой диатезой (14б).

(14) а. **ine-γisi-k* *uunʔə-k* *taɲə-sʔə-γərəγə-n* *mura-k*
 ANTI-собирать-INF ягода-LOC хороший-ADJ-NMLZ-ABS.SG мы-LOC

¹⁰ Сам пример (14а) с антипассивом с незначительными изменениями взят из словаря [Венстен 2015] со ссылкой на произведение чукотской литературы, оригинал которого нам, увы, не удалось найти.

б. *yisi-k uunʔə-t taŋə-sʔə-yəryə-n murə-k*
 собирать-INF ягода-ABS.PL хороший-ADJ-NMLZ-ABS.SG мы-LOC

‘Нам интересно собирать ягоды’.

Таким образом, по крайней мере для некоторых глаголов в некоторых нефинитных формах, сохраняющих глагольный синтаксис, употребление антипассива признается возможным. Сфера его употребления явным образом оказывается уже, чем в материале, представленном в [Dunn 1999] (и тем более чем в других источниках), — в частности, антипассив не эксплуатируется как синтаксический механизм, предшествующий релятивизации А-участника. Какой круг форм и какой набор глаголов все еще позволяет антипассивизацию и насколько это продуктивный процесс, еще предстоит узнать.

4.2. Пермутатив

В отличие от собственно антипассива на *ine- / ena-*, приводящего к детранзитивизации клаузы, пермутатив в амгуэмском диалекте оказывается продуктивной деривацией. Он регулярно образуется от глаголов, имеющих валентности на участников с ролью Темы и Места или Цели.

амгуэмский диалект

(15) а. *ətʔa-ta ewirʔ-ət jəme-ne-na-t*
 мать-ERG одежда-ABS.PL [2/3.S/A]вешать-3SG.A.3.O-3SG.O-PL

(*ŋeɣ-ətə / ŋiɣ-ək*)
 веревка-DAT веревка-LOC

‘Мать повесила одежду на веревку’.

б. *ətʔa-ta ətəlʔ-ətə ŋiɣə-n (ewirʔ-e)*
 мать-ERG весь-DAT веревка-ABS.SG одежда-INS

ena-jme-ne-n
 [2/3.S/A]АНТИ-вешать-3SG.A.3.O-3SG.O

‘Мать полностью завесила веревку одеждой’. [Стенин (рук.): 4–5]

Подобные употребления этой морфемы встречаются и в Мультимедийном корпусе. В примере (16) можно видеть пермутатив от глагола *kee-k* (срединная основа *-rkee-*) ‘мазать (что-то, абсолютив) (на что-то, локатив)’ с продвижением участника с ролью Место в позицию прямого объекта¹¹.

- амгуэмский диалект
 (16) *ena-rkee-ne-n* *yatka-lyə-qaj*
 ANTI-мазать-3SG.A.3.O-3SG.O нога-SING-DIM[ABS.SG]
 ‘[Птичка] ножку намазала’. [Мультимедийный корпус]

Хотя в этом разделе мы сохраняем у показателя *ine- / ena-* глоссу ANTI, для амгуэмского диалекта, по всей видимости, имеет смысл говорить о пермутативе исключительно как о самостоятельной деривации.

4.3. Антипассив на *-tku / -tko*

Семантические и синтаксические особенности деривации на *-tku / -tko* в амгуэмском диалекте подробно описаны в работе [Волков, Игнатенко 2018: 118–124]. Этот суффикс может функционировать как антипассивизирующий, что видно из сравнения примеров (17) и (18б): в присутствии *-tku / -tko* оказывается возможной диатеза с Р-участником в косвенном падеже (18б), тогда как без него она невозможна (17б). При этом его присоединение не обязательно предполагает понижение объекта (18а).

- (17) а. *ətəy-e* *penrə-ne-n* *yənnik*
 отец-ERG атаковать-3SG.A.3.O-3SG.O зверь[ABS.SG]
 б. ^{???} *ətəyə-n* *penrə-γʔ-e* *yənnik-etə*
 отец-ABS.SG атаковать-TH-2/3SG.S зверь-DAT
 ‘Отец атаковал зверя [один раз]’.

¹¹ В самом корпусе показатель *ena-* от глагола не отделен, показатель и основа вместе отгlossированы как ‘намазывать’.

- (18) а. *ətłəy-e* *penrə-tko-ne-n* *yənnik*
отец-ERG атаковать-ITER-3SG.A.3.O-3SG.O зверь[ABS.SG]
- б. *ətłəyə-n* *penrə-tko-yʔ-e* *yənnək-etə*
отец-ABS.SG атаковать-ITER-TH-2/3SG.S зверь-DAT
- ‘Отец атаковал зверя [несколько раз]’. [Волков, Игнатенко 2018: 119–120]

Вне зависимости от диатезы суффикс имеет итеративную семантику: глагол *pən-rə-k* в неимперфективной форме без *-tku / -tko* может интерпретироваться только как однократное действие (17), а с ним обязательно выражает повторяемое действие (18). Таким образом, этот суффикс можно охарактеризовать как итератив, который может употребляться в функции антипассива.

В некоторых случаях при присоединении *-tku / -tko* объект понижается и не может быть выражен [Волков, Игнатенко 2018: 119], пример такого глагола можно видеть в (19).

- (19) *ʔəttʔə-n* *nə-juu-tku-qin*
собака-ABS.SG ст-кусать-ITER-ST.3SG
‘Собака кусается’. [Волков, Игнатенко 2018: 119]

Важно сказать, что антипассив на *-tku / -tko* после утраты высокопродуктивной конструкции на *ine- / ena-* не распространяется на все те контексты, в которых использовалась последняя, и образуется от закрытого класса слов [Волков, Игнатенко 2018: 120]. Как мы видели ранее, при необходимости понижения переходности клаузы в амгуэмском чукотском используется инкорпорация.

4.4. Грамматикализация антипассива: инверсив или показатель лица субъекта

До сих пор мы говорили об употреблении аффиксов *ine- / ena-* и *-tku / -tko* в качестве маркеров залоговых дериваций. Далее мы рассмотрим употребления этих аффиксов, которые уже нельзя назвать антипассивными в чистом виде: генерализованное употребление

в составе словоизменяющей парадигмы и употребление в составе лексикализованных образований.

Оба антипассивизирующих чукотских аффикса встроились в парадигму словоизменения чукотского глагола, выступая в качестве маркера инверсива.

Как было сказано в *Разделе 2*, чукотский глагол в переходной и непереходной клаузе имеет разные парадигмы, нетривиальным образом выражая лицо и число S-, A- и P-участника. Показатель инверсива, присоединяясь к глагольной форме, переключает согласование остальных показателей с объекта на A-участника. Так, в формах статива (20)–(22) суффикс согласуется с подлежащим непереходного и с дополнением переходного глагола. В некоторых клетках парадигмы, однако, глагол имеет инверсивный префикс *ine-/ena-*: в таких формах суффикс выражает лицо и число A-участника. Описанные закономерности можно наблюдать в (20)–(22): в примерах (20) и (21) суффикс *-iyəm / -eyəm* выражает лицо и число S- и P-участников соответственно, а в (22), где есть инверсивный префикс, он относится к A-участнику.

(20) *nə-lqut-iyəm inʔ-e*
 ST-вставать-NP.1SG утро-INS
 ‘Я встаю утром’. [Мультимедийный корпус]

(21) *ənqo mren-e yəm n-aytat-ewəm*¹²
 потом комар-ERG я[ABS.SG] ST-гнать-NP.1SG
 ‘Потом комары меня загоняли’. [Мультимедийный корпус]

(22) *ajwe əmʔətojet yəm-nan sinit-kin walə*
 вчера весь.день я-ERG свой-REL нож.ABS.SG
n-ine-lqərir-iyəm
 ST-INV-искать-NP.1SG
 ‘Я вчера весь день искал свой нож’.

Наличие в клаузе инверсива не приводит к использованию непереходного падежного маркирования — клауза остается переходной.

¹² Суффикс *-ewəm* представляет собой фонетический вариант суффикса *-iyəm / -eyəm*, о смешении *y/w* в амгуэмском диалекте см. подробнее [Зибер 2019: 39–41].

Так, в (22) А- и Р-участник получают эргатив и абсолютив соответственно, что было бы невозможно, если бы *ine-* выступало в этом примере в качестве антипассива, понижающего переходность клаузы.

В *Таблице 1* можно видеть спряжение в небудущем неимперфективном времени¹³ непереходного глагола *jetə-k* ‘приходить’, в *Таблице 2* (с. 357) — спряжение переходного глагола *ʔʔu-k* ‘видеть, находить’ (приводятся для амгуэмского диалекта по [Стенин (рук.)]). В качестве примера инверсива приведем форму *ine-ʔʔu-(ʔʔ)-i* ‘ты увидел / он увидел меня’. Суффиксы *-(ʔʔ)-i* в этой форме принадлежат парадигме субъектного согласования и выражают в ней 2 или 3 л. S-участника — *jet-ʔʔ-i* ‘ты пришел / он пришел’, — но в присутствии инверсива маркируют лицо и число агентивного участника в переходной клаузе. Ячейки с инверсивными употреблениями аффиксов, восходящих к маркерам антипассива, выделены в *Таблице 2* серым.

Таблица 1. Небудущее неимперфективное спряжение непереходного глагола *jetə-k* ‘приходить’ (адаптирована из работы [Стенин (рук.)])

Table 1. Non-future non-imperfective conjugation of the intransitive verb *jetə-k* ‘come’ (adapted from [Stenin ms.]

Лицо	Число	
	SG	PL
1	<i>t-jet-(ʔʔe-)k / t-jet-ʔʔe-(k)</i>	<i>mət-jen-mək</i>
2	<i>jet-(ʔʔ)²-i</i>	<i>jet-tək</i>
3	<i>jet-(ʔʔ)²-i</i>	<i>jet-ʔʔe-t</i>

Показатель *ine- / ena-* в функции инверсива во всех видовременных парадигмах чукотского глагола встречается в ряде форм с 1 л. в позиции объекта (в том числе в *Таблице 2*). Суффикс *-tku / -tko*

¹³ Термин неимперфективный используется на основании того, что маркированным в чукотской глагольной системе является имперфектив [Dunn 1999; Стенин (рук.)].

Таблица 2. Небудущее неимперфективное спряжение переходного глагола *lʔu-k* ‘видеть, найти’ (адаптирована из работы [Стенин (рук.)])

Table 2. Non-future non-imperfective conjunction of the transitive verb *lʔu-k* ‘see, find’ (adapted from [Stenin ms.]

A \ O	1SG	1PL	2SG	2PL	3SG	3PL
1SG	—	—	<i>tə-lʔu-γət</i>	<i>tə-lʔu-tək</i>	<i>tə-lʔu-(γʔe)-n</i>	<i>tə-lʔu-ne-t</i>
1PL	—	—	<i>mət-lʔu-γət</i>	<i>mət-lʔu-tək</i>	<i>mət-lʔu-(γʔe)-n</i>	<i>mət-lʔu-ne-t</i>
2SG	<i>ine-lʔu-(γ)ʔ-i</i>	<i>lʔu-tku-(γ)ʔ-i</i>	—	—	<i>lʔu-(γʔe)-n</i>	<i>lʔu-ne-t</i>
2PL	<i>ine-lʔu-tək</i>	<i>lʔu-tku-tək</i>	—	—	<i>lʔu-tkə</i>	<i>lʔu-tkə</i>
3SG	<i>ine-lʔu-(γ)ʔ-i</i>	<i>ne-lʔu-mək</i>	<i>ne-lʔu-γət</i>	<i>ne-lʔu-tək</i>	<i>lʔu-ni-n</i>	<i>lʔu-ni-ne-t</i>
3PL	<i>ne-lʔu-γəm</i>	<i>ne-lʔu-mək</i>	<i>ne-lʔu-γət</i>	<i>ne-lʔu-tək</i>	<i>ne-lʔu-(γʔe)-n</i>	<i>ne-lʔu-ne-t</i>

во всех парадигмах возникает при множественном объекте первого лица. На этом основании в некоторых работах (например, [Недялков 1979]) делается вывод о том, что эти морфемы выражают лицо объекта (в конфигурации с определенными лицами и числами субъекта): *ine-* / *ena-* — 1 л. ед. ч., *-tku* / *-tko* — 1 л. мн. ч. Однако, если для *-tku* / *-tko* такой анализ естественен (мы отражаем его в глоссах), для *ine-* / *ena-* он менее предпочтителен по крайней мере для одной из парадигм — парадигмы статива, где этот префикс распространен шире и выступает в ряде других клеток парадигмы (ср. (23)–(24) с субъектом и объектом в 3 л.).

- (23) *ekək* *nə-miγsir-et-qin*
сын[ABS.SG] ст-работа-вб-ст.3SG
‘Сын работает’.

- (24) *ətłəγ-e* *ekək* *n-ine-lqərir-qin* *ɲaryən*
отец-ERG сын[ABS.SG] ст-INV-искать1-ст.3SG на.улице
‘Отец ищет сына на улице’.

Чукотская система согласования и согласование в родственных чукотско-камчатских языках широко обсуждаются в литературе

(см., например, [Comrie 1980; Кибрик 1997; Bobaljik, Branigan 2006; Bobaljik 2019]). В рамках этой статьи мы не будем подробно рассматривать особенности чукотского согласования и диахронический сценарий возникновения парадигмы. Что касается инверсивных аффиксов в ней, есть ряд аргументов в пользу того, что употребление их в словообразовательной парадигме вторично и происходит из антипассивных употреблений.

Во-первых, эти показатели не занимают в словоформе согласовательный слот, а располагаются в той же позиции, где находятся аффиксы соответствующих дериваций. Так, в парадигме будущего времени *ine-* / *ena-* располагается после префиксального показателя будущего времени (25а), тогда как другие согласовательные префиксы — до него (25б). Суффикс *-tku* / *-tko* в этой же парадигме отделяется от других лично-числовых суффиксов суффиксальным компонентом показателя будущего времени (25в). В обоих случаях аффикс инверсива располагается ближе к корню, чем аффикс, выражающий время.

- (25) а. *r-ine-lʔu-n-tək*
 [2/3.S/A]FUT-INV-видеть-FUT-2PL.S/O
 ‘Вы меня увидите’.
- б. *t-re-lʔu-n-tək*
 1SG.S/A-FUT-видеть-2PL.S/O
 ‘Вы нас увидите’.
- в. *re-lʔu-tku-n-tək*
 [2/3.S/A]FUT-INV-видеть-1PL.O-FUT-2PL.S/O
 ‘Я увижу вас’.

Во-вторых, клетки с инверсивом оказываются «чужеродными» в парадигме переходного спряжения в том смысле, что, помимо собственно инверсива, они могут содержать только аффиксы субъектного спряжения. В том числе в формах с инверсивом выступает аффикс *-(ʔ?)-i*, который не встречается ни в каких других формах переходного глагола. Такая ситуация естественным образом объясняется, если исходить из предположения, что эти формы возникли при

понижении переходности с помощью антипассивизации. При гипотезе об историческом развитии в обратном направлении описанное устройство парадигмы требовало бы независимого объяснения, о существовании которого нам неизвестно.

Помимо субъектно-объектной парадигмы глагола, префикс *ine- / ena-* передает информацию о лице зависимых глагола в некоторых формах, в остальном не присоединяющих словоизменительных показателей. Так происходит в отрицательной форме глагола, которая образуется с помощью транскатегориального циркумфикса *e-...-k-e / a-...-k-a* и в первом приближении представляет собой конверб, способный употребляться независимо.

(26) а. *ənje ətton / *yəm a-jʔo-k-a*
 ПРОН ОН.ABS.SG я[ABS.SG] CAR-достигать-CAR-INS
 ‘Не подходи к нему / *ко мне!’

б. *ənje yəm / *ətton ena-jʔo-k-a*
 ПРОН я[ABS.SG] ОН.ABS.SG INV-достигать-CAR-INS
 ‘Не подходи ко мне / *к нему!’

Как можно видеть из примеров в (26), отрицательная форма, в данном случае с маркером прохибитива, при наличии префикса *ine- / ena-* обязательно интерпретируется как управляющая дополнением 1 л. При отсутствии префикса глагол в этой форме не может иметь 1 л. в качестве дополнения (соответствующие местоимения могут быть опущены с сохранением значения). Аналогичным образом функционирует форма, образуемая циркумфиксом *ye-...-(t)e / ya-...-(t)a*, со значением ‘надо бы, чтобы Р’:

амгуэмский диалект
 (27) *ye-yite-te ʔəttʔə-t*
 СОМ-смотреть-INS собака-ABS.PL
 ‘Надо бы присмотреть за собаками’. [Стенин (рук.): 40]

(28) *y-ine-winret-e*
 СОМ-INV-помогать-INS
 ‘Надо мне помогать’. (И. А. Стенин, л. с.)

Работа [Dunn 1999] рассматривает аналогичное распределение *ine-* / *ena-* в отрицательных формах, указывая на то, что оно наблюдается в текстах, но, в отличие от амгуэмского диалекта, не подтверждается при элицитации у информантов. М. Данн, однако, классифицирует подобные формы как содержащие антипассив, делая вывод о том, что практически все примеры переходных глаголов с отрицанием в его текстах содержат маркер антипассива. В рамках наших данных, однако, анализ префикса как показателя антипассива в примерах типа (26) и (28) невозможен: присоединение *ine-* / *ena-* к отрицательной форме не приводит к понижению переходности клаузы — это видно из того, что Р-участник при глаголе с *ine-* / *ena-* выступает в абсолютиве (26).

Едва ли, однако, в представленных формах, в отличие от личных, возможен анализ префикса *ine-* / *ena-* и как инверсива: префикс оказывается в них единственным показателем, который можно было бы назвать согласовательным, и не может (без постулирования каких-то нулевых показателей) выполнять функцию «переключения» согласования. В результате для этих нефинитных форм можно говорить о том, что показатель инверсива грамматикализовался далее — в показатель 1 л. ед. ч. объекта.

4.5. Лексикализация антипассива

Деривации на *-tku* / *-tko* в амгуэмском диалекте нередко лексикализируются:

- (29) *keti-k* — *keti-tku-k*
 писать-INF — писать-ITER-INF
 ‘писать’ — ‘учиться’

- амгуэмский диалект
 (30) а. *tə-piri-ʔe-n* *kawkaw*
 1SG.S/A-брать-TH-3SG.O хлеб[ABS.SG]
 ‘Я взял хлеба’.

б. *tə-priri-tku-ʔe-k* *kawkawə-k*
 1SG.S/A-брать-ТН-1SG.S хлеб-ЛОС

‘Я украл хлеб’. / *‘Я взял хлеба’. [Kasyanova 2019: 23]

В таких примерах, как (29)–(30), уже не вполне можно говорить об антипассивизирующей роли суффикса. Хотя присоединение *-tku / -tko* в подобных случаях сопровождается изменением диатезы, он вместе с основой начинает формировать единицу с новым лексическим значением, не выводимым композиционно из них по отдельности.

По всей видимости, лексикализация образований с *-tku / -tko* свойственна не только амгуэмскому чукотскому: словарь Ш. Венстена [Венстен 2015], включающий в себя материал различных диалектов и во многом базирующийся на литературных источниках, содержит не один подобный пример, в том числе (29).

Антипассив на *ine- / ena-* содержится в некоторых лексикализованных отглагольных образованиях, таких как *ine-n-melewə-lʔə-n / ine-n-melew-atə-lʔə-n* (ANTI-TR-выздоровливать-АТТТ-ABS.SG / ANTI-TR-выздоровливать-ВВ-АТТТ-ABS.SG) ‘врач’. Однако для этой деривации нетипично, присоединяясь к глаголу, некомпозиционным образом модифицировать его значение: нам неизвестно о существовании таких пар в амгуэмском диалекте, о подобных случаях нет информации в источниках, посвященных антипассиву на *ine- / ena-*.

При этом, в соответствии с нашими данными, в амгуэмском диалекте чукотского языка существует ровно одна лексема, а именно глагол *enarərə-k* ‘искать’, которая часто присоединяет к себе показатель антипассива, используясь как с ним (31), так и без него (32). О существовании других подобных слов, как уже было сказано, нам неизвестно: они не представлены в корпусе и их не удастся элицировать.

- (31) *maša* *ena.rərə-rkən*¹⁴
 Маша[ABS.SG] [2/3.S/A]ANTI.искать-IPFV
 ‘Маша (что-то) ищет’.

¹⁴ Далее в примерах мы будем записывать и глоссировать фрагмент *enarərə-* с использованием точки: *ena.rərə-* (ANTI.искать). Такое решение вызвано, с одной

- (32) *ətłəyə-n akka-rerə-rkən ɲaryən*
отец-ABS.SG сын-искать-IPFV на.улице

‘Папа ищет сына на улице’.

Этот глагол является одним из основных средств выражения соответствующего значения и несколько раз встречается в Мультимедийном корпусе. В примере (33) представлено использование *enar-er-k* в рассказе, посвященном поиску пропавшего в тундре человека. Объект и ситуация поиска уже введены в рассказе, и при дальнейшем обсуждении способа поиска (в какую сторону ехать) используется форма с антипассивом.

- (33) *opopə toryə-nan sinit q-ena.rerə-rkəne-tək*
лучше вы-ERG сам 2.S/A.SUBJ-ANTI.искать-IPFV-2PL.S/O
jəqcej ra-łmał-aw-ɲə-tək ɣəm-nan reqə-n
разве [2/3.S/A]FUT-слушаться-CS-FUT-2PL.S/O я-ERG что-ABS.SG
iwə-k
сказать-LOC

‘Лучше уж тогда сами ищите, раз вы не слушаете, что я говорю’. [Мультимедийный корпус]

Следует заметить, что *enar-er-k* нельзя назвать лексикализацией в том же смысле, что и формы с *-tku* в (29)–(30): в случае этого глагола не происходит некомпозиционного сдвига в значении сочетания антипассива и основы по сравнению с основой в отдельности. С другой стороны, отсутствие продуктивной антипассивной конструкции на *ine-* / *ena-* делает допустимость соответствующей деривации (без итеративного значения, которое всегда присутствует в случае суффикса *-tku* / *-tko*) свойством отдельной лексемы. Далее мы более подробно рассмотрим свойства этого глагола.

стороны, невозможностью выделить эту деривацию в амгуэмском диалекте, сопоставляя эту лексему с другими глаголами, с другой стороны, значительными отличиями в ее поведении от ожидаемого для деривации с чукотским антипассивом.

5. Сохранившийся глагол с антипассивом на *ine-* / *ena-*: синтаксические свойства

5.1. Глагол с антипассивом

В этом разделе мы рассмотрим особенности глагола *enarerə-k* в сравнении с поведением глагола с продуктивным антипассивом. Его сохранение в амгуэмском диалекте дает нам уникальную возможность увидеть, какие черты утраченного залога сохраняет финитная, т. е. гипотетически позволяющая все синтаксические преобразования, связанные с антипассивизацией, форма. Так как эта же самая лексема регулярно встречается в примерах в посвященных антипассиву статьях без указаний на ее особые свойства (например, в [Kozinsky et al. 1988]), мы можем предполагать, что в диалектах с продуктивным антипассивом она их не имеет.

Как и у продуктивного антипассива, у глагола *enarerə-k* в амгуэмском диалекте не может быть выражен Р-участник в виде прямого дополнения в абсолютиве¹⁵:

- (34) **ənʔeɟej-ne* *ena.rerə-rkə-ne-n*
старший.брат-AN.ERG [2/3.S/A]ANTI.искать-IPFV-3SG.A.3.O-3SG.O
walə
нож[ABS.SG]
Ожид.: ‘Старший брат ищет нож’.

В отличие от продуктивного антипассива, Р-участник, с одной стороны, не может быть выражен отдельно и в косвенном падеже:

- (35) **maša* *ker-etə* / *ker-a* / *kerə-k*
Маша[ABS.SG] керкер-DAT керкер¹⁶.-INS керкер-LOC

¹⁵ Следует заметить, что для небольшого числа носителей такие примеры, как (34) оказываются допустимыми. Для них можно говорить о полном исчезновении антипассива из финитной клаузы и превращении этой лексемы в обычный глагол.

¹⁶ Керкер — традиционная чукотская женская одежда из меха.

ena.rerə-rkən

[2/3.S/A]ANTI.искать-IPFV

Ожид.: ‘Маша ищет керкер’.

С другой стороны, Р-участник может быть инкорпорирован:

(36) *nə-qaə-mk-ena.rer-qen*

ST-олень-COLL-ANTI.искать-ST.3SG

‘Он ищет часть стада оленей’.

Согласно [Kozinsky et al. 1988], инкорпорация в глаголы с анти-пассивом невозможна.

Локативное зависимое глагола, выражающее место поиска, может быть продвинуто в позицию прямого объекта, в таком случае клауза становится переходной:

(37) *əmətʔ-ətə jara-ŋə t-ena.rer-γʔa-n*

весь-DAT яранга-Abs.SG 1SG.S/A-ANTI.искать-TH-3SG.O

‘Я обыскал весь дом’.

Продвижение косвенного дополнения в позицию прямого оценивается как неграмматичное:

(38) **nenene-te ətla ena.rerə-rkə-ne-n*

ребенок-ERG мать[Abs.SG] [2/3.S/A]ANTI.искать-3SG.A.3.O-3SG.O

Ожид.: ‘Ребенок ищет (что-то) для мамы’.

Как было указано выше (вслед за работой [Стенин (рук.)]), пермутатив продуктивно образуется от глаголов с валентностью на Место или Цель. Если первую у глагола со значением ‘искать’ предполагать естественно, то вторую, к которой можно было бы причислить выраженного косвенным дополнением Бенефицианта, — едва ли.

При инкорпорированном Р-участнике возможно продвижение из локатива (39), продвижение же косвенного дополнения оценивается неоднозначно ((40); возможность продвижения обеих позиций ожидается от глагола с инкорпорированным прямым объектом):

- (39) *maša-na tejusyə-n saj-ena.rerə-rkə-ne-n*
 Маша-AN.ERG сумка-ABS.SG чай-ANTI.искать-IPFV-3SG.A.3.O-3SG.O

‘Маша ищет чай в сумке’.

- (40) *nenene-te ətla*
 ребенок-ERG мать[ABS.SG]
koka-ena.rerə-rkə-ne-n
 [2/3.S/A]кастрюля-ANTI.искать-IPFV-3SG.A.3.O-3SG.O

‘Ребенок ищет кастрюлю для мамы’.

Продвинутый прямой объект не может быть инкорпорирован:

- (41) **maša əmətʔə-jara-ena.rer-ʏʔe*
 Маша[ABS.SG] [2/3.S/A]весь-яранга-искать-ТН-2/3SG.S

Ожид.: ‘Маша всю ярангу обыскала’.

5.2. Основа глагола

Прежде чем перейти к обобщению особенностей глагола с показателем *ine- / ena-*, следует рассмотреть употребление основы без него, которая показывает нетипичное поведение для глагола с прямой диатезой.

Р-участник при этой основе не может быть выражен отдельно — ни в абсолютиве (42б), ни в косвенном падеже (42в), — но может быть инкорпорирован (42а).

- (42) а. *ətri nə-saat-rer-qena-t*
 они.ABS.SG ст-аркан-искать-СТ.3SG-PL
- б. **əryə-nan na-rerə-rkən saat*
 они-ERG LOW.A-искать-IPFV аркан[ABS.SG]
- в. **ətri rerə-rkə-t saat-etə / saat-a / saatə-k*
 они.ABS.SG искать-IPFV-PL аркан-DAT аркан-INS аркан-LOC
- ‘Они ищут аркан’.

Оценка грамматичности в (42) полностью параллельна оценке сходных примеров с *enarərə-k* (34)–(36). Однако, в отличие

от варианта с префиксом, основа сама по себе не может употребляться отдельно и требует выраженного инкорпорированного дополнения. Это нетипично для обычных глагольных лексем чукотского языка, но нормально для т. н. «лексических аффиксов» (или суффиксальных предикатов; см. их подробное описание в работе [Виняр 2018b]).

Следует сказать, что, в соответствии с приведенным выше описанием управления (*ena*)*rerə-k*, резонным является вопрос, можно ли говорить об объекте поиска при этом глаголе как о Р-участнике. Объект поиска при (*ena*)*rerə-k* никогда не может выражаться абсолютивом, а именно эту синтаксическую позицию в чукотском языке можно выделить как связанную с Р-участником на основании соответствующей процедуры [Dixon 1994: 6–8]. Мы, однако, будем использовать этот термин, сравнивая поведение этого глагола с особенностями других, на основании того, что он позволяет инкорпорацию. Возможность инкорпорации ассоциирована с пациентивной семантикой и доступна для большинства прямых объектов, в том числе для аргументов того класса глаголов со значительно затронутым пациенсом, на основании которого выделяется Р-участник в конкретном языке¹⁷. Аргументом в пользу того, что этот глагол (*ena*)*rerə-k* хотя бы на каком-то этапе своего существования имел Р-участника, является сама возможность образования им антипассива. Тем не менее, когда мы будем далее обсуждать нетипичность поведения (*ena*)*rerə-k*, следует помнить тот факт, что он необычен уже в том смысле, что семантико-синтаксический статус его зависимых находится под вопросом.

В случае инкорпорации Р-участника локативный участник (43а) и косвенный объект (43б) могут быть продвинуты в позицию прямого, хотя инкорпорация косвенного дополнения оценивается некоторыми информантами как находящаяся на грани грамматичности.

¹⁷ Заметим, что в отношении инкорпорации чукотское маркирование следует считать организованным не по эргативной, а по активно-стативной схеме (Р и S_P могут инкорпорироваться, А и S_A не могут, см. *Раздел 2*).

- (43) а. *wasⁱa-na jara-ŋə wala-rer-ne-n*
 Вася-AN.ERG яранга-Abs.SG [2/3.S/A]нож-искать-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Вася поискал нож в доме’.
- б. [?]*nenene-te ətla koka-rerə-rkə-ne-n*
 ребенок-ERG мать[Abs.SG] [2/3.S/A]кастрюля-искать-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Ребенок ищет кастрюлю для мамы’.

Инкорпорация участника со значением места поиска в отсутствии прямого объекта невозможна:

- (44) **maša əmətʔə-jara-rer-ŋʔe*
 Маша[Abs.SG] [2/3.S/A]весь-яранга-искать-ТН-2/3SG.S
 Ожид.: ‘Маша всю ярангу обыскала’.

5.3. Обсуждение

В процессе описания единиц *enarərə-k* и *-rerə-k* мы уже отмечали их необычные свойства. При этом *enarərə-k* отличается от антипассивизированного глагола (чего, в принципе, можно было бы ожидать, учитывая утрату этого грамматического преобразования в диалекте), а *-rerə-k* — от чукотского глагола с прямой диатезой. В *Таблице 3* (с. 368) мы суммируем перечисленные выше сведения об этих единицах. Мы также приводим в ней информацию о том, какое поведение ожидается в аналогичных контекстах от продуктивного антипассива (для диалектов, где он есть; в соответствии с описанием в *Разделе 4*) и от глагола с прямой диатезой (в том числе для амгуэмского диалекта; в соответствии с описанием в *Разделе 2*).

В клаузах с *enarərə-k* Р-участник не может быть выражен в позиции косвенного объекта, но может быть инкорпорирован. Первое из этих свойств можно описывать, оставаясь в рамках характеристики этой лексемы как содержащей антипассивный префикс — аналогичное поведение, например, показывает деривация на *-tku / -tko* при некоторых основах. Второе свойство, однако, отклоняется от ожидаемого при антипассивизации поведения: инкорпорация сама по себе

Таблица 3. Особенности *enarərə-k* и *-rerə-k* по сравнению с глаголом с продуктивным антипассивом и глаголом с прямой диатезойTable 3. Properties of *enarərə-k* and *-rerə-k*, in contrast with a verb with productive antipassive and a regularly aligned verb

	<i>enarərə-k</i>	глагол с ANTI	<i>-rerə-k</i>	прямая диатеза
Р-участник в абсолютиве	–	–	–	+
понижение Р-участника в косвенный падеж	–	+	–	–
инкорпорация Р-участника	+	–	+	+
продвижение из локатива (без инкорпорации)	+	+	NA ¹⁸	–
продвижение косвенного объекта (без инкорпорации)	–	? ¹⁹	NA	–
продвижение из локатива (с инкорпорацией)	+	+	+	+
продвижение косвенного объекта (с инкорпорацией)	?	+	?	+

является преобразованием, понижающим статус прямого дополнения, и в диалектах чукотского с продуктивным антипассивом эти деривации не сочетаются [Kozinsky et al. 1988].

Как уже было сказано, *-rerə-k*, не будучи способным присоединять прямое дополнение в абсолютиве, объединяется в этом с чукотскими лексическими аффиксами, и только единица с тем же корнем (собственно *enarərə-k*), все-таки не требующая обязательной инкорпорации, не позволяет без колебаний причислить его к этой группе

¹⁸ Так как основа *-rerə-k* не допускает употребления без инкорпорации.

¹⁹ Мы ставим здесь вопрос, потому что не располагаем информацией о допустимости продвижения Бенефицианта при этом глаголе в пермутативе за пределами амгуэмского диалекта.

морфем. Вопрос о том, можно ли это сделать, по всей видимости, является терминологическим.

Интересно, что, демонстрируя необычное поведение, сами *enarera-k* и *-rera-k* оказываются очень похожи, различаясь только тем, что первое способно выступать в предложении без инкорпорации, хотя бы в этом сохраняя свое антипассивное прошлое, а второе нет. Условно поведение рассматриваемых единиц можно описать так: они требуют, чтобы прямой объект был каким-то образом понижен, отличаясь в том, допускается ли понижение путем опущения.

Рассмотрев свойства сохранившегося в амгуэмском диалекте глагола с антипассивом на *ine- / ena-*, нам кажется резонным задать вопрос: почему именно эта лексема — причем с нетипично ведущей себя основой — сохранила возможность его присоединять?

В следующем разделе мы предлагаем диахронический сценарий, который мог бы объяснить этот факт.

6. Диахронические предпосылки к особенностям основы *-rer-*

Прежде чем перейти к диахронии, следует сказать, что глаголы со значением ‘искать’ можно отнести к так называемым «естественным антипассивам» [Сай 2004] — глаголам, которые наиболее легко позволяют присоединение соответствующего маркера, в том числе чаще оказываются среди глаголов с этой деривацией в системах с ограниченно продуктивным антипассивом. Значение ‘искать’, в частности, предполагает такие свойственные естественному антипассиву черты, как агентивность А-участника и внутреннюю неопредельность [Say 2021]. Интересно, однако, что чукотский язык выбрал только этот глагол, не сохранив деривации на *ine- / ena-* для других, даже более склонных к антипассивизации глаголов, таких как, например, ‘есть’. Таким образом, семантика *enarera-k* благоприятствует антипассивизации, однако не может объяснить уникальность этого слова.

Итак, чем может быть обусловлено сохранение антипассива на *ine- / ena-* именно у глагола *enarerə-k* ‘искать’?

Мы предлагаем сценарий, в соответствии с которым префикс *ena-* закрепляется в составе этого слова в результате особенностей исторического развития этой основы.

Помимо глагола (*ena*)*rerə-k*, в чукотском языке есть другой глагол значением ‘искать’ — *qərirə-k*. Эти два глагола взаимозаменяемы в широком круге контекстов, не различаются способом того, как выполняется поиск, и не показывают каких-либо других различий в семантике.

Учитывая распределение контекстов для основы *-rer*, можно было бы предположить, что последняя является срединной, т. е. выступающей не в начале слова основой глагола *qərirə-k*, как это делается в работе [Kozinsky et al. 1988]. Для амгуэмского диалекта это, однако, не так: глагол *qərirə-k* в нем имеет срединную основу *-lqərir-* (основа в начале слова представлена в (45), в середине слова — в (46)).

(45) *ənʔeɟej-ne qərirə-rkə-ni-n wələ*
 старший.брат-AN.ERG искать-IPFV-3SG.A.3.O-3SG.O нож[ABS.SG]
 ‘Старший брат ищет нож’.

(46) *ate-qajə-na ne-lqərir-səqik-wət*
 папа-DIM-AN.ERG LOW.A-искать-MCP-2SG.O
 ‘Папочка пошел искать тебя’. [Мультимедийный корпус]

Тогда как преобразование *qərir- ~ rer-* для современного чукотского являлось бы нерегулярным, выпадение *l* в начале слова перед *q* и *p* — стандартное морфонологическое преобразование для чукотских глагольных основ: *qət- / -lqət-* ‘идти’, *qut- / -lqut-* ‘вставать’, *pənrə- / -lpənrə-* ‘давать’ и т. д. Кроме того, что более важно, *-lqərir-* как типичная срединная основа выступает в любой позиции, кроме начала слова (46), тогда как *-rer* может выступать после показателя антипассива или инкорпорированного имени, но не после словоизменительных префиксов (47).

(47) (=426) **əryə-nan na-rerə-rkən saat*
 они-ERG LOW.A-искать-IPFV аркан
 Ожид.: ‘Они ищут аркан’.

Таким образом, синхронно говорить о связи основ *-rer-* и *(t)q̄arir-* нельзя. Мы, однако, предлагаем считать, что эти основы связаны диакронически, а именно, первая происходит от последней. Этот переход предполагает ряд фонетических преобразований, которые мы приведем ниже.

Прежде чем переходить к описанию этих преобразований, следует сказать, что на прачукотско-корякском уровне восстанавливается только лексема *enarērə-k* [Мудрак 2000], уже содержащая *ena-*, *q̄arirə-k* же наблюдается только в чукотском языке. При этом *enarērə-k* в современных чукотско-корякских языках уже не обязательно членился: корякско-русский словарь не содержит когнатную основу без антипассивного префикса [Молл 1960], в аллоторском языке когнатный глагол *inaritə-k* употребляется переходно [Кибрик и др. 2000: 314], а глагол *ritə-k*, который мог бы соответствовать основе без префикса, значит 'попадать в цель' и, по-видимому, является омонимом. Такое положение дел в родственных чукотскому языках не кажется нам чем-то странным. Скорее наоборот, существование двух частотных лексем с практически абсолютно одинаковым значением может оказываться нестабильным и приводить или к расхождению их значений, или к вытеснению одного другим, что и происходит. С другой стороны, исходя из данных о сопоставлении чукотско-корякских языков, можно сделать предположение об исходной неделимости лексемы *enarērə-k*, начало которой только фонетически совпадает с антипассивом. В таком случае в чукотском языке произошло переразложение этой лексемы с выделением в ней антипассивного префикса. Такая гипотеза, однако, не может объяснить наличия в современном чукотском пары глаголов — *(t)q̄arirə-k* и *enarērə-k* — с практически полностью совпадающими значениями, в определенной степени сопоставимой формой и рядом своеобразных морфосинтаксических особенностей.

Итак, приведем фонетические преобразования при переходе *(t)q̄arirə-k* в *(ena)rērə-k*.

Шаг первый. Основа *q̄arir-* переосмысливается как срединная основа глагола *(t)q̄arirə-k*, т. е. перестает присоединять *t* в середине слова.

После этого она начинает подвергаться действию регулярного чередования, в соответствии с которым согласный *q* перед другим согласным чередуется с гортанной смычкой и, в случае, если перед ней находится гласный звук, происходит метатеза гласной и гортанной смычки. Схематично это преобразование можно записать следующим образом: $qC \rightarrow ?C$; $V? \rightarrow ?V$.

В результате первого фонетического изменения форма с антипассивом изменяется следующим образом: *ine-lqarirə-k* → **ine-qrirə-k*²⁰ > *in-?erirə-k*. Эта последняя форма указывается в чукотско-русском словаре В. Г. Богораз [Богораз 1937: 52]²¹, поэтому мы не ставим перед ней знак *.

При инкорпорации существительных, заканчивающихся на гласную, описанное выше правило применялось бы так же, как в случае присоединения антипассива (*koka-lqarerə-k* → **kok?arerə-k* ‘искать кастрюлю’). Для существительных на согласную сохранение звука *q* или его переход в гортанную смычку определялся бы местом, в котором бы появлялась шва, разделяющая кластер из трех согласных: перед *q* (*kerə-lqarirə-k* → **ker?arirə-k* ‘искать керкер’) или после (*kerə-lqarirə-k* → **kerqarirə-k* ‘искать керкер’). Правила вставки звука шва в чукотском языке устроены нетривиальным образом, однако в середине слова шва имеет тенденцию к появлению на морфемной границе [Muravjova et al. 2001: 301–302], поэтому более ожидаемым вариантом является вариант с появлением гортанной смычки.

Шаг второй. Происходит выпадение смычки (*in?erirə-k* → **inerirə-k*).

Процесс выпадения смычки не описан в чукотских грамматиках: авторы обычно не указывают этот звук среди тех, которые подвергаются выпадению, говоря о нерегулярном процессе утери звуков

²⁰ При восстановлении этой формы мы предполагаем выпадение *ə*, которое регулярно происходит с глаголами с этим гласным в первом слоге после морфем, оканчивающихся на гласный (например, *rəwə- / -rəwə-* ‘стругать’, *ŋəto- / -nto-* ‘вынимать’ с дополнительным чередованием согласного).

²¹ Учитывая уровень, на котором восстанавливается глагол *enarərə-k*, сложно говорить о том, отражают ли примеры начала прошлого столетия описываемые

j, *w*, *l* и реже *t* в позиции между гласными (см., например, [Скорик 1961: 58]).

Однако И. А. Зибер с опорой на акустический анализ данных амгуэмского диалекта показывает, что гортанная смычка может ослабляться или полностью исчезать, сообщая следующей гласной скрипучую фонацию (которая часто возникает рядом со смычкой и без ее ослабления) или фарингализацию [Зибер 2018: 22]. Это значит, что выпадение смычки в амгуэмском диалекте регулярно происходит по крайней мере на фонетическом уровне.

Говоря о смычке как о единице фонологического уровня, заметим, что словарь [Венстен 2015] содержит немалое количество слов, допускающих в разных фонетических позициях вариативность в наличии в них смычки: *?itumkən / ?itʔumkən* ‘стая гусей’, *pʔusurmən / ?pəsurmən* ‘промежность’, *?urʔen / ?uren / uren* ‘кожа, идущая на носовую и кормовую части байдары’, *emulʔən / emulʔən* ‘работник, слуга’, *ritʔulʔuk / ritʔulʔuk* ‘найти выброшенную на берег тушу морского зверя’, *kokʔoʔʔən / kʔokoʔʔən* ‘нарост на дереве, бородавка’, *rojʔəlʔəʔtawjo / rəroʔəʔtawjo* ‘побежденный’, *ejʔut / ejut* ‘зловредный разговор’, *weloqolasʔən / weloqʔolasʔən* ‘барабанная перепонка’ и другие.

Вариативность (или в рамках одного диалекта, или между ними, учитывая, что упомянутый словарь содержит материал разных диалектов), по всей видимости, указывает на произошедшее выпадение смычки — о существовании в чукотском языке фонетического процесса, который бы приводил к вставке согласных внутрь морфемы, нам не известно.

Шаг третий. Изменяется степень сингармонизма основы (-*rir*- → -*rer*-).

Чукотская система сингармонизма устроена следующим образом:

— гласные полного места образования делятся на две группы и показывают следующие чередования: *i* — *e*, *u* — *o*, *e* — *a*.

изменения или как бы повторяют их. Тем не менее само их наличие подтверждает возможность обсуждаемых переходов.

Гласные, располагающиеся слева от тире, мы будем называть относящимися к слабой ступени сингармонизма, звуки справа от тире — относящимися к сильной ступени. Звук *e*, упомянутый в списке пар дважды, фонетически реализуется одинаково, но в одном случае, чередуясь с *i*, сам относится к сильной ступени чередования, а в другой, чередуясь с *a*, сам относится к слабой ступени;

- каждая морфема, в том числе не содержащая указанных выше гласных или гласных вообще, относится к слабой или к сильной ступени сингармонизма;
- если хотя бы одна морфема в слове относится к сильной ступени сингармонизма, все гласные в этом слове реализуются в своей сильной ступени;
- звук шва не подвержен сингармонизму.

Проиллюстрируем действие приведенных выше принципов. В слове *tə-lqərirə-rkə-ne-t* (2/3.S/A-искать-IPFV-3SG.A.3.O-3SG.O) ‘я ищу их’ основа и все аффиксы относятся к слабой ступени сингармонизма, и, соответственно, все гласные в нем принадлежат к слабой ступени. При добавлении к этому глаголу показателя инхоатива *-ŋŋo* с сильной ступенью сингармонизма меняется качество гласных во всех остальных морфемах: *tə-lqərerə-ŋŋo-na-t* (2/3.S/A-искать-INCH-3SG.A.3.O-3SG.O) ‘я начал их искать’.

Подобное изменение, которое, однако, нельзя на синхронном уровне связать с какой-либо морфемой, мы предлагаем видеть при переходе от *qərirə-k* к *rerə-k*.

К предлагаемому нами «переключению» сингармонизма у основы можно подобрать хотя и не полные, но параллели. Так, нам известен случай изменения сингармонизма у показателя пролатива *-jekwe* по сравнению с когнатным ему суффиксом *-jikwi* ‘ряд X-ов; пространство между X-ов’. Это изменение, скорее всего, связано с утерей какого-то показателя с сильным сингармонизмом, следующего за маркером пролатива. Кроме того, в чукотском есть морфема *-ŋ* — так называемый архаичный датив, который участвует в образовании адвербиалов. Сам звук *ŋ* иногда может

не произноситься, в таких случаях наличие этой морфемы становится заметным только из-за изменения ступени чередования в морфемах со слабым сингармонизмом.

Косвенным подтверждением приведенной последовательности изменений можно считать форму *n-ine-ir-qin* (ST-ANTI-искать-ST.3SG) ‘он поискал’²², встречающуюся один раз в сборнике текстов [Bogoras 1910: 22], собранных В. Г. Богоразом. Эта форма возможна только в том случае, если глагол уже утратил смычку, но еще не сменил сингармонизм, и от современного *enarera-k* основу отделяет только этот последний переход. В этой форме также происходит выпадение *r* между гласными, о котором мы бегло упоминали ранее и которое факультативно происходит для глагола *qarira-k* (давая в исходном варианте этой лексемы форму *qiira-k*).

Следует заметить, что, если два предыдущих фонетических перехода логически упорядочены, третий происходит независимо от них и может происходить как до них, как и после (или изменения могут идти параллельно). Тот факт, что в *Таблице 4* этот переход помещен после других, обусловлен исключительно линейностью порядка изложения; выбор именно такого порядка сделан с опорой на свидетельства словаря и текстов В. Г. Богораз.

В *Таблице 4* мы кратко суммируем описанный выше предполагаемый путь преобразования основы *qarir-* в основу *-rer-*.

Таблица 4. Процесс преобразования основы *qarir-* в основу *-rer-*

Table 4. The process of change of the stem *qarir-* into the stem *-rer-*

Шаг	Описание фонетического изменения	Фонетическое изменение
1	<i>qarir-</i> переосмысливается как срединная основа глагола (<i>!</i>) <i>qarira-k</i>	<i>ine-lqarira-k</i> → <i>inɗerira-k</i>
2	Смычка выпадает	<i>inɗerira-k</i> → <i>inerira-k</i>
0–3	Меняется ступень сингармонизма основы	<i>-rira-k</i> → <i>-rer-a-k</i>

²² Возможен также разбор ST-INV-искать-ST.3SG со значением ‘он поискал ее (Смерть)’, оба варианта разбора удовлетворяют контексту.

Описанный сценарий позволяет объяснить сразу два факта. Во-первых, наличие в чукотском языке двух глаголов ‘искать’ с практически полным отсутствием семантических различий между ними: один (*(ena) rerə-k*) из них возник из другого (*qərirə-k*). Во-вторых, предложенный сценарий частично объясняет особенное поведение основы *-rerə-k*, которая не может выступать отдельно, требуя инкорпорированного имени или антипассива перед собой: эта основа требует наличия перед собой морфологического материала, потому что развилась в результате взаимодействия основы с этим материалом. Предложенный сценарий, однако, не вполне объясняет распределение основы *-rerə-k*: как было сказано выше, она способна выступать только после показателя антипассива или инкорпорированного имени, тогда как описанные выше фонетические изменения могли в равной степени произойти в любой позиции в середине слова. Развилось ли такое распределение *-rerə-k* из сосуществования на каком-то этапе сразу двух срединных основ глагола *qərirə-k* — регулярной и нерегулярной, — или оно происходит из каких-то не найденных нами факторов, остается открытым вопросом.

Заметим, что если предложенный нами сценарий верен, то единственный сохранившийся в амгуэмском диалекте антипассив на *ine- / ena-* сохранился в нем исключительно благодаря фонетике, благодаря слиянию с основой в результате диахронических изменений, а не в результате семантических или синтаксических предпосылок.

7. Заключение

В настоящей работе мы охарактеризовали антипассив в амгуэмском диалекте чукотского языка в сравнении с материалом других диалектов (или хронолектов) чукотского языка.

Сравнение развития двух антипассивных конструкций в амгуэмском диалекте — продуктивной и выражающей в других вариантах чукотского исключительно залоговое значение деривации на *ine- / ena-* и менее продуктивной деривации на *-tku / -tko* — показывает интересный результат.

Первая из них практически уходит из языка в своем исходном значении, подтверждая наблюдение [Сай 2008] о том, что антипассив является нестабильной категорией с коротким циклом жизни.

Обе деривации в той или иной степени пережили два сценария разрушения этой категории, описанные в названной работе: генерализацию и лексикализацию.

Генерализация для обоих аффиксов заключается в переходе в инверсив (и дальнейшей возможной грамматикализацией в показатель лица объекта).

С точки зрения лексикализации два типа антипассива демонстрируют значительные различия. Для антипассива, сопряженного с итеративом, лексикализация нередка. Для «чистого» же антипассива единственный случай, в котором лексема имеет глагольный синтаксис и который можно назвать лексикализацией (глагол *enarerə-k*), оказывается таковой только в результате исчезновения антипассива. Префикс в этом слове продолжает композиционально с точки зрения своего исходного значения сочетаться с основой, но синхронно делает это некомпозиционально, потому что других таких глаголов нет.

Этот сохранившийся глагол с антипассивом в своих синтаксических свойствах далеко отходит от исходной точки, показывая сходное поведение с соответствующей, тоже нетипично себя ведущей, основой без антипассива. Если наш сценарий диахронического развития этой единицы верен, амгуэмский диалект обязан сохранением этого следа ранее продуктивного антипассива в финитной клаузе исключительно фонетическим преобразованиям соответствующей лексемы.

Несмотря на практически полное отсутствие лексикализации, именно деривация на *ine- / ena-* покидает чукотский язык, оставляя менее продуктивный и чаще лексикализирующийся антипассив-итератив существовать в одиночку.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; А — агентивный участник; ABS — абсолютив; ADJ — адъективизатор; AN — личное склонение; ANTI — антипассив; ATTR — атрибутивизатор; CAR — каритив; COLL — собирательная множественность; COM — комитатив;

DAT — датив; DIM — диминутив; ERG — эргатив; FUT — будущее время; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; INV — инверсив; IPFV — имперфектив; ITER — итератив; LOC — локатив; LOW — низкий; MCP — движение с целью (что-то сделать); NMLZ — номинализация; NP — именная группа (используется при глоссировании лично-числовых показателей имен и стативных и перфектных форм глагола); O — пациентивный участник; PL — множественное число; PRON — прохобитив; RED — редупликация; REL — относительное прилагательное; S — подлежащее непереходной клаузы; SG — единственное число; SING — сингулятив; ST — статив; SUBJ — субьюнктив; TH — тематический элемент; VB — вербализатор.

Литература

- Виняр 2018a — А. И. Виняр. Инкорпорация прямого объекта // Амгуэмский говор чукотского языка. Грамматический очерк. 2018 (электронный ресурс). URL: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_AV_DO_incorporation.pdf (дата обращения 19.11.2019).
- Виняр 2018b — А. И. Виняр. Суффиксальные предикаты // Амгуэмский говор чукотского языка. Грамматический очерк. 2018 (электронный ресурс). URL: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_AV_suffixal_predicates.pdf (дата обращения 19.11.2019).
- Волков, Игнатенко — О. С. Волков, Д. И. Игнатенко. Глагольные деривации чукотского языка сквозь призму глагольной множественности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2018. Т. XIV. Ч. 2. С. 111–131.
- Зибер 2018 — И. А. Зибер. Консонантизм // Грамматический очерк чукотского языка. 2018 (электронный ресурс). URL: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_IZ_consonants.pdf (дата обращения 25.07.2020).
- Касьянова 2019 — П. А. Касьянова. Непоследовательная эргативность в чукотском языке. Выпускная квалификационная работа. М.: НИУ ВШЭ, 2019.
- Кибрик 1997 — А. Е. Кибрик. Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 27–57.
- Мельчук 2004 — И. А. Мельчук. Определение категории залога и исчисление возможных залогов: 30 лет спустя // В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 286–314.

- Недялков 1979 — В. П. Недялков. Чукотский антипассив и вторичная транзитивация // Г. К. Широков и др. (ред.). XIV Тихоокеанский научный конгресс. СССР, Хабаровск, август 1979 г. Комитет Л. Секция «Этнокультурные проблемы изучения народов Тихоокеанского региона». Языки бассейна Тихого океана. Тезисы докладов. М.: Б. и., 1979. С. 266–268.
- Сай 2004 — С. С. Сай. Лексическая семантика глагола и антипассивная деривация // Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика, С. С. Сай (ред.). Первая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 24–25 сентября 2004 г. СПб.: Наука, 2004. С. 86–90.
- Сай 2008 — С. С. Сай. К типологии антипассивных конструкций: семантика, прагматика, синтаксис. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2008.
- Скорик 1961 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология именных частей речи. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Скорик 1977 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. 2: Глагол, наречие, служебные слова. Л.: Наука, 1977.
- Стенин 2018 — И. А. Стенин. Общие сведения о чукотском языке и исследуемом говоре // Амгуэмский говор чукотского языка. Грамматический очерк. 2018 (электронный ресурс). URL: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_IS_introduction.pdf (дата обращения 19.07.2020).
- Стенин (рук.) — И. А. Стенин. Лично-числовое согласование. Рукопись.
- Bobaljik 2019 — J. D. Bobaljik. The Chukotkan “inverse” from an Itelmen perspective // Е. В. Головкин, А. М. Певнов, М. Ю. Пупынина, А. А. Сюрюн, А. Ю. Урманчиева (ред.). Лингвистика и другие важные вещи: памяти Александра Павловича Володина (1935–2017). СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 415–435.
- Bobaljik, Branigan 2006 — J. D. Bobaljik, P. Branigan. Eccentric agreement and multiple case checking // A. Johns, D. Massam, J. Ndayiragije (eds.). Ergativity: Emerging Issues. (Studies in Natural Language and Linguistic Theory 65). Dordrecht: Springer, 2006. P. 47–77. DOI: 10.1007/1-4020-4188-8_3.
- Comrie 1979 — B. Comrie. Degrees of ergativity: Some Chukchee evidence // F. Plank (ed.). Ergativity: Towards a Theory of Grammatical Relations. London: Academic Press, 1979. P. 219–240.
- Comrie 1980 — B. Comrie. Inverse verb forms in Siberia: Evidence from Chukchee, Koryak, and Kamchadal // Folia Linguistica Historica. 1980. Vol. 14. Iss. Historica I/1. P. 61–74. DOI: 10.1515/flih.1980.1.1.61.
- Dixon 1994 — R. M. W. Dixon. Ergativity. (Cambridge Studies in Linguistics 69). Cambridge: Cambridge University Press, 1994. DOI: 10.1017/CBO9780511611896.

- Dunn 1999 — M. J. Dunn. Grammar of Chukchi. PhD thesis. Canberra: Australian National University, 1999.
- Kozinsky et al. 1988 — I. Š. Kozinsky, V. P. Nedjalkov, M. S. Polinskaja. Antipassive in Chukchee: Oblique object, object incorporation, zero object // M. Shibatani (ed.). *Passive and Voice*. (Typological Studies in Language 16). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1988. P. 651–706. DOI: 10.1075/tsl.16.21koz.
- Muravyova et al. 2001 — I. A. Muravyova, M. A. Daniel, T. Ju. Zhdanova. Chukchi Language and Folklore in Texts Collected by V. G. Bogoraz. Moscow: S. n., 2001.
- Say 2021 — S. Say. The antipassive derivation and the lexical meaning of the verb // K. Janic, A. Witzlack-Makarevich (eds.). *Antipassive: Typology, Diachrony, and Related Constructions*. (Typological Studies in Language 130). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 2021. P. 177–212.

Источники

- Богораз 1937 — В. Г. Богораз. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.; Л.: Учпедгиз, 1937.
- Венстен 2015 — Ш. Венстен. Чукотско-французско-англо-русский словарь. В 3-х т. Анадыр: Б. и., 2015.
- Кибрик и др. 2000 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. А. Муравьева. Язык и фольклор алюторцев. М.: Наследие, 2000.
- Молл 1960 — Т. А. Молл. Корякско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, Ленинградское отделение, 1960.
- Мудрак 2000 — О. А. Мудрак. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. (Studia philologica). М.: Языки русской культуры, 2000.
- Bogoras 1910 — W. Bogoras. Chukchee Mythology. (Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. 12. Pt. 1; Publications of The Jessup North Pacific Expedition. Vol. 8. Pt. 1). Leiden; New York: E. J. Brill Ltd.; G. E. Stechert & Co., 1910.

References

- Bobaljik 2019 — J. D. Bobaljik. The Chukotkan “inverse” from an Itelmen perspective. E. V. Golovko, A. M. Pevnov, M. Yu. Pupynina, A. A. Syuryun, A. Yu. Urmanchiyeva (eds.). *Lingvistika i drugiye vazhnyye veshchi: Pamyati Aleksandra Pavlovicha Volodina (1935–2017)* [Linguistics and Other Important Things: In Memory of Aleksandr Pavlovich Volodin (1935–2017)]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2019. P. 415–435.

- Bobaljik, Branigan 2006 — J. D. Bobaljik, P. Branigan. Eccentric agreement and multiple case checking. A. Johns, D. Massam, J. Ndayiragije (eds.). *Ergativity: Emerging Issues*. (Studies in Natural Language and Linguistic Theory 65). Dordrecht: Springer, 2006. P. 47–77. DOI: 10.1007/1-4020-4188-8_3.
- Comrie 1979 — B. Comrie. Degrees of ergativity: Some Chukchee evidence. F. Plank (ed.). *Ergativity: Towards a Theory of Grammatical Relations*. London: Academic Press, 1979. P. 219–240.
- Comrie 1980 — B. Comrie. Inverse verb forms in Siberia: Evidence from Chukchee, Koryak, and Kamchadal. *Folia Linguistica Historica*. 1980. Vol. 14. Iss. Historica 1/1. P. 61–74. DOI: 10.1515/flih.1980.1.1.61.
- Dixon 1994 — R. M. W. Dixon. *Ergativity*. (Cambridge Studies in Linguistics 69). Cambridge: Cambridge University Press, 1994. DOI: 10.1017/CBO9780511611896.
- Dunn 1999 — M. J. Dunn. Grammar of Chukchi. PhD thesis. Canberra: Australian National University, 1999.
- Kasyanova 2019 — P. A. Kasyanova. Neposledovatelnaya ergativnost v chukotskom yazyke [Inconsistent ergativity in Chukchi]. Graduation paper. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2019.
- Kibrik 1997 — A. E. Kibrik. Iyerarkhii, roli, nuli, markirovannost i “anomalnaya” upakovka grammaticheskoy semantiki [Hierarchies, roles, zeroes, markedness and “anomalous” package of grammatical semantics]. *Voprosy yazykoznavaniya*. 1997. No. 4. P. 27–57.
- Kozinsky et al. 1988 — I. Š. Kozinsky, V. P. Nedjalkov, M. S. Polinskaja. Antipassive in Chukchee: Oblique object, object incorporation, zero object. M. Shibatani (ed.). *Passive and Voice*. (Typological Studies in Language 16). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1988. P. 651–706. DOI: 10.1075/tsl.16.21koz.
- Melchuk 2004 — I. A. Melchuk. Opredeleniye kategorii zaloga i ischisleniye vozmozhnykh zalogov: 30 let spustya [Definition of voice and calculus of possible voices]. V. S. Khrakovskiy, A. L. Malchukov, S. Yu. Dmitrenko (eds.). *40 let Sankt-Peterburgskoy tipologicheskoy shkole* [40 Years of the St. Petersburg Typological School]. Moscow: Znack, 2004. P. 286–314.
- Muravyova et al. 2001 — I. A. Muravyova, M. A. Daniel, T. Ju. Zhdanova. *Chukchi Language and Folklore in Texts Collected by V. G. Bogoraz*. Moscow: S. n., 2001.
- Nedyalkov 1979 — V. P. Nedyalkov. Chukotskiy antipassiv i vtorichnaya tranzitivatsiya [Chukchi antipassive and secondary transitivization] // G. K. Shirokov et al. (eds.). *XIV Tikhookeanskiy nauchnyy kongress. SSSR, Khabarovsk, avgust 1979 g. Komitet L. Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki. Sektsiya “Etnokulturnyye problemy izucheniya narodov Tikhookeanskogo regiona”*. *Yazyki basseyna Tikhogo*

- okeana* [XIV Pacific Scientific Congress. USSR, Khabarovsk, August 1979. Committee L. Social and Human Sciences. Section “Ethno-Cultural Problems of Research of the Peoples of the Pacific Region”. Pacific Basin Languages]. Moscow: S. n., 1979. P. 266–268.
- Say 2004 — S. S. Say. Leksicheskaya semantika glagola i antipassivnaya derivatsiya [Lexical semantics of the verb and antipassive derivation]. D. V. Gerasimov, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika, S. S. Say (eds.). *Pervaya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley* [First Conference on Typology and Grammar for Young Scholars]. St. Petersburg, September 24–25, 2004. St. Petersburg: Nauka, 2004. P. 86–90.
- Say 2008 — S. S. Say. K tipologii antipassivnykh konstruksiy: semantika, pragmatika, sintaksis [Towards the typology of antipassive constructions: Semantics, pragmatics, syntax]. PhD thesis. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2008.
- Say 2021 — S. Say. The antipassive derivation and the lexical meaning of the verb. K. Janic, A. Witzlack-Makarevich (eds.). *Antipassive: Typology, Diachrony, and Related Constructions*. (Typological Studies in Language 130). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2021. P. 177–212.
- Skorik 1961 — P. Ya. Skorik. *Grammatika chukotskogo yazyka* [Chukchi Grammar]. Pt. 1: *Fonetika i morfologiya imennykh chastey rechi* [Phonetics and Morphology of Nominal Categories]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1961.
- Skorik 1977 — P. Ya. Skorik. *Grammatika chukotskogo yazyka* [Chukchi Grammar]. Pt. 2: *Glagol, narechiye, sluzhebnyye slova* [Verb, Adverb, Function Words]. Leningrad: Nauka, 1977.
- Stenin 2018 — I. A. Stenin. Obschiye svedeniya o chukotskom yazyke i issleduyemom govore [General information on Chukchi and the studied dialect]. *Amguemskiy govor chukotskogo yazyka. Grammaticheskij ocherk* [Amguema Chukchi. Grammar Sketch]. 2018. Available at: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_IS_introduction.pdf (accessed on 19.07.2020).
- Stenin ms. — I. A. Stenin. Lichno-chislovoye soglasovaniye [Personal agreement]. Manuscript.
- Vinyar 2018a — A. I. Vinyar. Inkorporatsiya pryamogo obyekt [Direct Object incorporation]. *Amguemskiy govor chukotskogo yazyka. Grammaticheskij ocherk* [Amguema Chukchi. Grammar Sketch]. 2018. Available at: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_AV_DO_incorporation.pdf (accessed on 19.11.2019).
- Vinyar 2018b — A. I. Vinyar. Suffiksialnyye predikaty [Suffixal predicates]. *Amguemskiy govor chukotskogo yazyka. Grammaticheskij ocherk* [Amguema Chukchi. Grammar Sketch]. 2018. Available at: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_AV_suffixal_predicates.pdf (accessed on 19.11.2019).

- Volkov, Ignatenko — O. S. Volkov, D. I. Ignatenko. Glagolnyye derivatsii chukotskogo yazyka skvoz prizmu glagolnoy mnozhestvennosti [Verbal derivations in Chukchi towards the domain of pluractionality]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2018. Vol. XIV. Pt. 2. P. 111–131.
- Ziber 2018 — I. A. Ziber. Konsonantizm [Consonantism]. *Amguemskiy govor chukotskogo yazyka. Grammaticheskij ocherk* [Amguema Chukchi. Grammar Sketch]. 2018. Available at https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_IZ_consonants.pdf (accessed on 25.07.2020).

Preposition *à* in Natoro: From comitatives to clausal conjunction

V. V. Dyachkov

Institute of Linguistics (Moscow, Russia); hypocentaurus@mail.ru

Abstract. The paper deals with the syntax and semantics of the preposition *à* in Natoro, an underdescribed Gur language. This preposition is used as a comitative marker and expresses typical comitative meanings such as an instrument, companion, means of transportation etc. It can also conjoin NPs as well as finite clauses, with these two functions rarely combined in the languages of Sub-Saharan Africa. The aim of the paper is twofold. First, it describes the basic properties of comitative constructions and the positional restrictions imposed on comitative constructions of various semantic types. In particular, constructions with inanimate participants share some properties with clause-level adjuncts, and their position within the clause is fixed. In contrast, other comitative constructions have different syntactic properties and can be used in postposition to verbs as well as to nouns. This results in two possible configurations, namely the one where the comitative adjunct follows the noun it modifies, and the other where the comitative adjunct is inserted after the SOV or SVO sequence. It is also shown that all Natoro comitatives can be regarded as subordinate structures, and Natoro is a typical ‘with’-language where the comitative strategy is the basic medium used to express NP conjunction. Thus, both constituents expressing NP conjunction and comitative constructions expressing other meanings can be treated in a uniform way, although the semantic relations between the head nouns in such constructions and the comitative marked NPs may differ significantly. Second, the paper gives a typologically-based overview of the phenomenon and discusses the Natoro data in comparison with other languages of the African area. Namely, it establishes some parallels with the Mande languages where comitative constructions have similar syntactic properties.

Keywords: Natoro, Gur languages, comitative constructions, comitative coordination.

Acknowledgments. The research was supported by RSCF grant No. № 17-78-20071.

Предлог *à* в языке натиоро: от комитатива к клаузалльному сочинению

В. В. Дьячков

Институт языкознания РАН (Москва, Россия);
hyppocentaurus@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются синтаксис и семантика предлога *à* в языке натиоро (семья гур). Этот предлог используется в качестве комитативного маркера и выражает типичные комитативные значения, но может также сочинять ИГ и финитные клаузы. Совмещение этих функций нетипично для языков Африки к югу от Сахары. В статье описываются основные свойства комитативных конструкций и позиционные ограничения, характерные для таких конструкций разных семантических типов. Данные натиоро обсуждаются в сравнении с данными других языков африканского ареала.

Ключевые слова: натиоро, языки гур, комитативные конструкции, комитативное сочинение.

1. Introduction

The article deals with semantic and syntactic properties of comitative constructions in Natioro (< Gur < Niger-Congo) spoken by some 4000–5000 speakers in several villages of Burkina Faso. The language is underdescribed, and the only sources containing some basic data on Natioro are [Prost 1968] and [Miehe, Winkelmann (eds.) 2007]. The variety discussed here is the dialect of Timba village. The data is based on my own fieldwork in 2018–2020 with a French-speaking consultant and a small corpus of oral texts collected in Timba.

The paper focuses on comitative constructions which are highly polysynthetic in Natioro. Comitative constructions can be subdivided into several types [Stolz et al. 2006; Arkhipov 2009a, 2009b]. Arkhipov defines the comitative construction as “an asymmetrical construction

employed to introduce a non-obligatory participant with the same role as one of the core participants” [Arkhipov 2009a: 240]. Among such constructions, genuine comitatives are distinguished which are “used to express a non-obligatory participant set in a given situation S, such that: (i) the predicate denoting S is not repeated more than once; (ii) the individual participants making up the participant set are expressed separately; (iii) the expressions denoting these participants differ in structural rank” [Ibid.: 224]. An example is an English sentence *John came with Mary* where there are two NPs, *John* and *Mary*, and they differ in their structural rank, *John* being the subject and *Mary* being an oblique NP. Markers used in genuine comitative constructions can also give rise to several constructions expressing closely related, but not identical meanings, such as NP coordinating structures, inclusory constructions etc. [Ibid.: 230–240]. In this paper, I will consider all semantic types of comitative constructions (for a larger list, see [Stolz et al. 2006] and *Section 3* of this paper).

It is well-known that in the languages of the world, there exist two main strategies of conjoining NPs, which are comitative and coordinating strategies, cf. [Stassen 2000]. All the languages can be divided into two classes with respect to which strategy is used as basic, and these languages are commonly referred to as ‘WITH’- and ‘AND’-languages. The former strategy is regarded as more frequent cross-linguistically and typical of Sub-Saharan languages [Ibid.]. However, ‘WITH’-languages tend to evolve into ‘AND’-languages, and one can see that some Natoro comitative constructions exhibit coordinating properties and some subordinating ones. Stassen also notes that languages with cases tend to be ‘WITH’-languages [Ibid.: 44]. Natoro is a ‘WITH’-language, as I will show below, and it does have cases, although the case system is reduced and case forms can only be found with pronouns.

In Natoro, comitative expressions are represented by constructions with prepositions. Semantically, they are associated with typical comitative meanings (such as companion, instrument, means of transportation etc.) but they are also used as markers of clausal coordination and subordination. In African languages, comitatives are frequently used

as coordination markers connecting NPs, see [Creissels 2016; 2018], which is also true of Natoro. However, their use as clause-connecting conjunctions is not widespread. In the present paper, I will give a typologically-oriented overview of Natoro comitative constructions and describe their syntactic properties. The paper is structured as follows. *Section 2* provides some basic information on Natoro. *Section 3* describes semantics and syntax of comitative constructions as well as functional domains covered by them. *Section 4* compares Natoro comitatives with similar constructions in languages of Sub-Saharan Africa, including the languages of Mande family which are in a long-term language contact with Natoro. The section also discusses some possible sources of grammaticalization for comitative markers, and *Section 5* concludes.

2. Natoro language

Natoro (or Samu Kune) is spoken by a minor community which has established long-term contacts with the neighbouring Dioula and Senufo ethnic groups. Dioula (< Mande < Niger-Congo) is the lingua franca of the region and is spoken by most Natoro people. Its influence on the Natoro is obvious, and many loanwords of Dioula origin were attested in my data, including both cultural and non-cultural vocabulary. I was told that only some elder people understand Senufo, and French is not spoken in the country and not used in everyday communication. However, my consultant is one of the few Natoro people speaking French, and this language was used as intermediate in my fieldwork.

Like most African languages, Natoro is a tonal language and has three tone levels (high, mid and low). Nouns are marked by class suffixes triggering number agreement on adjectives modifying them. Class markers are suffixed to nouns and can be deleted in some contexts:

- (1) $\bar{s}\bar{t}si-\bar{a}$ 'rice.cake-CL'
 $\bar{s}\bar{t}\bar{s}\bar{t}f\bar{o}$: 'white rice cake'

- (2) *kàfēḡ-wà* ‘donkey-CL’
kàfēḡ kā:bà ‘one donkey’

Verbal derivation in Natoro is represented by a small set of affixes (causatives and TAM markers). Many TAM meanings are expressed analytically by particles which occupy the position after the clausal subject. An example is (3) where the verb is used in its Future form:

- (3) *nzēⁿ nā-mí lōⁿ swè=: kwā=: tō*
 today 1SG-OBL FUT go.NMLZ market DAT
 ‘Today, I am going to go to the market’.

In Natoro, two basic word orders must be distinguished with respect to the TAM form of the predicate. Perfective forms require SVO order, whereas Imperfective forms require SOV order. Case marking is also different in Perfective and Imperfective clauses. In clauses of the former type, the subject does not require any special case marking. In Imperfective clauses, subjects are obligatorily marked by the same case which marks direct objects (5) and is labeled as oblique. It is noteworthy that only pronouns can have special case-marked forms. Nouns do not have case forms but are subject to tonal overlays (indicated by superscripts as in (4)). The same noun can occur both with and without overlay, and it is not clear whether these overlays can be analyzed as case markers or they are due to downdrift. Hereafter, I do not mark the oblique noun forms in interlinears.

- (4) *nāⁿ cèrēⁿ ^Ltāⁿ-wà*
 1SG throw.PFV stone-CL
 ‘I threw a stone’.
- (5) *nā-mí tāⁿ-wà cèrē-wⁿ*
 1SG-OBL stone-CL throw-IPFV
 ‘I am throwing stones’.
- (6) *pōḡ-wā tā: ^Lnà-mì*
 dog-CL bite.PFV 1SG-OBL
 ‘A/the dog bit me’.

3. Comitatives in Natioero: basic properties

3.1. Semantic types of comitatives

Comitative meanings are expressed in Natioero by the preposition *à*. It is the only preposition in Natioero, since other function words are postpositions. The preposition assigns the same case which marks direct objects and which is labeled here as oblique. The most confident test revealing the case marking is using the 1SG pronoun *nā* which has a segmentally different oblique form *nāmí*. Combining it with the comitative marker, one can see that the latter is compatible only with oblique but not zero-marked forms.

- (7) *mádū pā à *nā / nā-mì*
 M. come.PFV COM 1SG 1SG-OBL
 ‘Madou came with me’.

The preposition *à* covers a wide range of meanings which are typical of comitatives, cf. [Stolz et al. 2006]. *Table 1* (p. 390) lists meanings of comitative constructions attested in [Ibid.] and gives some simple English examples. The table also indicates whether these meanings were attested in Natioero. As can be easily seen, the majority of typical comitative meanings can be expressed by the Natioero construction with *à*, with the exception of PART-WHOLE and HUMAN INSTRUMENT meaning, which were not found in our data. The following examples illustrate some of comitative meanings.

- INSTRUMENT
 (8) *mádū tùmāsīā jà-wā à sòwá*
 M. cultivation cultivate-IPFV COM hoe
 ‘Madou is working in the field with a hoe’.

- MEANS OF TRANSPORTATION
 (9) *mádū pā à mōtō=’*
 M. come.PFV COM motorcycle
 ‘Madou has come by bike’.

Table 1. Typical comitative contexts and examples of their realization [Stolz et al. 2006]

semantic type	Natioro	semantic type	Natioro
CO-OPERATIVE <i>Mary drinks coffee with John</i>	OK	PART-WHOLE <i>woman with blue eyes</i>	(*)
RECIPROCAL <i>John kisses with Mary</i>	OK	POSSESSION <i>man with an axe</i>	OK
ACTIVE COMITATIVE / HUMAN COMPANION <i>work with other people</i>	OK	HUMAN INSTRUMENT <i>threaten people with one's children</i>	(*)
CONFECTIVE <i>walk with an umbrella</i>	OK	BODY PART INSTRUMENT <i>show with one's finger</i>	OK
PASSIVE COMITATIVE <i>walk with a dog</i>	OK	MEANS OF TRANSPORTATION <i>come by bicycle</i>	OK
TEMPORAL PROPERTY <i>come with a broken leg</i>	OK	MATERIAL <i>build of bricks</i>	OK
COMBINATION <i>coffee with milk</i>	OK	TOOL <i>write by pen</i>	OK

HUMAN COMPANION

- (10) *mádū pá à tà cwā=:*
M. come.PFV COM 3SG.POSS wife

‘Madou came with his wife’.

RECIPROCAL

- (11) *mádū tē: à ísiákā*
M. quarrel.PFV COM I.

‘Madou quarreled with Isiaka’.

The position of comitative phrase in the clause varies with respect to the meaning of the former. First of all, it is noteworthy that the word order in Natioro is rigid and there are positions where no constituents can be inserted. The whole structure of the clause can be depicted as follows:

(Adjunct) — Subject — Verb — (Adjunct) — Direct Object — (Adjunct)¹. Adjuncts following the (Perfective) verb and the direct object ('with force') are given in (12) and (13), respectively. However, no constituent can be inserted between the subject and the verb both in Perfective and Imperfective clauses, which is illustrated by (14) and (15).

- (12) *mádū dībī à fàṅā swā-bòndà*
 M. shut.PFV COM force house.POSS-door

'Madu shut the door with force'.

- (13) *mádū dībī swā-bòndà à fàṅā*
 M. shut.PFV house.POSS-door COM force

'Madu shut the door with force'.

- (14) a. *nā jà:ná ʔɲí bā:bā kàwà*
 1SG buy.PFV yesterday sheep meat

- b. **nā ʔɲí jà:ná bā:bā kàwà*
 1SG yesterday buy.PFV sheep meat

'Yesterday I bought some sheep meat'.

- (15) a. *sānī té jā:-kà jé*
 tomorrow 1PL work-RES work.NMLZ

- b. **té sānī jā:-kà jé*
 1PL tomorrow work-RES work.NMLZ

'Tomorrow we will be working'.

Comitative phrases behave like adjuncts and occupy positions that are accessible for them. However, different semantic types of comitative constructions may show different syntactic behavior. Three general restrictions come at play. The first restriction guarantees that comitatives are infelicitous in preclausal position. This restriction holds for all semantic types of comitatives and is exemplified by (16) and (17).

¹ Imperfective clauses follow the pattern Subject — Direct Object — Verb and the position of adjuncts is more restricted than in Perfective clauses — for instance, they cannot intervene between the direct object and the verb.

- (16) *à *mádū* *siātā* *swé* *kwā=:* *t̄*
 COM M. S. go.PFV market DAT

Int.: ‘With Madou, Sata came to the market’.

- (17) *à *súkārā=:* *mádū* *né* *tē=:*
 COM sugar M. drink.PFV tea

Int.: ‘Madou drank tea with sugar’.

The second restriction ensures that all NPs denoting inanimate participants (such as instrument, means of transportation, confective, material or tool) cannot be embedded into a simple clause. This follows from the fact that they are adjuncts but not central arguments and, therefore, they can only occur in positions accessible for adjuncts. For instance, in (18) they cannot be inserted between the subject and the verb, since no constituents can appear in this position. However, this position is accessible for some comitative constructions, for instance, those denoting human companions (19). As will be shown below, these comitatives are in fact dependents of the head (= leftmost) NP and form a constituent with it. In contrast, inanimate participants, when inserted in this position, are infelicitous, since they are reinterpreted as a part of conjoined NP construction (20).

- (18) a. *mádu* *pâ* à *mōtō=:*
 M. come.PFV COM motorcycle

- b. **madu* à *mōtō=:* *pâ*
 M. COM motorcycle come.PFV

‘Madou has come by motorcycle’.

- (19) *mádū* à *tà* *cwā=:* *pâ*
 M. COM 3SG.POSS wife come.PFV

‘Madou came with his wife’.

- (20) #*siāta* à *tà* *mārāfā=:* *nàkà-w̄ⁿ*
 S. COM 3SG.POSS rifle march-IPFV

#‘Sata and her gun are walking’.

The sentences (18)–(20) are intransitive clauses, but the same effect can be observed with transitive verbs which also do not allow intervening

comitative phrases. In the example below, the verb is Perfective and the comitative phrase cannot be inserted between it and its direct object.

- (21) **mádū* *séⁿ* *à* *sōⁿ-wā* *kàw-à*
 M. cut.PFV COM knife-CL meat-CL
 Int.: ‘Madou cut the meat with a knife’.

Some exceptions to the second restriction known to me are the following examples where the subject is followed by participants which are not active. It is PASSIVE COMITATIVE in (22) and TEMPORAL PROPERTY in (23). In both cases, the participant marked by *à* is followed by resultative participles that constitute a separate clause in Natioero. Taking this fact into consideration, I assume that these examples are somehow structurally different from all the examples above where no separate clauses are present. However, no account of this fact can be proposed at the moment.

- (22) *siātā* *à* *tà* *pyā* *māmá-ká* *nàkà-wⁿ*
 S. COM 3SG.POSS child fetch.on.back-RES march-IPFV
 ‘Sata is walking with her child on her back’.

- (23) *mádū* *à* *tà* *kīlá* *pwà-kà* *pā*
 M. COM 3SG.POSS arm break-RES come.PFV
 ‘Madou came with a broken arm’.

Comitative phrases denoting animate companions behave differently from inanimate ones. Their position within the clause may vary — they are felicitous in postposition both to nouns and verbs.

- (24) a. *mádū* *kàfùlà-wⁿ* *à* *zàkt^ʔ*
 M. chat-IPFV COM Z.
 b. *mádū* *à* *zàkt^ʔ* *kàfùlà-wⁿ*
 M. COM Z. chat-IPFV
 ‘Madou and Zaki are chatting with each other’.
- (25) a. *mádū* *à* *tà* *cwā=:* *pā*
 M. COM 3SG.POSS wife come.PFV
 ‘Madou came with his wife’.

b. *mádū pá à tà cwā=:*
 M. come.PFV COM 3SG.POSS wife

‘Madou came with his wife’.

Comitatives denoting animate companions cannot be detached too far from the noun they modify. In (24) and (25), the comitative constituent is close to the noun, and they are only separated by the verb. In other cases like (26), the comitative is detached from the subject and is reinterpreted as an instrument-denoting constituent. The meaning of concomitance (‘together with X’) is inaccessible in such contexts, suggesting that it is prone to be expressed via juxtaposition of the head NP and comitative.

(26) #*mádū tùmāsā jà-wⁿ à siātā*
 M. cultivation cultivate-IPFV COM S.

#‘Madou is cultivating (= working in the field) using his wife [as an instrument]’.

*‘Madou is cultivating together with his wife’.

The preposition *à* can be also used in nominal conjunction contexts, as predicted by the semantic map in [Haspelmath 2004: 20]. In Natorio, there are two different ways to express the conjunction. Apart from comitative markers, the conjunction *mí⁻* is also used in this function. However, the two conjunctions can be easily distinguished, since *mí⁻* is semantically restricted and can only be used with animate nouns, as can be seen in (28) and (29).

(27) *nā já:ná [bā:bā kàw-á^H à nán kàw-à]*
 1SG buy.PFV sheep meat-CL COM cow meat-CL

‘I bought sheep meat and beef’.

(28) *nā já: [mádū mí⁻ zàkt⁻]*
 1SG see.PFV M. CRD Z.

‘I saw Madou and Zaki’.

(29) **nā já:ná [bā:bā kàw-á^H mí⁻ nán kàw-à]*
 1SG buy.PFV sheep meat-CL CRD cow meat-CL

Int.: ‘I bought sheep meat and cow meat’.

As predicted in [Haspelmath 2004], noun-linking conjunctions can develop into verb-linking ones. In Natoro, *à* can conjoin VPs as well as clauses. Examples of two VPs² coordinated by *à* are given in (30) and (31).

- (30) *mádū kīnīy=gā à wāṭṭ*
 M. lie=RES COM go.to.sleep.PFV
 ‘Madou lay down and slept’.

- (31) [*ní mā pìn-ε̄*] *à* [*má tó lōⁿ swé*
 1SG.OBL 2SG ask-NMLZ COM 2SG PST FUT come.NMLZ
cê:nesā^ˀ: sī] [*má p-ē: nà-wⁿ à pè:pō*
 hunt LOC 2SG.OBL thing-PL do-IPFV COM what
cwāⁿ wā[?]]
 take-IPFV Q

‘I would like to ask you: if you would go hunting, what do you do and what do you take {with you}?’

Of interest is the fact that *à* can be used both as a coordinating and subordinating conjunction. Although its position is fixed and the marker occupies the leftmost slot in the clause, there are at least two different types of contexts where *à* can be used. First, it can link two independent clauses, cf. (31) and (32). Second, it is used to mark conditional antecedents as in (33). Third, it can introduce some sentential arguments (34).

- (32) [*má yīlā sāmú-tēn-jé*] *à* [*kéⁿ-tēnje^ˀ*
 2SG invite person-man.PL-PL COM marabout-person.PL
tí pā bilá pyā nīnā^ˀ:]
 3PL come.PFV put child name

‘You invite people, and marabouts come to baptize a child’.

² In fact, both (30) and (31) are not pure cases of VP coordination. There is no additional evidence that two Perfective verbs linked by *à* in (30) form a coordinate and not subordinate structure. Imperfective clauses in (31) might have nominal properties and, taken as such, are not structurally different from coordinate nominal constructions discussed above. So, the problem needs further research.

- (33) *mbōñ* [*ǎ nāⁿ tó sò-ṽⁿ cè:nèsā=: s̄t̄*]
 well COM 1SG PST go-IPFV hunt LOC
né=: nà t̄r̄s̄iā nàmbè-ṽⁿ bāf̄ól̄
 1SG.OBL 1SG.POSS torch make-IPFV first
 ‘Well, if I would go hunting, I am verifying my torch first’.
- (34) *má sùmà=: [ǎ kàwá^H s̄ānì s̄t̄]*
 2SG know COM meat this.place LOC
má tà cè:nà-ṽⁿ fāgā-fāgā fīnà yà?
 2SG 3SG.POSS hunt-IPFV in.such.way what Q
 ‘If you know that the animal is there, how do you hunt it?’

3.2. Syntax of comitative constructions: Coordination vs. subordination

In the previous section, I have shown that comitative constructions differ in their syntactic behavior. Below, I will show that these differences partially correlate with the parameter of (a)symmetry between the two NPs constituting a comitative construction.

Constructions expressing inanimate participants such as instruments or means of transportations are adjuncts, although they do not occur clause-initially or cannot be embedded like, say, temporal adjuncts. In these constructions, semantic relations between the clausal subject and the comitative-marked NPs are asymmetrical. For instance, in (9) repeated here as (35), the semantic role of the NP ‘Madou’ is not the same as the semantic role of the NP ‘motorcycle’.

- (35) *mádū pá à mōtō=:*
 M. come.PFV COM motorcycle
 ‘Madou has come by motorcycle’.

In contrast, constructions where relations between the head NP and the comitative phrase are symmetrical represent a different case. For instance, in (10) repeated here as (36) the NPs ‘Madou’ and ‘his wife’ have the same semantic role, since both participants are involved in the action in the same way.

What brings these constructions together with VPs or clause-level adjuncts discussed above is the fact that some of them can be detached from the NP they are related to. This is illustrated by (36) and (19), repeated here as (37).

- (36) *mádū pá à tū cwā=:*
 M. come.PFV COM 3SG.POSS wife
 ‘Madou came with his wife’.

- (37) *mádū à tū cwā=: pá*
 M. COM 3SG.POSS wife come.PFV
 ‘Madou came with his wife’.

My data show that symmetrical comitatives cannot be unambiguously classified as coordinating or subordinating constructions. If these constructions are indeed those having some coordinating properties, then some of their properties can be accounted for straightforwardly. For instance, in (26) two NPs cannot be detached from each other, like any coordinated constituents. The fact that extraposition of the comitative construction, as in (16), is impossible would also be expected for coordinate structures.

However, some additional examples show that, at least in some cases, semantically symmetrical constructions pattern together with adjunct comitatives. Evidence comes from interrogation of NP constituents. In Natoro, *wh*-words tend to remain *in situ*, which is exemplified in (38). Separate interrogation of coordinated constituents is usually ungrammatical, which is an instantiation of the Coordinate Structure Constraint as formulated by [Ross 1967]. I have already shown that comitative constructions can be used in contexts which are typical of coordination (‘X and Y’). However, these constructions are not subject to Coordinate Structure Constraint since one of conjoined NPs can be interrogated separately from another, see (39).

- (38) *má tùmāsā nà-wⁿ à pè:pō yā?*
 2SG.OBL cultivation cultivate-IPFV COM what Q
 ‘With what are you cultivating?’

- (39) *má [tùmāsā à pè:pō] nà-wⁿ yā?*
 2SG cultivation COM what do-IPFV Q
 ‘You are doing cultivation and what else?’

I have not applied other tests which can be used in order to distinguish coordinating and subordinating syntactic structures, and this question needs further research. However, there is an additional argument in favor of the subordination analysis. As was shown in the beginning of *Section 2*, the constituent marked by *à* receives the oblique case, suggesting that it does not share case marking with the head NP. Thus, comitative-marked constituents are prone to be dependents rather than constituents equal in their syntactic status with the noun they are attached to. If this is so, then all comitatives have to be regarded as dependent phrases. Asymmetrical comitatives exemplified in (38) are adjuncts due to their position within a clause. Symmetrical comitatives exemplified in (39) are also dependent constituents which do not change their position and cannot be neither extracted leftwards nor detached from the head noun. It is noteworthy that the structure of clause-level adjunct comitatives is parallel to the structure of postnominal comitatives in that both are located right to their heads.

Comitative markers used as clause-linking conjunctions can be potentially subdivided into coordinating and subordinating structures. We have already seen that *à* linking clauses can be used as a conditional antecedent marker as well as a marker of simple clause conjunction ('and'), suggesting that there are at least two different underlying structures. Available elicited examples show that the latter exhibit some coordination properties which can be revealed by ellipsis. For instance, the following Russian clauses can be differentiated by their ability to undergo elliptical deletion. Clauses containing a coordinating conjunction *i* (40) allow it, while subordinated clauses containing *kogda* do not (41).

(40) *Segodnya ya rabotal, i Vasiliy tozhe.*
 today 1SG work.PFV and V. also
 'Today I worked, and Vasiliy as well'.

(41) **Segodnya ya rabotal, kogda Vasiliy tozhe.*
 today 1SG work.PFV when V. also
 Int.: 'Today I worked, when Vasiliy as well'.

If the Natoro marker *à* is used as a conjunction marker, it patterns with coordinating but not subordinating structures, compare (41) and (42).

- (42) *nzε̄ⁿ nā ja tùmāsia^H à mádū fáná*
 today 1SG do.PFV cultivation COM M. also

‘Today I was working in the field, and Madou as well’.

However, it is well-known that same markers may exhibit both properties of coordination and subordination in different contexts (see, for instance, [Belyaev 2015] for a possible solution of the problem). Thus, a more thorough investigation of clausal conjunction in Natioero is the subject of future research.

4. Typology of the phenomenon and Sub-Saharan comitatives

To sum it up, Natioero can be regarded typologically as a ‘WITH’-language where the comitative marker can be used as a marker of conjunction as well. Conjoined NPs exhibit some properties of subordinating structures, and the Natioero data fit well in typological generalizations.

Unexpected is the fact that the same marker is used for NP and clause conjunction, which seems to be a rare phenomenon in Sub-Saharan languages. Welmers claims that he is not aware of any African languages where verbal and NP conjunction is expressed by the same marker [Welmers 1973: 365]. Creissels notes that in Sub-Saharan languages “the grammatical word or clitic used for the additive coordination of NPs tends to be used also as a comitative adposition” [Creissels 2016: 15]. He also observes that “among Sub-Saharan languages, the use of the same grammatical word or clitic for the additive coordination of NPs and for the additive coordination of clauses is not common” [Ibid.: 15]. From the above analysis, it can be easily seen that, indeed, the first generalization might be confirmed by the Natioero data since the same marker is used in coordinating constructions (‘X and Y’) and as a comitative preposition. In contrast, the second observation is not relevant for Natioero, since the comitative preposition is also used as a clause-linking conjunction.

Although the same marker is used in many languages of the African area for coordination and subordination, the difference between VP/ clause-level comitatives and comitative coordination can be revealed by additional tests. For instance, in Tswana (< Bantu < Niger-Congo) the two constructions can be distinguished by their ability to trigger the verbal agreement. Clause-level comitatives do not affect the agreement (43), and the verb bears the same class marker as the subject. In contrast, when a comitative construction follows nouns as in (44), the verb bears a plural class marker reflecting the plural feature of the NP it agrees with.

Tswana

- (43) *kítsó* *ó-tsilé* *li-m.p^hó*
 (CL1)Kitso CL1-come.PRF.CJ with-(CL1)Mpho
 ‘Kitso came with Mpho’.

- (44) *kítsó* *li-m.p^hó* ¹*bá-tsî:lè*
 (CL1)Kitso with-(CL1)Mpho CL2-come.PRF.DJ
 ‘Kitso and Mpho came’. [Creissels 2016: 26]

In other Sub-Saharan languages, comitative constructions can be used as markers subordinating one NP to another. This is the case of the Mande languages. According to [Creissels 2018: 738–740], in Mandinka the comitative marker *nîŋ* can be used in coordinating contexts as well as in subordinating ones. He cites sentences like (45) as examples of coordination of two NPs. However, it is not clear what tests were used to reveal the coordinating properties of such constructions. Other contexts where *nîŋ* can be used are examples like (46) where an NP subordinates another (deverbal) NP. These constructions are used to express the manner in which an action is performed.

- (45) *ŋá* [*ñòò* *nîŋ* *tîyóó*] *séné*.
 1SG.CPL millet.D with peanut.D cultivate
 ‘I cultivated millet and peanuts’. [Creissels 2018: 739]

- (46) [*kàmbàanóó* *nîŋ* *bòróó*] *nāa-tà*.
 boy.D with running.D come-CPL
 ‘The boy came running (lit. The boy with running came)’. [Ibid.: 740]

When used postverbally, comitatives must preserve their structure [N₁ *níj* N₂] and include a resumptive pronoun:

- (47) *ɲá ñǎo sɛné, à, níj tìyôo*
 1SG.CPL millet.D cultivate 3SG with peanut.D

‘I cultivated millet, and also peanuts [*lit.* it with peanuts]’. [Creissels 2018: 740]

Another important feature noted in [Creissels 2018] is the fact that elements of the comitative construction can be marked independently with focus. For instance, in (48), the focus marker follows the first conjunct, and Creissels claims that such operations are not possible with coordinating structures.

- (48) *i-tè lè níj Músáa bè kúwòo táamándì-lá*
 2SG-EMPH FOC with Musaa LOC.COP problem.D fix-INF

‘You will fix the problem with Musaa’. [Creissels 2018: 741]

To summarize, the facts presented in [Creissels 2018] suggest that Sub-Saharan comitative constructions are represented by at least two different types. In Tswana, comitatives can follow both clauses and NPs, like their Natoro counterparts. In two cases, their syntactic structures are different and they affect verbal agreement in different ways. In Natoro, this criterion cannot be applied straightforwardly since verbs lack agreement markers. The second type of comitative constructions is represented by Maninka where NP conjunction is expressed by a comitative marker and this construction is regarded as a subordinate structure.

I have shown in previous sections that Natoro comitatives can be subdivided into at least two subclasses and that NP- and clause level adjuncts can be distinguished. What brings together Maninka and Natoro constructions is the fact that conjoined NPs can be independently subject to similar processes such as interrogation (Natoro) and focalization (Maninka). At the same time, in Maninka comitative markers are also used to mark dependent converb clauses, which is not a frequent polysemy pattern but can be also found in Chukotko-Kamchatkan and Caucasian languages [Arkhipov 2009b: 196–197].

A question arises whether comitative markers in Natoro can be structurally similar to Mande ones and whether prepositional comitatives can

be regarded as an areal feature, which might have arisen due to language contacts. My consultant claimed that *à* is not an original Natoro preposition but a loanword, but I cannot find any direct evidence of this. However, comitative prepositions are presumably an areal phenomenon, since Mande comitatives are structurally similar to Natoro constructions. In Natoro, the comitative marker is the only preposition, and this structural property is shared by many Mande languages which are basically SOV languages with postpositions. The comitative marker is the only preposition in a Mande language Boko [Perekhval'skaya 2017]. In many other Mande languages, comitatives are also prepositions but not postpositions, see for instance, [Idiatov, Aplonova 2017] for information on Tura and [Konoshenko 2017] for Kpelle.

Simultaneously, my consultant felt some association of *à* with the 3SG pronoun. In Natoro, its initial form is *ā*:

- (49) *ā* *nḕ=*
 3SG drink.PFV=MED
 ‘He drank’.

Tonal contours of the comitative marker and the 3SG pronoun are different, and a process which would “lower” the tone of the latter needs to be justified if the two markers are indeed associated with each other. However, I would not exclude this possibility from consideration. Moreover, some typological observations suggest that clausal coordination may involve comitatives combined with pronouns [Arkhipov 2009b: 44–48].

Although it is not clear whether the comitative marker was borrowed or not, we have to suppose that *à* conjoining clauses is the result of functional extension of *à* conjoining NPs, as suggested by [Haspelmath 2004] and [Arkhipov 2009b: 44–48]. However, it is noteworthy that if NP conjunction is expressed by a subordinate construction, as I suggested, it is hard to explain how a subordinate construction (NP + *à* + NP) could have evolved into a coordinate structure (clause + *à* + clause). Thus, another scenario can be proposed according to which structures of both types can be reduced to a single invariant. However, a detailed investigation of this problem goes beyond the scope of this paper.

5. Conclusion

In this paper, I have explored some basic properties of comitative constructions in the Natoro language. I have shown that Natoro is a language where the comitative strategy is used in typical comitative contexts as well as in contexts of NP coordination. Nominal conjoined constructions can be treated on a par with postverbal adjuncts, since they both have subordination properties. Among the languages of Sub-Saharan Africa, Natoro is standing out since clauses are conjoined using the same comitative marker which is used to conjoin NPs, which is quite atypical of the languages of the area. Moreover, the comitative marker used as a clause linker, has various meanings and is used as a marker of conjunction, as a conditional antecedent marker and as a conjunction introducing some sentential arguments.

The *Table 2* summarizing some of the properties investigated in this paper is given below.

Table 2. Summary: Properties of different types of comitative constructions in Natoro

	NP conjunction (N + <i>á</i> + N)	clausal adjunct comitatives (S + <i>á</i> + N)	clause conjunction (S + <i>á</i> + S)
syntactic relation	subordination	subordination	(coordination / subordination)
semantically symmetrical relations	possible	impossible	possible
interrogation of the comitative-marked constituent	yes	yes	—
preposition of Comp	no	no	—

Based on syntactic tests, three types of comitative constructions can be distinguished in Natoro — constructions expressing NP conjunction, clause conjunction, and adjunct comitatives. All three types are subordinate structures, but it is possible that the comitative marker *à* is used for both coordination and subordination of clauses, which must be investigated further in detail. Symmetrical semantic relations between the head NP and its dependent are possible in comitative constructions expressing conjunction ('X and Y'). In constructions expressing nominal conjunction, conjuncts can be interrogated separately, which brings these constructions together with adjunct comitatives. Finally, all types of comitatives cannot be used in preposition to the main clause and this property distinguishes them from other types of adjuncts.

Abbreviations

= — vowel lengthening; 1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; CJ — conjoint (form); CL — classifier; COM — comitative; COP — copula; CPL — completive; CRD — coordinating conjunction; D — definite; DAT — dative; DJ — disjoint (form); EMPH — emphatic; FOC — focus; FUT — future tense; H — tone raising; INF — infinitive; IPFV — Imperfective; LOC — locative; MED — middle voice; NMLZ — nominalization; OBL — oblique; PFV — Perfective; PL — plural; POSS — possessor; PRF — perfect; PST — past tense; Q — question particle; RES — resultative; SG — singular.

References

- Arkhipov 2009a — A. V. Arkhipov. Comitative as a cross-linguistically valid category. W. Bisang (ed.). *New Challenges in Typology 2: Transcending the Borders and Refining the Distinctions*. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 217). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 223–246.
- Arkhipov 2009b — A. V. Arkhipov. *Tipologiya komitativnykh konstruksiy* [Typology of Comitative Constructions]. Moscow: Znak, 2009.
- Belyaev 2015 — O. I. Belyaev. Systematic mismatches: Coordination and subordination at three levels of grammar. *Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 51. Iss. 2. P. 267–326.
- Creissels 2016 — D. Creissels. Additive coordination, comitative adjunction, and associative plural in Tswana. *Linguistique et langues africaines*. 2016. Vol. 2. P. 11–42.

- Creissels 2018 — D. Creissels. Current issues in the morphosyntactic typology of Sub-Saharan languages. T. Güldemann (ed.). *The languages and Linguistics of Africa*. (The World of Linguistics 11). Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2018. P. 712–821.
- Haspelmath 2004 — M. Haspelmath. Coordinating constructions: An overview. M. Haspelmath (ed.). *Coordinating Constructions*. (Typological Studies in Language 58). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2004. P. 3–39.
- Idiatov, Aplonova 2017 — D. I. Idiatov, E. S. Aplonova. Tura yazyk [Tura language]. V. F. Vydrin, Yu. V. Mazurova, A. A. Kibrik, E. B. Markus (eds.). *Yazyki mira: Yazyki mande* [Languages of the World: Mandé Languages]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. P. 583–616.
- Konoshenko 2017 — M. B. Konoshenko. Kpelle yazyk [Kpelle language]. V. F. Vydrin, Yu. V. Mazurova, A. A. Kibrik, E. B. Markus (eds.). *Yazyki mira: Yazyki mande* [Languages of the World: Mandé Languages]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. P. 284–343.
- Miehe, Winkelmann (eds.) 2007 — G. Miehe, K. Winkelmann (eds.). *Noun Class Systems in Gur Languages*. Vol. 1: *Southwestern Gur Languages (without Gurunsi)*. (Gur Monographs 9). Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2007.
- Perekhval'skaya 2017 — E. V. Perekhval'skaya. Boko yazyk [Boko language]. V. F. Vydrin, Yu. V. Mazurova, A. A. Kibrik, E. B. Markus (eds.). *Yazyki mira: Yazyki mande* [Languages of the World: Mandé Languages]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. P. 1051–1093.
- Prost 1968 — A. Prost. *Deux langues voltaïques en voie de disparition: le wara et le natio*. (Documents linguistiques 14). Dakar: Publications de Département de linguistique générale et linguistique africaine de la Faculté des lettres et sciences humaines de l'Université de Dakar, 1968.
- Ross 1967 — J. R. Ross. Constraints on Variables in Syntax. PhD thesis. Cambridge: MIT, 1967.
- Stassen 2000 — L. Stassen. AND-languages and WITH-languages. *Linguistic Typology*. 2000. Vol. 4. Iss. 1. P. 1–54.
- Stolz et al. 2006 — T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. *On Comitatives and Related Categories: A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe*. (Empirical Approaches to Language Typology 33). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.
- Welmers 1973 — W. E. Welmers. *African Language Structures*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1973.

Event structure of complex predicates with the light verb *lart* ‘seat, put’ in Poshkart Chuvash

F. V. Golosov

HSE University (Moscow, Russia); golosovfv@gmail.com

Abstract. This article addresses the semantic properties and selective restrictions of the grammaticalized verb *lart* ‘seat, put’ in the Poshkart dialect of Chuvash. I show that the light verb can combine with lexical verbs with external arguments to form telic complex predicates signaling significant scalar change of state of one of the arguments. A description of the different behavior the light verb *lart* demonstrates with verbs that already have a scale of change and those that lack it is proposed. Further, I offer a formal analysis of the event structure of complex predicates with *lart* undertaken in the first phase syntax framework. The light verb *lart* has an impoverished event structure of its own that consists of three eventual heads (*init*, *proc*, and *res*) with Initiator, Undergoer, and Resultee as their specifiers. As the paper shows, this analysis predicts both the selective restrictions of the light verb and the resulting semantics of the complex predicates. In particular, the suggested analysis predicts the distribution of the two basic (the gradative and the accumulative) meanings of the light verb *lart*. I claim that these meanings can be reduced to a single meaning of a scalar change of the state affecting the Undergoer of the event. The gradative meaning arises in contexts where the Undergoer is non-coreferential to the Initiator and the accumulative meaning, in contexts where the Initiator is coreferential to the Undergoer. The data were collected by elicitation during my field trip to the Chuvash village of Poshkart (Maloye Karachkino).

Keywords: complex predicates, serialization, grammaticalization, Chuvash, actionality, event structure, accumulative, gradative.

Acknowledgments: The research is supported by the grant RFBR 20-512-14003 “Language diversity in Volga Sprachbund. Typology of grammatical phenomena and language contacts”.

Структура события сложных глаголов с легким глаголом *lart* ‘посадить, поставить’ в малокарачкинском диалекте чувашского языка

Ф. В. Голосов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); golosovfv@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена семантическим особенностям и селективным ограничениям грамматикализованного глагола *lart* ‘посадить, поставить’ в малокарачкинском говоре чувашского языка. В статье показывается, что этот легкий глагол сочетается с лексическими глаголами с внешним аргументом и образует предельные сложные предикаты со значением заметного изменения состояния одного из участников события по некоторой шкале. Кроме этого, предлагается предварительный анализ структуры события сложных глаголов с *lart* в рамках синтаксиса первой фазы, объясняющий селективные ограничения сложного глагола и дистрибуцию двух основных его значений: собственно градативного и аккумулятивного.

Ключевые слова: сложные глаголы, сериализация, грамматикализация, чувашский язык, акциональность, аспект, структура события, аккумулятив, градатив.

1. Introduction

Chuvash features **complex predicates** that represent constructions consisting of two verbal forms denoting a single event (1):

- (1) *vaʕə ɕur-za lart-ri-ə*
V. sleep-CV_SIM seat-PST-3SG
‘Vasya slept enough’.

The meaning of (1) differs from what could be expected: the verb *lart*¹ ‘seat, put’ does not describe a situation of seating or putting. It is used in this sentence as a so-called **light verb** that, rather than describing a separate situation, modifies the event structure of the verb used in the converbal form, also labeled a **lexical verb**.

Complex predicates are widespread in Turkic languages (see, e.g., [Grashchenkov 2015]), including in Chuvash. The semantics of and selective restrictions on light verbs in Chuvash have been a focus of many studies ([Ashmarin 1923; Yegorov 1957; Lebedev 2016, etc.]). A notable work is [Shluinskiy 2006], describing the meaning of the light verb *il* ‘take’ in combination with lexical verbs of different actional classes. Most light verbs, however, still lack a detailed description or theoretical understanding: only some general facts about their meaning and distribution are known, and no minimal pairs are provided to corroborate these generalizations.

This paper describes the selection restrictions and the actional semantics of **the light verb *lart* ‘seat, put’**, proposing a formal analysis to systemize and explain its behavior. I argue that the light verb *lart* is a telicizing operator which forms punctive complex predicates denoting a significant change of a state associated with some scale. My analysis of the light verb *lart* in consistence with the first phase syntax theory will show that the light verb *lart* has its own impoverished event structure defining its selectional restrictions and actional semantics.

The paper is structured as follows. After an introduction in *Section 1*, *Section 2* provides an overview of the existing literature on the light verb *lart*. *Section 3* lays out the methodology of the research. The data are presented in *Section 4* with three subsections where *Subsection 4.1* describes the general properties of complex predicates with *lart*, *Subsection 4.2* looks into the light verb’s relations with incremental lexical verbs, and *Subsection 4.3* discusses the behavior of the light verb with non-incremental lexical verbs. *Section 5* proposes a final analysis, and *Section 6* draws conclusions and presents perspectives for future research.

¹ Henceforth, I use the bare stem of a Chuvash verb as its lemma.

2. Literature review

One of the first mentions of the light verb *lart* ‘seat’ seems to belong to Ashmarin [1923]. He describes this light verb together with its intransitive variant *lar* ‘sit down’ as denoting “seat, sitting ⟨...⟩ or fixed position, ⟨...⟩ entering a hopeless, miserable, inert, or disastrous state”².

In his dissertation on aspectual light verbs in Chuvash, E. Lebedev [2016] also addresses the light verb *lart*. In his study, Lebedev describes the various actionality meanings of light verbs and their interaction with verbs of different lexical classes. According to Lebedev, light verbs *lart* ‘seat’ and *lar* ‘sit down, sit’ represent a single element *lar(t)* encoding “an actional meaning of the end of an action”³, especially in its causative variant. These light verbs combine with two classes of lexical predicates: inactive atelic and active telic verbs. The examples provided show the former to only combine with *lar* ‘sit down’, and the latter, to also combine with *lart* ‘seat’. Finally, Lebedev claims that “the actional meaning of this element is supplemented with the meaning of effectiveness of action”⁴.

Overall, the existing works on the light verb *lart* demonstrate its general actional nature: it is grammaticalized into a telicizing operator which preferably combines with agentive lexical verbs (while patientive lexical verbs prefer its intransitive counterpart, the light verb *lar* ‘sit down’). This description is, however, too holistic and lacks reliable proof: we do not see, for instance, any inverse examples where this light verb would occur in atelic contexts or combine with patientive light verbs. In addition, the exact meaning of this light verb is not specified, so that it is not clear if: it a) differs from the other telicizing light verbs, b) its meaning is always the same, c) it depends on some properties of a lexical verb, or d) there are any other restrictions on the contexts where the light verb *lart* can occur.

² «[С]идение, сидячее ⟨...⟩ или неподвижное положение; ⟨...⟩ попадание в безысходное, жалкое, инертное или бедственное положение» [Ashmarin 1923: 48].

³ «[А]кционсартовое значение окончания действия» [Lebedev 2016: 86].

⁴ «Акционсартовое значение данной формы дополнено смыслом результативности совершения действия» [Lebedev 2016: 86].

In a bid for an answer to all these questions, this paper proposes a detailed description of the general actional behavior of the light verb *lart*, its selectional restrictions, and its different meanings arising in combination with various classes of lexical verbs, as well as a formal analysis predicting the results observed.

3. Methodology

The examples used in this paper were collected by elicitation during my fieldwork in the Chuvash village of Poshkart (Maloye Karachkino) in August 2019 and in March 2020. My consultants were native speakers of the local Poshkart Chuvash dialect differing from the Standard Chuvash in many respects. Thus, all my generalizations are only based⁵ on Poshkart Chuvash.

Two methods of elicitation were employed: I asked my consultants to translate a Russian sentence into Chuvash, or asked them to rate the acceptability of a Chuvash sentence (and translate it, if the sentence was interpretable). The examples obtained sometimes differ in their acceptability for different speakers, as reflected in the specific notes in the text below in some cases.

Examples, collected from and approved by at least three different consultants, are taken as grammatically felicitous and provided below without any acceptability indications. Examples collected from less than three consultants, are marked in the text as preliminary to mean that their acceptability rate may change based on other native speakers' judgement.

If an obtained example shows inconsistent evaluation, it is prefixed by % where the numbers of positive and negative judgements are split evenly, or by ?? where most estimations were negative. All examples consistently estimated as negative are marked by * or #, depending on their grammatical or pragmatic infelicity, respectively.

⁵ Notably, all my consultants also speak Standard Chuvash, so that there could be minor inclusions of particular Standard Chuvash words in some examples.

Finally, some examples, evaluated as acceptable but not entirely natural, are marked by [?]. These are viewed as tentatively grammatically felicitous with a view to possible accommodation difficulties. Notably, the nature of the constructions addressed here makes it difficult to expect a general consensus with respect to their felicity/infelicity among native speakers.

4. The data

This section consists of three parts. The first part considers the general properties of the complex predicates with *lart*: their general actional meanings, semantics, and selection restrictions. The following two parts look into the behavior of *lart* with incremental and non-incremental lexical verbs, respectively.

Many tests used in this section were developed for an analysis of the Hill Mari light verb *šändäš* ‘seat, put’ [Kashkin 2018a, 2018b; Golosov 2019], since *lart* turns out to have a lot in common with its Hill Mari counterpart. I will briefly comment on this similarity in the concluding remarks.

4.1. The general properties of complex predicates with *lart*

The lexical meaning of the verb *lart* is ‘seat, put’ (2):

- (2) *vaεə* *vaz-in-e* *sədəl* *εi-n-e* *lart-rʲ-ə*
 V. vase-P_3-OBJ table surface-P_3-OBJ seat-PST-3SG
 ‘Vasya put the vase on the table’.

As a light verb, it has been grammaticalized into a telicizing operator that forms punctual complex predicates:

- (3) a. *vaεə* *pilək* *minut-ra* *εi-ze* *lart-rʲ-ə*
 V. 5 minute-LOC eat-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya ate enough in five minutes’.

- b. **væə pilək minut ei-ze lart-rⁱ-ə*
 V. 5 minute eat-CV_SIM seat-PST-3SG

Int.: ‘Vasya satisfied his hunger by eating for five minutes’.

- c. *væə ei-ze lard-at*
 V. eat-CV_SIM seat-NPST.3SG

‘Vasya will satisfy his hunger / *is satisfying his hunger’.

In (3), I demonstrate that the complex predicates with *lart* are punctives⁶ in the sense of [Tatevosov 2016], i.e. they belong to the actional class <ES, ->, always denoting a culmination point. This is illustrated by the traditional adverbial and progressive interpretation tests: a complex predicate *eize lart* in the past tense (3a–b) can combine with time-span adverbials but cannot combine with durative ones. In the non-past tense (3c), it does not have a progressive interpretation.

The general semantic property of complex predicates with *lart* is that they denote a scalar change of the undergoer’s state (4):

- (4) *væə gu əzət-sa lart-rⁱ-ə*
 V. water heat-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya heated the water’.

In (4), the water changes its properties along a temperature scale or, to be precise, the water’s temperature grows to some contextually relevant degree.

The degree of change must be contextually high and significant. This is illustrated by asymmetric compatibility with adverbials of different degree. Namely, complex predicates with *lart*, quite felicitous with adverbials of high degree, are less so with those of low degree:

- (5) a. *vəl nomaj ěe-se lart-rⁱ-ə*
 3SG many drink-CV_SIM seat-PST-3SG

‘He drank a lot’.

⁶ Note that “punctive” in this use does not mean “momentary”. A punctive predicate can denote only a culmination point of an event, but this does not entail that the event itself is momentary: complex predicates with *lart* can combine with term-span adverbials as in (3a).

- b. #*vəl sagal ěe-se lart-rⁱ-ə*
 h3SG little drink-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘He drank little’.
- (6) a. *ebĕ nomaj xot ěĕt-se lart-r-əm*
 1SG many paper tear-CV_SIM seat-PST-1SG
 ‘I tore a lot of paper’.
- b. %*ep⁷ sagal xot ěĕt-se lart-r-əm*
 1SG little paper tear-CV_SIM seat-PST-1SG
 Int.: ‘I tore a little paper’.
- (7) a. *səmal’ot pin kilometr vĕe-se lart-sa*
 plane 1000 kilometer fly-CV_SIM seat-CV_SIM
 ‘A plane flew one thousand kilometers’.
- b. #*səmal’ot igĕ kilometr vĕe-se lart-rⁱ-ə*
 plane 2 kilometer fly-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘A plane flew two kilometers’.

Thus, it is possible to mark a high grade of saturation as in (5a), a large volume of the accumulated object as in (6a), or a contextually long path covered as in (7a), while examples denoting a low degree of saturation, a smaller volume of the accumulated object, or a contextually short path covered are infelicitous. For instance, my consultants find (7b) pragmatically strange: our experience tells us that two kilometers is too insignificant a path for any plane. Such restrictions do not seem to apply to isolated lexical verbs.

The light verb *lart* shows restrictions on the argument structure of lexical verb. Namely, it can combine with transitive, agentive, or stative lexical verbs, i.e. verbs that have an external argument in terms of, for instance, [Ramchand 2008a], while it cannot combine with patientive verbs, i.e. verbs denoting an uncontrolled change of state:

- (8) a. *vaĕə oj soxala-za lart-rⁱ-ə*
 V. field plow-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya plowed the field’.

⁷ The pronunciation of the first singular personal pronoun is variative.

- b. *væə nomaj sek-se lart-rʲ-ə*
 V. many jump-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya jumped enough’.
- c. *væə eur-za lart-rʲ-ə*
 V. sleep-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya slept enough’.
- d. **kēbe tip-se lart-rʲ-ə*
 shirt dry-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘A shirt dried up’.

In (8a), the light verb *lart* combines with the transitive verb *soxala* ‘plow’; in (8b), with the verb *sek* ‘jump’ denoting an agentive process; and in (8c), with the state verb *eur* ‘sleep’. It cannot combine, however, with lexical verbs denoting a change of state of the patient, such as *tip* ‘dry’ in (8d) where the synonymous light verb *lar* ‘sit down’ is used instead:

- (9) a. *man eyε tip-se lar-tə-ə*
 1SG.GEN hair dry-CV_SIM sit.down-PST-3PL
 ‘My hair dried’.
- b. *ʂu əzən-za lar-tə-ə*
 water heat-CV_SIM sit.down-PST-3SG
 ‘The water heated’.

The exact set of distribution rules or the way it aligns with the other unaccusativity diagnostics remains, however, unclear. This problem needs further research. Nevertheless, I will preliminarily identify patientive intransitives with unaccusatives and agentive intransitives with unergatives.

The light verb *lart* combines with different lexical verbs with varying semantic impact on the meaning, partially depending on whether they already have a scalar argument. Below, I will first consider the verbs that already have a kind of a scalar argument, i.e. incremental verbs, and then discuss the way the light verb interacts with non-incremental lexical verbs.

4.2. The light verb *lart* and incremental lexical verbs

Before a description of the data obtained, a brief theoretical introduction for incremental verbs will be in order here. The notion of incrementality was first introduced in [Krifka 1989, 1992]. Krifka defines incrementality as a one-to-one relation between an event and its argument (10):

(10) *John ate an apple.*

The sentence in (10) describes an event of eating, where the object, an apple, undergoes a change (disappears) in the course of the event. The relation between the event and the object is incremental, since each part of the event corresponds to some unique part of the object, and vice versa. A verb with an argument incremental with respect to the event is labeled an incremental verb.

There are three types of incremental arguments: an incremental theme, an incremental property, and an incremental path; see, for instance, [Tatavosov 2015]. An incremental theme is an argument whose parts are involved in the incremental relation to the event. Thus, (10) shows a one-to-one relation between the event of eating and the parts of the apple. Another example of a verb with an incremental theme is (11):

(11) *The house burnt.*

Here, the house is also an incremental theme object: there is a one-to-one relation between the process of burning and the parts of the house.

Another type of incremental argument is an incremental property:

(12) *John cooled the water.*

In contrast to (10) and (11), the internal argument is not an incremental theme here, since the progress of the event does not involve an increase in the amount of the water affected. At the same time, the changing property of the water, its temperature, is incremental with respect to the event, since a one-to-one relation does evolve between the event components

and points on the water temperature scale. Verbs with a scale argument in their event structure are labeled degree achievements.

The last type of an incremental argument is an incremental path. Consider the example below:

(13) *John ran to the station.*

In (13), there is an incremental relation between the event and the path (the route of John's running): the more John runs, the greater portion of the path is involved.

The light verb *lart* behaves inconsistently with verbs with different incremental arguments. The group of the incremental verbs which combine with the light verb *lart* with the least semantic impact is that of degree achievements, or verbs with an incremental property in their event structure. Namely, the light verb *lart* specifies the telic interpretation, and the complex predicate denotes a change of state of the object to some contextually relevant high degree:

- (14) a. *vaεə at-in-e tazat-sa lart-ri-ə*
 V. boot-P_3-OBJ clean-CV_SIM seat-PST-3SG
 'Vasya cleaned his boots'.
- b. *vaεə teašk-a šu-ba tol-dar-za lart-ri-ə*
 V. cup-OBJ water-INS fill-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 'Vasya filled the cup with water'.
- c. *vaεə šu əzət-sa lart-ri-ə*
 V. water heat-CV_SIM seat-PST-3SG
 'Vasya heated the water'.
- d. *vaεə εan-in-e mədək-la-t-sa lart-ri-ə*
 V. sleeve-P_3-OBJ short-VBZ-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 'Vasya shortened his sleeves'.

In combination with verbs with an incremental theme, the light verb *lart* behaves differently depending on whether the object comes into existence during the event, disappears after it, or just changes its state or even remains the same. I distinguish four classes of verbs based on this

parameter: verbs of creation, verbs of destruction⁸, verbs of impact on the object, and verbs with a non-patient incremental theme, respectively.

In combination with verbs of creation, the light verb *lart* simply forms complex predicates denoting accumulation of the created object:

- (15) a. *væə əavraqka yger-ze lart-rʲ-ə*
 V. circle draw-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya drew a circle’.

- b. *papi şarf ɛik-sa lart-rʲ-ə*
 grandma scarf tie-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Grandma knitted a scarf’.

If a creation verb is not incremental, it combines with the light verb *lart*, but preferably, with a plural object:

- (15) c. *ʔaniə ul ɛorat-sa lart-rʲ-ə*
 A. son give.birth-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Anya gave birth to her son’.

- d. *anʲə nomaj atea ɛorat-sa lart-rʲ-ə*
 A. many child give.birth-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Anya gave birth to many children’.

In combination with incremental verbs of destruction, the light verb *lart* behaves inconsistently. I have only three verbs of destruction in my sample with an incremental theme in their event structure: *ɛondar* ‘burn’, *erëlder* ‘melt’, and *kajdar* ‘erase’. Admittedly, all the three verbs form complex predicates with different semantic output.

In combination with *lart*, the lexical verb *ɛondar* ‘burn’ forms complex predicates as in (16):

- (16) a. *væə kastrʲulʲ-a ɛon-dar-za lart-rʲ-ə*
 V. saucepan-OBJ burn-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya burnt the saucepan’.

⁸ I use the terms “creation” and “destruction” in a “referential” sense: creation is a kind of event where a new object is to come into existence, while destruction is a kind of event where the object is to disappear.

- b. %*vaεə pərd-e εon-dar-za lart-rʲ-ə*
 V. house-OBJ burn-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya burnt the house to some extent / *completely’.

In (16a), there is no incremental theme interpretation: it is not true that the pan gradually becomes smaller in size through the process of burning. Instead, the complex predicate *εondarza lart* denotes some change of the incremental property similar to degree achievement: indeed, the pan gets increasingly stronger effect of burning during the process. The same is true of (16b), though it is pragmatically less natural and is thus rejected by some consultants.

In contrast, the other verb *erēlder* ‘melt’ in combination with *lart* denotes reaching the endpoint of the melting, i.e. the moment when the ice completely turns into water:

- (17) *vaεə pər erəl-der-ze lart-rʲ-ə*
 V. ice melt-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya melted the ice (completely)’.

The third verb, *kajdar* ‘erase’ can combine with *lart* in only few idiolects where it denotes entering into a state (disappearance of the drawing):

- (18) %*vaεə ygertεäg-e kaj-dar-za lart-rʲ-ə*
 V. drawing-OBJ go-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya erased a drawing’.

Another verb that can be used in situations of destruction is *synder* ‘extinguish’; in combination with *lart*, it forms a complex predicate with a completive meaning:

- (19) *vaεə vod-a syn-der-ze lart-rʲ-ə*
 V. fire-OBJ go.out-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya extinguished the fire’.

In this case it is not clear, however, whether the verb’s object is indeed an incremental theme or a patient with an incremental property affected.

Overall, the behavior of the light verb *lart* with destruction verbs is inconsistent and needs further investigation. It is possible that a patient

of a destruction verb should have an incremental property for this verb to combine with *lart*.

In combination with most incremental theme verbs denoting other types of change of state, the light verb *lart* also has a completive meaning, i.e. it denotes coverage of an incremental theme:

- (20) a. *vaεə oj soxala-za lart-rⁱ-ə*
 V. field plow-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya plowed the field’.
- b. *vaεə karda sərla-za lart-rⁱ-ə*
 V. fence paint-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya painted the fence’.
- c. *vaεə oraj şəl-za lart-rⁱ-ə*
 V. floor sweep-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya swept the floor’.

The only observed exclusion from this generalization is the class of consumption verbs, i.e. the verbs *ei* ‘eat’ and *ëε* ‘drink’. In contrast to the other verbs of this class, the light verb *lart* forms complex predicates with accumulative meaning, often with saturativity inference:

- (21) a. *vaεə (şørbe) ei-ze lart-rⁱ-ə*
 V. soup eat-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya ate enough (soup)’.
- b. *vəl nomaj ëε-se lart-rⁱ-ə*
 3SG many drink-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘He drank a lot’.

In (21a) and (21b), the culmination point of the denoted event is the contextually relevant moment of the agent’s saturation with consumption. In contexts where the exhaustification of the object is specified, the light verb *lart* is prohibited:

- (22) **vaεə pëdëm çørbe ei-ze lart-rⁱ-ə*
 V. totally soup eat-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘Vasya ate all the soup’.

The same saturative meaning of complex predicates with *lart* arises in combination with verbs with an incremental object that does not change its state during the event:

- (23) *væə kino-zam pək-sa lart-rʲ-ə*
 V. film-PL watch-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya had his fill of watching films’.

For example, the culmination point in (23) is not the moment when all the films are being watched, but the moment of Vasya’s saturation with film watching, when it becomes obvious that he had seen enough movies. In other words, it seems that incremental argument is not used as a scale, on which *lart* operates; rather, the relevant scale is the scale of accumulation associated with the agent.

The last subpart of incremental verbs to consider here are verbs with an incremental path. In combination with verbs of motion, *lart* forms complex predicates that at first glance operate on a path scale:

- (24) a. *væə vizě kilometr iʃ-se lart-rʲ-ə*
 V. 3 kilometer swim-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya swam for three kilometers’.
- b. *væə pěr kilometr tɛop-sa lart-rʲ-ə*
 V. 1 kilometer run-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya ran for one kilometer’.
- c. *səmolʲot pin kilometr vęc-se lart-sa*
 plane 1000 kilometer fly-CV_SIM seat-CV_SIM
 ‘A plane flew one thousand kilometers’.

It is not clear, however, whether the scale light verb *lart* operates on in these cases is a proper path scale; at least, it is not clear whether it is the only option. Sometimes native speakers translate sentences like (24) into Russian using the cumulative prefix *na-*; for example, the verb from (24c) could be translated as Rus. *naletatʲ* ‘log [1000 kilometers]’. However, judging by the preliminary data, the light verb *lart* can be used in contexts where experiential interpretation is problematic:

- (25) *vaeð kil-den poela-za škol-a eid-e*
 V. home-ABL begin-CV_SIM school-OBJ reach-CV_ATT
tsop-sa lart-ri-ə
 run-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya ran from home to school’.

Thus, in combination with incremental-path lexical verbs, *lart* can form a complex predicate either with incremental path, or accumulative “experiential” reading; though in any case, the degree of the effort must be contextually significant.

4.3. The light verb *lart* and non-incremental lexical verbs

Considered next are non-incremental lexical verbs combining with *lart*. The meaning of the resulting complex predicates can differ depending on whether the object undergoes change during the event.

In combination with some non-incremental verbs of a durative change of the state of the object, such complex predicates can denote a telic process of object accumulation:

- (26) a. *vaeð nomaj xot eēt-se lart-ri-ə*
 V. many paper tear-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya tore a lot of paper’.
- b. *vaeð nomaj kajək tit-sa lart-ri-ə*
 V. many bird catch-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya caught a lot of birds’.
- c. *vaeð vodə eor-za lart-ri-ə*
 V. wood chop-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya chopped a lot of wood’.

Thus, (26a) describes a culmination point where the accumulation of paper reaches a contextually relevant high degree, while the degree of destruction of the paper is irrelevant. In fact, there is an evident similarity between such examples and the complex predicates formed from

creation verbs: in both cases, an entity is created during the action. There are some restrictions on the formation of such cumulative complex predicates, discussed below in the analysis.

If the lexical verb denotes a durative event without a patientive object, the complex predicate has a cumulative interpretation, often with a saturation inference. Thus, in combination with transitives with non-incremental theme objects (27a), as well as with activities (27b) or states (27c), the light verb *lart* forms complex predicates denoting that the agent has performed the action up to the satisfaction point:

- (27) a. *vaεə tɛdɛk ʂəŋla-za lart-ri-ə*
 V. flower smell-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya had his fill of smelling the flower’.
- b. *vaεə nomaj sek-se lart-ri-ə*
 V. many jump-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya jumped enough’.
- c. *vaεə ɛur-za lart-ri-ə*
 V. sleep-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya slept enough’.

In such cases, the accumulator of effect is not the object, but rather the subject: in (27a), it is the person who has satisfied his wish for smelling the flower; in (27b), it is the person who has achieved some effect (saturation or fatigue) as a result of his jumping; and in (27c), it is the person who has slept enough for some contextually relevant scale (most probably, a scale of wakefulness).

Finally, *lart* generally does not combine with verbs denoting a momentary change of state on a binary scale:

- (28) a. **vaεə ʂarik sek-ter-ze lart-ri-ə*
 V. balloon burst-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘Vasya burst the balloon’.
- b. **vaεə ɛĕlĕg-e top-sa lart-ri-ə*
 V. hat-OBJ find-CV_SIM seat-PST-3S
 Int.: ‘Vasya found the hat’.

So, in (28a), the object entered the ungradable state of bursting (it is impossible to be more or less burst. The same holds for (28b).

Note that, in contrast to creatives, such verbs cannot combine with the light verb *lart* even with a plural object:

- (28) c. **vaεə nomaj ʃarik sek-ter-ze lart-rʲ-ə*
 V. many balloon burst-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘Vasya burst a lot of balloons’.

However, I found some examples where the light verb *lart* does combine with verbs denoting momentary events. Some of them are provided below:

- (29) a. *vaεə petʲ-a bulavkə-ba ter-ze lart-rʲ-ə*
 V. P.-OBJ pin-INS poke-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya pricked Petya with a pin’.
- b. *vaεə jid-a tap-sa lart-rʲ-ə*
 V. dog-OBJ kick-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya kicked the dog’.
- c. *vaεə kostʲ-a εap-sa lart-rʲ-ə*
 V. K.-OBJ hit-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya hit Kostya’.

It is not clear whether one should consider such cases together with the other instances of the usage of *lart*, since there is no meaning of incremental change of a property arising in all the other examples. However, what these examples have in common with the rest is that they denote events with some effect produced on one of the arguments; and, furthermore, this effect is possibly gradable, because a bite, a kick, or a hit can be stronger or weaker. Thus, some scale may be activated in such sentences, with the only difference that it is not incremental to the process subevent. However, the presence of the scale should be proved in this case to avoid an *ad hoc* stipulation. In addition, it is not clear why the meaning (or implicature) of an accident arises in at least some of the consultants’ translations. This case certainly needs further investigation.

Overall, the verb *lart* ‘seat’ is grammaticalized into a telicizing operator which can combine with (scalar!) non-ergative or transitive lexical

verbs. It usually forms incremental predicates from verbs denoting durative events, but in the specific case of momentary events, it can presumably⁹ operate on a scale of the effect on the object, where possible. In addition, it requires a high enough grade on a scale. My analysis of this light verb is proposed in the next section.

The distribution of different meanings of the light verb *lart* with different classes of lexical verbs is summarized in *Table 1* (p. 425) (recall that the light verb does not combine with unaccusatives or some of momentary event verbs).

Before moving on to the analysis, I need to admit that it is not completely clear whether the accumulative meaning of complex predicates with the light verb *lart* can emerge with any verbs that basically form complex predicates denoting a change of state of the object. However, even if this meaning is possible in some cases, it has not been detected during the elicitation: my consultants consistently translate complex predicates with the change-of-state interpretation, but never with accumulative meaning. Thus, my analysis addresses the basic, most natural interpretations of complex predicates with the light verb *lart*, while a more precise analysis of the distribution of the two meanings is certainly needed. Below, I will also comment on how the possible expansion of the accumulative meaning of *lart* may affect my analysis.

5. Analysis

To summarize, the core properties of the light verb *lart* mentioned above, are as follows. First, *lart* can form punctive complex predicates and thus function as a telicizing operator. Second, it can only combine with verbs with an external argument. Third, complex predicates with *lart* describe a kind of a (significant!) scalar change of the state of one of the arguments.

⁹ It is not still clear whether the light verb *lart* in such cases has the same structure. It can be the case that there is “another” light verb *lart* in this context. This problem needs further investigation.

Table 1. Distribution of the meanings of *lart* with different classes of lexical verbs

Class of the lexical verb		The meaning of the complex predicate with <i>lart</i>	
Incremental verbs	Verbs with incremental property	A change of state of the object to some contextually relevant high degree	
	Verbs with incremental path	Accumulation of the object (large path covered)	
	Verbs with incremental theme	Verbs of creation	Accumulation of the created object
		Verbs of destruction	Completeness of the action
		Verbs of impact on the object	
		Verbs with a non-patientive incremental theme	Contextual saturation of the agent
	Ingestives		
Non-incremental verbs	Durative	Verbs without patientive object	
		Verbs with patientive object	Accumulation of the object
	Non-durative	Suddenness of the action (could be another meaning)	

The most interesting property of complex predicates with *lart* is that the choice of the scale depends on the thematic properties of the lexical verb. Namely, the light verb chooses a scale associated with the object if the lexical verb denotes a scalar change of state of the object (unless this verb is ingestive or creative). In all other cases, viz. in those of ingestives, creatives, non-incremental durative verbs, or with verbs with

non-patientive objects and unergatives, the light verb *lart* operates on the scale of accumulativity, associated with the agent. The key issue here is to identify the factor behind such a distribution of meanings.

Primitive syntactic and semantic factors cannot predict this distribution. It is not true that the light verb *lart* chooses the scale of the lexical verbs already containing it and introduces its own accumulative scale otherwise, because incremental verbs are split into two different groups. It is also false that the key factor is transitivity: transitive verbs behave with *lart* inconsistently. Finally, it is not completely true that the choice of scale depends on whether the lexical verb has a patient: for example, though the verbs *tazat* ‘clean’ and *ei* ‘eat’ both contain a patientive object in their argument structure, they belong to different groups in terms of the choice of the scale. In addition, it is not clear why the “default” scale is a scale of accumulation.

The first phase syntax theory can explain the distribution of the meanings of complex predicates with *lart*. This formal theory of event decomposition was first proposed in [Ramchand 2003] and later developed in [Lytikova et al. 2006; Ramchand 2008a, 2009b; Lytikova, Tatevosov 2014]. It claims that the event and argument structure of a predicate is represented in syntax by a combination of three heads (*init*, *proc*, and *res*) introducing the subevents of an event. Namely, *init* usually introduces a causing subevent, *proc* denotes a process subevent, and *res* introduces a resultant subevent or a resultant state. Each of the heads has specifiers and complements of its own. The specifier of an eventual head is an obligatory participant of this subevent. The eventual head *init* projects a specifier called Initiator (the participant-source of the causing subevent), *proc* introduces the Undergoer (the participant, physically involved in the process), and *res* introduces the Resultee (the holder of the resultant state). The complements of the subeventual heads are filled with other entities that specify the descriptive properties of the corresponding subevent. Such complements could be other eventual phrases, causally dependent on the subevent, or nominal or scalar arguments specifying some properties of the subevent. Such non-eventual arguments are called Rhemes.

The maximal projection of an event structure of the first phase syntax looks as follows:

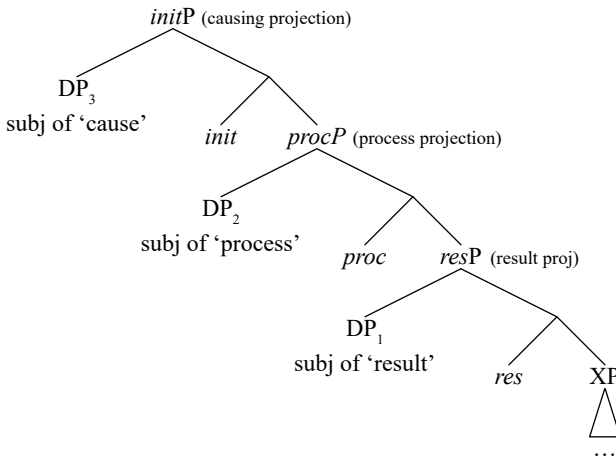

Fig. 1. A first phase syntax (copied from [Ramchand 2008a: 46])

This approach can differentiate a diversity of various event structures. The two crucial parameters are the set of the subevents and the reference relation between the specifiers. For example, unaccusatives differ from unergatives and transitives in that they lack *initP* (and hence cause the subevent and the Initiator), and unergatives differ from transitives in that the Initiator of unergatives is coreferential¹⁰ to the Undergoer, while the Initiator of transitives is not coreferential to their Undergoer.

Leaving aside many interesting formal details of the first phase syntax concerning various event structure issues, I will only touch on some key points of this framework, crucial for my analysis of the complex predicates. As shown above, despite their agentive nature, unergatives do have an Undergoer in their event structure, with this Undergoer usually coreferential to the Initiator. This structure logically follows from that of the first phase syntax: activities should contain *proc*, because this head is the source of dynamic inference, but at the same time, they should have *init*

¹⁰ Note that in the first phase syntax, there is no restriction on how many theta-roles a DP could get: a single DP could, for example, get all the three roles (Initiator-Undergoer-Resultee) as with some agentive verbs of motion, such as *arrive*.

to contain an external argument (the Initiator). Ramchand, however, proposes independent arguments for this analysis. For example, some contexts may allow transitivity with usually unergative verbs of motion, as illustrated in (30) (cited from [Ramchand 2008a: 128]):

- (30) a. *Karena walked the dog.*
b. *Michael jumped the horse.*

Moreover, Ramchand also analyzes some transitives as verbs with coreferential Initiators and Undergoers — despite the existence of a direct object. Namely, she analyses both creation verbs and ingestives as verbs where the subject is simultaneously the Initiator and the Undergoer, while the object is in the complement of *proc* (it is also called Path); see examples below (cited from [Ramchand 2008a: 20]):

- (31) a. *John painted a picture.*
b. *John painted a wall.*
- (32) a. *John painted me a picture.*
b. *??John painted me a wall.*

These examples illustrate the syntactic difference between the two usages of the verb *paint* (as a creation verb and as a verb denoting change of state), namely the inability of *paint* in the latter meaning to take a beneficiary argument. Ramchand argues that this contrast comes from the difference in the event structure: in its creative usage, *paint* takes the object as a Path, while the position of Undergoer is reserved for the future possessor of the creative entity: by default, it is Initiator itself, but it is possible to fill this position with another DP. In contrast, *paint* as a change-of-state verb lacks such an ability: its Undergoer is obligatorily a DP denoting the changed entity, i.e. the object of painting.

On the other hand, only *paint* in its change-of-state usage can get a resultative secondary predication, since creation verbs do not project resP (the place of the complement of *proc*, where resP could merge, is already filled with the Path argument); the examples are cited from [Ramchand 2008a: 77]:

- (33) a. *John painted a wall red.*
b. **John painted a picture red.*

This specific behavior of ingestives and creatives is crucial for my research, since it explains why such verbs cluster with unergatives: they also have a coreferential Initiator and Undergoer.

The first phase syntax makes it possible to analyze derivations on the borderline between syntax and morphology, such as causatives and actional preverbs [Ramchand 2008a]. Particularly, this framework is well developed to adequately describe the structure of aspectual complex predicates in Indo-Arian languages [Ramchand 2008a, 2008b; Ozarkar, Ramchand 2018]. The authors analyze light verbs as verbs that have lost their lexical content, i.e. a capacity to denote their own situation, but preserved to some extent their event structure, i.e. the set of eventual heads and some argument structure restrictions.

Combining the ideas from [Ramchand 2008b; Ozarkar, Ramchand 2018], I argue that similar analysis is preliminarily applicable to light verbs in Chuvash, at least to the light verb *lart* 'seat' that can also form telic complex predicates.

The light verb *lart* (at least, in one of its meanings) forms complex predicates with the meaning of significant scalar change of state of the arguments of verbs with different event structure; thus, it is plausible that the event structure of such complex predicates is defined by *lart* rather than by the lexical verb.

Thus, if a light verb has its own event structure, this structure should be evident from its selective restrictions and actional properties. The fact that the light verb *lart* combines with only unergatives and transitives implies that it has an *init* head, as well as an Initiator corresponding to the external argument, or, informally speaking, an agent / causer of the event. Further, since complex predicates with *lart* denote a kind of change of state with one of the arguments, there should be a *proc* head in its event structure, as well as an Undergoer, i.e. the patient of the event. Since the light verb *lart* forms telic complex predicates denoting entering a gradable state, the light verb *lart* should also project a Resultee and an eventual head *res*, responsible for the resultant state and requiring the resultant subevent to be gradable and denote a significant degree of a state.

Finally, since the light verb *lart* can combine with both transitives and unergatives, the Initiator and the Undergoer can (not) be coreferential. As is standard in the first phase syntax, the Resultee is coreferential to the Undergoer, except for some very specific cases [Ramchand 2008a: 136–137]. Thus, the event structure of complex predicates with *lart* is as follows:

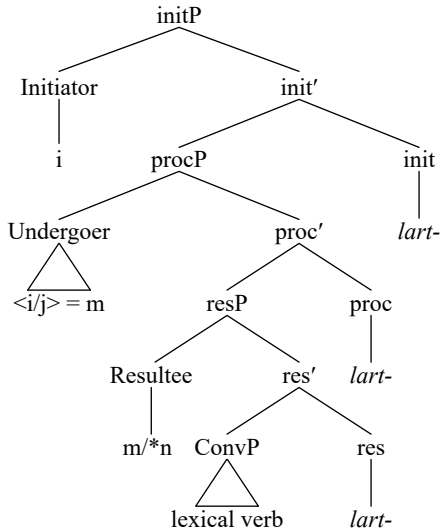

Fig. 2. The event structure of complex predicates with the light verb *lart* ‘seat’

The structure of complex predicates with *lart* functions as follows. The light verb *lart* has an impoverished event structure without a lexical component, and it needs a lexical verb to fulfill the idiosyncratic component of its meaning. I tentatively¹¹ argue that the light verb *lart* takes a converbal phrase in the complement of *res* (a similar analysis was proposed in [Ozarkar, Ramchand 2018] for Marathi telic predicates), and here events are identified via a formal semantic operation called generalized

¹¹ The position of the lexical verb phrase certainly needs a special proof. My analysis just mirrors the simple idea that the light verb takes a lexical verb phrase as its complement before it builds an event structure of its own.

event identification [Tatevosov, Kiseleva 2019]. To avoid an explanation of the formal details of this operation, its essence is that the merged events intersect their truth conditions. A simplified informal explanation may be as follows. Consider the complex predicate in (34), equivalent to (4):

- (34) *væə gu əzət-sa lart-rʲ-ə*
 V. water heat-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya heated the water’.

The verb *əzət* ‘heat’ lexicalizes the event of heating, while the light verb *lart* has a bare event template and roughly means ‘Initiator significantly changes a scalar state of the Undergoer-Resultee’. The light verb requires the semantics of the lexical verb to fulfill its event template, and the resultant complex predicate means ‘Vasya as Initiator causes the water as Undergoer to enter the state of being significantly hotter as Resultee’.

While this analysis needs further development, my intention here is to give a general view on the possible formalization of complex predicate formation and show how the first phase syntax approach can explain some properties of such complex predicates.

Another important advantage of the analysis is that it also predicts the distribution of different meanings of the light verb *lart*, i.e. the choice of the scale and the argument changing its state during the event. Namely, it predicts that complex predicates with *lart* will denote a scalar change of state of the Undergoer of an event.

To be more precise, the analysis correctly predicts the distribution of “degree achievement” and accumulative meanings. If the Undergoer of the lexical verb is not coreferential to the Initiator, the complex predicate will have a meaning of a scalar change of the Undergoer (35):

- (35) a. *væə gu əzət-sa lart-rʲ-ə*
 V. water heat-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya heated the water’.
- b. *væə ɛan-in-e mədək-la-t-sa lart-rʲ-ə*
 V. sleeve-P_3-OBJ short-VBZ-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya shortened his sleeves’.

The impact of the light verb *lart* is invisible in this case, except for telicizing: since the light verb is already a degree achievement, it just maps its own event structure onto the structure of the lexical verb: the “empty” scale of *lart* is identified with the lexical scale of a degree achievement.

If the lexical verb has a non-coreferential Initiator and Undergoer, but it is not a degree achievement, then the possibility of complex predicate formation depends on whether it is possible to accommodate a kind of a scale. It is indeed possible if the Undergoer is itself an incremental argument, and *lart* works with incremental theme predicates as with degree achievements containing a mereological scale¹²:

- (36) a. *vaεə pər erəl-der-ze lart-rʲ-ə*
 V. ice melt-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya melted ice’.
- b. *vaεə oj soxala-za lart-rʲ-ə*
 V. field plow-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya plowed the field’.

It is possible that there are other cases where the scale is accommodated, but I have not come across them yet.

If a change of state is lexically specified and non-scalar, it is difficult to accommodate an appropriate scale, and the light verb *lart* is forbidden with such verbs (37):

- (37) a. **vaεə ʂarik sek-ter-ze lart-rʲ-ə*
 V. balloon burst-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘Vasya burst the balloon’.
- b. **vaεə ɛələg-e top-sa lart-rʲ-ə*
 V. hat-OBJ find-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘Vasya found the hat’.

¹² The only observed exclusions are complex predicates from the verbs *ɛondar* ‘burn’ (which has a trickier resulting meaning) and *kajdar* ‘erase’, which has the corresponding meaning in combination with *lart* but is incompatible with the light verb in some idiolects for some reason. Note, however, that complex predicates with *ɛondar* still follow the general trend, since they denote events with an incremental change of the state of the object.

If the Initiator and the Undergoer of the lexical verb are coreferential, the light verb *lart* forms complex predicates with accumulative interpretation. The more precise type of accumulation is contextually dependent: it could be accumulation of nutrients (38a), of information (38b), or of experience (38c):

- (38) a. *væə* *ei-ze* *lart-rʲ-ə*
 V. eat-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya ate enough’.
- b. *væə* *kino-zam* *pək-sa* *lart-rʲ-ə*
 V. film-PL watch-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya watched films enough’.
- c. *səmolʲot* *pin* *kilometr* *vëc-se* *lart-sa*
 plane 1000 kilometer fly-CV_SIM seat-CV_SIM
 ‘A plane flew one thousand kilometers’.

Presumably, an accumulative inference can be explained here by the fact that the light verb *lart* tries to scalarize the event where the Undergoer is coreferential to the Initiator. In fact, what we call the accumulative scale is a scale of any contextually possible impact made on the external argument during the event¹³. If this line is correct, then the analysis can predict accumulative meaning with such verbs without any additional assumptions.

Note that the first phase syntax correctly predicts cases where the accumulative meaning should arise: the common trait of all unergatives, transitive verbs of perceptive interaction with a theme object¹⁴, verbs

¹³ This idea goes in line with a similar suggestion in the analysis of the incrementalization phenomenon in Tuba [Tatevosov 2009].

¹⁴ The analysis of perception verbs such as *pək* ‘watch’ and *širšla* ‘smell’ as containing coreferential Initiator and Undergoer comes from [Ramchand 2008a], where she discusses the behavior of causatives in Hindi/Urdu. Namely, she distinguishes a special class of ‘ingestive’ verbs which differ from the other transitives and behave similarly to unergatives in that they obligatorily decrease their valency after causativization; for more detail, see [Ibid.: 165–211]. Thus, Ramchand includes perception verbs

of creation and ingestives is that the Initiator is coreferential with the Undergoer in their event structure, while the object, if present, is located in the Path position.

This analysis also explains the following contrast between verbs of creation and verbs of destruction:

- (39) a. [?]*anʲə* *ul* *ɛorat-sa* *lart-rʲ-ə*
 A. son give.birth-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Anya gave birth to a son’.
- b. **vaɛə* *ʃarik* *sek-ter-ze* *lart-rʲ-ə*
 V. balloon burst-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 Int.: ‘Vasya burst the balloon’.
- c. *anʲə* *nomaj* *atea* *ɛorat-sa* *lart-rʲ-ə*
 A. many child give.birth-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Anya gave birth to many children’.
- d. **vaɛə* *nomaj* *ʃarik* *sek-ter-ze* *lart-r-ʲə*
 V. many balloon burst-CAUS-CV_SIM seat-PST-3SG
 ‘Vasya burst many balloons’.

The difference between the two verbs in (39) is in the NP corresponding to the Undergoer. In the structure of *sekter* ‘burst’, the Undergoer is the object of bursting. Thus *lart*, operating on the destruction scale, fails to accommodate it because of its binary nature: while an object either can or cannot not be dead, a situation where it is, for instance, half-dead, is impossible. Therefore, (39b) is ungrammatical.

In contrast, the Undergoer of *ɛorat* ‘give birth to’ is not an object; it is rather a subject of birthing according to the analysis provided in [Ramchand 2008a] for verbs of creation. The object of creation is a complement of *proc*, i.e. it is a Path argument. In this case, the contextually relevant

in the extended set of the already mentioned ingestives such as *drink* or *eat*. Note that the proposed “intransitive” event structure also logically follows from the definition of Undergoer: in cases of watching and smelling, it is rather the subject than the object that changes its state.

scale is a scale of possession associated with the mother, and this scale is not binary: you can have a single child, two children, or more. That is why (39c) is grammatical.

Why is (39a) problematic then? I argue that it is infelicitous, because it describes the minimal possible grade of possession: a single child is the minimum you can get from birthing. Hence, the restriction on the significant degree is violated. Note that (39a) is a more natural sentence than (39b)¹⁵.

But why is (39d) ungrammatical? One could argue that here the analysis is incorrect, because *sekteŕ* forms a scale of the quantity of the burst balloons, and it is non-binary. I think the problem is that *lart* requires here the incremental property of the whole Undergoer, and the scale of quantity does not fulfill this requirement. It is not true, that you *burst balloons more* if you burst more balloons. This is my explanation of (39d)'s infelicity.

An interesting and at first glance problematic case arises in contexts where *lart* combines with non-incremental verbs with a patientive object (40):

(40) a. *vaɛə ɛip ɛət-se lart-ri-ə*
 V. thread tear-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya tore some threads’.

b. *vaɛə vodə ɛor-za lart-ri-ə*
 V. wood chop-CV_SIM seat-PST-3SG

‘Vasya chopped some wood’.

It is not clear which DP takes the Undergoer position here — the accumulator or the accumulated entity? In a way, both participants experience a change of state: the accumulator changes its state of wealth, while the accumulated entity changes its physical state. Moreover, these verbs, *ɛət* ‘tear’ and *ɛor* ‘chop’, are destruction verbs in their “prototypical” usages,

¹⁵ In fact, some native speakers partially accept (39a) if Anya gives birth to her first son. Maybe it is an attempt to represent the birth of a single child as a significant possession, marking the opposition with a lack of any children.

and it is not clear how something other than the object of destruction can be the Undergoer.

A possible solution to this problem is that these verbs are used here as creation verbs, and complex predicates denote a change of the accumulator's state of wealth, the same as postulated for creatives, ingesives, unergatives, and transitives without a patientive object. Note that the complex predicates in (41) do not describe a significant effect on the object as degree achievements usually do: the degree of the destruction is not important here. The only important value is the amount of the destroyed resource accumulated — and this accumulation is a change of the agent's state.

Why not all destruction verbs can behave like that? For instance, why cannot *sekteŕ* 'burst' or *vęler* 'kill' occur in such contexts, be these even forced accumulative contexts? I do not have a good answer for this, but a possible explanation is that verbs like *ęęť* 'tear' or *ęor* 'chop' differ from verbs like *sekteŕ* 'burst' or *vęler* 'kill' in that they describe events that are more pragmatically compatible with the idea of accumulativity. One of the other possible explanations is that verbs like *ęęť* 'tear' or *ęor* 'chop' have a lexical specification of their processual and resultant subevents¹⁶, while verbs like *vęler* 'kill' idiosyncratically specify only the resultant state. Thus, the verbs from the first group are more "friendly" to the accumulative interpretation: they can at least save the processual part of their idiosyncratic constant, while the idiosyncratic component of result verbs is in complementary distribution with the possessive scale. However, it is still not clear whether *sekteŕ* 'burst' is a verb of manner or result. As mentioned in *Section 4*, no strict distribution of the accumulative meaning is established, and some verbs with usually non-coreferential Initiator and Undergoer can form accumulative complex predicates in combination with *lart*. If it is the case, they must behave the same way as verbs like *ęor* 'chop' or *tip* 'tear', reinterpreted as verbs of creation.

Finally, the analysis is preliminarily applicable to cases where *lart* combines with verbs of momentary effect, though with a reservation: the

¹⁶ See [Lyutikova et al. 2006] for similar suggestions for corresponding Karachay-Balkar verbs.

scale provided by such a lexical verb is not incremental, it just characterizes the event in terms of the effect it had on the object, while this effect is still non-binary. However, further research is needed. Maybe the restriction the light verb *lart* applies to resultant state is not connected with scalarity directly: it could be that complex predicates with *lart* denote entering some pragmatically important state. Maybe the light verb *lart* has several meanings, only one of these relating to scalarity. Again, this is rather a topic for further research.

Overall, my analysis, made in the first phase syntax framework, can shed some light on why the light verb *lart* works the way it does: it still has some verbal properties defining its distribution and semantics, such as the presence of an external argument and the requirement of a scalar resultant state. The crucial thing this analysis predicts is the distribution of two meanings of the light verb and their semantic invariance. However, it is not completely clear how this event structure relates to its lexical meaning, and this topic needs further investigation.

6. Conclusions and future perspectives

A summary of the findings above could be presented as follows. The verb *lart* has grammaticalized into an actional operator forming punctive complex predicates. It can combine with lexical verbs with an external argument (transitives and unergatives) and form complex predicates with the meaning of reaching a significantly high degree of effect on the Undergoer of the event. According to my analysis, all these properties can be explained by the fact that the light verb *lart* has an event structure of its own containing eventual heads *init*, *proc*, and *res*, as well as Initiator, Undergoer, and Resultee, with the first two unspecified in terms of coreference. In addition, it specifies the resultant state that should be scalar, non-binary.

Admittedly, this analysis may have certain weak points. It is not clear, for example, how to explain the compatibility of *lart* with verbs like *cap* ‘hit’ that are not obviously scalar. Nevertheless, the first phase syntax analysis helps to explain some important properties of the light verb, such as its

interaction with the event and argument structure of lexical verbs. It is especially useful in that it explains the distribution of degree achievement and accumulative meanings as different instances of the scalar change of state of the Undergoer. However, more detailed analysis is needed.

Speaking of a typological perspective for this research, grammaticalization of verbs with the meaning SEAT found in Chuvash is not unique. This phenomenon takes place in many other Turkic languages; see [Grashchenkov 2015] for a general overview, or a description of the Tuba light verbs *qoj* ‘stand’ and *sal* ‘put’ in [Shluinskiy 2009]. Most such verbs form telic complex predicates, but as far as I know, the accumulative interpretation is rarely observed. The only known exception is the Hill Mari light verb *šändäš* ‘seat, put’ which looks very similar to *lart*: it is also grammaticalized into a telicizing operator denoting a scalar change of the Undergoer and also has accumulative and saturative interpretations [Kashkin 2018a, 2018b; Golosov 2019]. Since Hill Mari is areally close to Chuvash and, especially, to its Poshkart dialect, this similarity may be an areal feature, which evidently calls for a detailed typological survey.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; ABL — ablative case; CAUS — causative; CV_SIM — neutral converb (also used as a past tense verb form); INS — instrumental case; LOC — locative case; NPST — non-past tense; OBJ — objective case; P_3 — possessive of the third person; PL — plural number; PST — past tense; SG — singular number; VBZ — verbalizer.

References

- Ashmarin 1923 — N. I. Asmarin. *Opyt issledovaniya chuvashskogo sintaksisa* [Chuvash Syntax Research Experience]. Pt. 2. Simbirsk: S. n., 1923.
- Golosov 2019 — F. V. Golosov. Legkiye glagoly-telisizatory gornomariyskogo yazyka: grammaticheskaya semantika i distributsiya [Telicizing light verbs in Hill Mari: Semantics and distribution]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2019. Vol. XV. Pt. 2. P. 13–37. DOI: 10.30842/alp2306573715201.

- Grashchenkov 2015 — P. V. Grashchenkov. *Tyurkskiye konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya* [Turkic Converbs and Serialization: Syntax, Semantics and Grammaticalization]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015.
- Kashkin 2018a — E. V. Kashkin. O semantike slozhnykh glagolnykh kompleksov v gornomariyskom yazyke: konstruksii so znacheniyem dostizheniya prede-la [On semantics of complex verb constructions in Hill Mari: Completive constructions]. M. K. Amelina, A. A. Anufriyev, V. V. Dyachkov, N. V. Makeyeva, O. V. Popova, O. V. Sokolova (eds.). *Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statey po materialam Shestoy konferentsii-shkoly "Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh" (12–14 marta 2018 g.)* [Language Issues: Collection of articles based on the 6th Conference "Language Issues: A Young Scholars' View" (March 12–14, 2018)]. Moscow: Institute of Linguistics RAS; Kantsler, 2018. P. 110–129.
- Kashkin 2018b — E. V. Kashkin. Grammatikalizatsiya gornomariyskikh glagolov pozitsii [Grammaticalization of Hill Mari posture verbs]. A. M. Ivanova, E. V. Fomin (comps., eds.). *Yazykovyye kontakty narodov Povolzhya i Urala: sbornik statey XI Mezhdunarodnogo simpoziuma (Cheboksary, 21–24 maya 2018 g.)* [Language Contacts in Povolzhye and Ural. Collection of articles of the 11th International Symposium (Cheboksary, May 21–24, 2018)]. Cheboksary: Chuvash State University, 2018. P. 178–184.
- Krifka 1989 — M. Krifka. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics. R. Bartsch, J. van Benthem, P. van Emde Boas (eds). *Semantics and Contextual Expression*. (Groningen-Amsterdam Studies in Semantics 11). Dordrecht: Foris Publications, 1989. P. 75–115. DOI: 10.1515/9783110877335-005.
- Krifka 1992 — M. Krifka. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution. I. A. Sag, A. Szabolsci (eds). *Lexical Matters*. (CSLI Lecture Notes 24). Stanford: Center for the Study of Language and Information, 1992. P. 29–53.
- Lebedev 2016 — E. Ye. Lebedev. *Aksionsartovyye znacheniya slozhnoverbalnykh analiticheskikh form v chuvashskom yazyke* [Actional Meanings of Complex Verbal Analytic Forms in Chuvash]. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2016.
- Lyutikova et al. 2006 — E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov, M. Yu. Ivanov, A. B. Shluginskiy, A. G. Pazelskaya. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachayevobalkarskom yazyke* [Event Structure and Semantics of the Verb in Karachay-Balkar]. Moscow: Gorky Institute of World Literature RAS, 2006.
- Lyutikova, Tatevosov 2014 — E. Lyutikova, S. Tatevosov. Causativization and event structure. B. Copley, F. Martin (eds.). *Causation in Grammatical Structures*.

- (Oxford Studies in Theoretical Linguistics 52). Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 279–327. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199672073.003.0011.
- Ozarkar, Ramchand 2018 — R. Ozarkar, G. Ramchand. Structure matching and structure building in Marathi complex predicates. *Journal of South Asian Linguistics*. Vol 8. Iss. 1. P. 3–28.
- Ramchand 2003 — G. Ramchand. *First Phase Syntax*. Manuscript. Oxford: University of Oxford, 2003.
- Ramchand 2008a — G. Ramchand. *Verb Meaning and the Lexicon: A First-Phase Syntax*. (Cambridge Studies in Linguistics 116). Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2008. DOI: 10.1017/CBO9780511486319.
- Ramchand 2008b — G. Ramchand. Lexical items in complex predications: Selection as underassociation. *Nordlyd*. Vol. 35. Iss. 1. P. 115–141. DOI: 10.7557/12.139.
- Shluinskiy 2006 — A. B. Shluinskiy. Aktsionalnost i aspektualnyy pokazatel: konstruktziya so vspomogatelnyy glagolom *il-* v chuvashskom yazyke [Actionality and the aspect marker: Constructions with the verb *il-* in Chuvash]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9, Filologiya*. 2006. Vol. 1. P. 32–47.
- Shluinskiy 2009 — A. B. Shluinskiy. Biverbalnyye konstruktzii i ikh leksicheskiye ogranicheniya [Biverbal constructions and their lexical restrictions]. S. G. Tatevosov (ed., comp.). *Tubalarskiye etyudy* [Tubalar Sketches]. Moscow: Gorky Institute of World Literature RAS Press, 2009. P. 6–53.
- Tatevosov 2009 — S. G. Tatevosov. Aspektualnaya kompozitsiya [Aspectual composition]. S. G. Tatevosov (ed., comp.). *Tubalarskiye etyudy* [Tubalar Sketches]. Moscow: Gorky Institute of World Literature RAS, 2009. P. 78–133.
- Tatevosov 2015 — S. G. Tatevosov. *Aktsionalnost v leksike i grammatike: glagol i struktura sobytiya* [Actionality in Lexicon and Grammar: Verb and Event Structure]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015.
- Tatevosov 2016 — S. G. Tatevosov. *Glagolnyye klassy i tipologiya aktsionalnosti* [Verbal Classes and Typology of Actionality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2016.
- Tatevosov, Kiseleva 2019 — S. G. Tatevosov, K. L. Kiseleva. Identifikatsiya sobytiiy v prefiksialno-postfiksialnom slovoobrazovanii [Event identification in prefixal and postfixal derivations]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9, Filologiya*. 2019. Vol. 1. P. 7–35.
- Yegorov 1957 — V. G. Yegorov. *Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo yazyka* [Materials on the Grammar of Modern Chuvash]. Pt. 1: *Morfologiya* [Morphology]. Cheboksary: Chuvashgosizdat, 1957.

Inanimate demonstrative pronouns in Kullui (Indo-Aryan)

E. A. Renkovskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
jennyrenk@gmail.com

Abstract. The article deals with two inanimate demonstratives in Kullui, an Indo-Aryan language of Himachali group — the proximal *ūi* and the distal *tūi*. They have not been previously studied and are not even mentioned in practically a half of the grammatical descriptions of Kullui. The present data comes from the field work conducted in the Kullu district (Himachal Pradesh, India) in 2014–2018.

As far as can be judged, the demonstrative systems of the majority of New Indo-Aryan languages are based on three reflexes of Old Indo-Aryan demonstratives, one proximal and two distal. The proximal demonstratives are considered to go back to the OIA *eṣa* ‘this’. The two distal demonstratives are derived from the OIA *sa* (non-direct stem *ta-*) ‘that’ and *asau* (OBL *amu-*) ‘that’. The presence of two distal demonstratives in NIA languages naturally leads to functional competition between them. As a result, one of the two usually serves as a distal pronoun, while the other either acquires an additional meaning or is completely lost.

Inanimate demonstratives, existing in Kullui alongside animate demonstratives, can refer to inanimate nouns, verbal phrases, or sentential arguments. In other Himachali languages, we find inanimate demonstratives with similar functions that etymologically go back to OIA neuter demonstrative pronouns. Since in the majority of Himachali languages the nominal system does not distinguish neuter gender, the neuter demonstratives acquire a set of new functions.

However, the inanimate demonstratives in Kullui show no neuter-pronoun heritage. While the other Kullui demonstratives derive from the OIA pronouns *eṣa* (proximal) and *sa* (distal), the inanimate proximal demonstrative *ūi* goes back to the OIA distal pronoun *asau*, with the distal pronoun *tūi* formed directly from *ūi* by analogy. Presumably, the reason is that after Kullui had lost its neuter demonstratives, under the influence of neighbouring genetically related languages that retained these demonstratives, their functions have been taken over by the previously little used reflex of *asau*.

Keywords: demonstrative pronouns, inanimate pronouns, neuter gender, contact influence, New Indo-Aryan languages, Himachali, Kullui.

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00355.

Неодушевленные указательные местоимения в языке куллуи

Е. А. Ренковская

Институт языкознания РАН (Москва, Россия); jennyrenk@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются неодушевленные указательные местоимения в индоарийском языке куллуи, их происхождение и функции. Если в других языках химачали такие местоимения имеют общую с одушевленными этимологию и представляют собой рефлексы древнеиндийских местоимений среднего рода (*etad* и *tad*), то в куллуи они имеют иное происхождение. Предположительно, куллуи утратил собственные местоимения среднего рода, однако под влиянием соседних близкородственных языков функции таких местоимений перешли к рефлексам другого древнеиндийского местоимения (*asau*).

Ключевые слова: указательные местоимения, неодушевленные местоимения, средний род, контактное влияние, новоиндоарийские языки, химачали, куллуи.

1. Introduction

The paper deals with inanimate demonstrative pronouns in Kullui language. Kullui is an Indo-Aryan language of the Himachali (formerly, Western Pahari) group of languages. It is spoken in the Kullu district of the state of Himachal Pradesh, India. The work builds on data, collected during my four field trips to the Kullu district in 2014–2018

in the Kullu Tehsil (the town of Kullu, the villages of Naggar, Bashing, Katrain, Jagatsukh, Suma, Bhalyani) and the Manali Tehsil (the town of Manali, the villages of Kanyali, Barua, Shanag). Inanimate demonstratives in Kullui have not been previously studied and, moreover, are not even mentioned in practically a half of the grammatical descriptions of Kullui; cf. [Diack 1896; Bailey 1908; Sharma 2014]. At the same time, they are of great typological interest, since their formal and functional development has been influenced by closely related contact languages of the Himachali group.

2. Demonstratives in New Indo-Aryan languages

The demonstrative systems of New Indo-Aryan languages are relatively similar; the pronouns, characterized by both attributive and substantive use, function as third-person pronouns and derive from the same stem. As far as can be judged, the demonstrative systems of the majority of New Indo-Aryan languages are based on three reflexes of Old Indo-Aryan demonstratives, one proximal and two distal.

The proximal demonstratives are considered to go back to Old Indo-Aryan *eṣa* ‘this’ (Table 1, p. 444). In the New Indo-Aryan languages, they usually begin with a front vowel or a diphthong (*i*, *e*, *ei*) as well as the sonant *j*; e.g., Hindi *jah* (OBL *is*), Bengali *e*, Odia *e*, Maithili *ī*, Nepali *jo*, Kumaoni *jo*, Lahnda *e* (OBL *is*), Punjabi *eh*, *ih*, *e*, Bhalesi *ī*, etc. [Turner 1962–1985: 122, № 2530].

Descendants of another widespread Old Indo-Aryan proximal demonstrative *ayam* are found mostly in Dardic and only in some New Indo-Aryan languages [Turner 1962–1985: 26, № 587]. In the course of their historical development, these demonstratives may have been influenced by the reflexes of *eṣa* due to the presence of a front vowel at the beginning of the paradigm forms of both pronouns.

The other two types of demonstratives in the New Indo-Aryan system are distal. The first features pronouns that begin in *s-* (less often, *t-*) in the direct case and in *t-* in the other forms. These pronouns derive from the

Table 1. The declension of the proximal demonstrative *eṣa* in Sanskrit

Pronouns		PROX <i>eṣa</i>		
Number	Case	Gender		
		M	N	F
SG	NOM	<i>eṣa</i>	<i>etad</i>	<i>eṣā</i>
	ACC	<i>etam</i>		<i>etām</i>
	INS	<i>etena</i>		<i>etayā</i>
	DAT	<i>etasmai</i>		<i>etasyai</i>
	ABL	<i>etasmād</i>		<i>etasyās</i>
	GEN	<i>etasya</i>		
	LOC	<i>etasmīn</i>		<i>etasyām</i>
DU	NOM, ACC	<i>etau</i>	<i>ete</i>	
	INS, DAT, ABL	<i>etābhyām</i>		
	GEN, LOC	<i>etayos</i>		
PL	NOM	<i>ete</i>	<i>etāni</i>	<i>etās</i>
	ACC	<i>etān</i>		
	INS	<i>etais</i>		<i>etābhis</i>
	DAT, ABL	<i>etebhyas</i>		<i>etābhyas</i>
	GEN	<i>eteṣām</i>		<i>etāsām</i>
	LOC	<i>eteṣu</i>		<i>etāsu</i>

Old Indo-Aryan *sa* (non-direct stem *ta-*) ‘that’, like Hindi *so*, Marwari *so*, Odia *se*, Maithili *se*, Marathi *to*, Nepali *tjo*, Kumaoni *to*, Bhalesi *sē*, Kotgarhi *so* (OBL *tes-*), Mandeali *se* (OBL *tes-*), etc. [Masica 1991: 225; Turner 1962–1985: 744, № 12815] (see Table 2, p. 445).

Distal demonstratives of the second type have forms with the rounded back vowels or diphthongs *u*, *o*, *ou*, as well as with the word-initial sonant *w*(~*b*); cf. Hindi *wah* (OBL *us*), Lahnda *o* (OBL *us*, *ũ*), Punjabi *o* (OBL *aus*, *us*), Nepali *u* (OBL *us*), Kumaoni *u* (in some dialects OBL *wi*), Old Marwari *wo* (OBL *ũ*), etc. [Turner 1962–1985: 43, № 972]. Unlike the reflexes of the Old Indo-Aryan *sa*, the etymology of these

Table 2. The declension of the distal demonstrative *sa* in Sanskrit

Pronouns		DIST <i>sa</i>		
Number	Case	Gender		
		M	N	F
SG	NOM	<i>sa</i>	<i>tad</i>	<i>sā</i>
	ACC	<i>tam</i>		<i>tām</i>
	INS	<i>tena</i>		<i>tayā</i>
	DAT	<i>tasmai</i>		<i>tasyai</i>
	ABL	<i>tasmād</i>		<i>tasyās</i>
	GEN	<i>tasya</i>		
	LOC	<i>tasmīn</i>		<i>tasyām</i>
DU	NOM, ACC	<i>tau</i>	<i>te</i>	
	INS, DAT, ABL	<i>tābhyām</i>		
	GEN, LOC	<i>tayos</i>		
PL	NOM	<i>te</i>	<i>tāni</i>	<i>tās</i>
	ACC	<i>tān</i>		
	INS	<i>tais</i>		<i>tābhis</i>
	DAT, ABL	<i>tebhyas</i>	<i>tābhyas</i>	
	GEN	<i>teṣām</i>	<i>tāsām</i>	
	LOC	<i>teṣu</i>	<i>tāsu</i>	

pronouns is less clear. In [Turner 1962–1985: 43, № 972], they are traced back to the Old Indo-Aryan *asau* (OBL *amu-*) ‘that’, cf. Prakrit *aho*. However, according to [Masica 1991: 225], as the reflexes of this pronoun are not widely used in Middle Indo-Aryan texts, they cannot account for the sudden and widespread appearance of these forms in New Indo-Aryan languages after the 12th century. C. Masica surmises that this change could have occurred under the influence of Persian. The time period and the area where such forms were used coincide with the Muslim conquests of the northern parts of India, and the formal similarity between the reflexes of *asau* and the Persian third-person pronoun

\bar{o} (\bar{u} in modern Farsi) might have triggered the resurgence of the *asau*-derived pronouns.

Table 3. The declension of the distal demonstrative *asau* in Sanskrit

Pronouns		DIST <i>sa</i>		
Number	Case	Gender		
		M	N	F
SG	NOM	<i>asau</i>	<i>adas</i>	<i>asau</i>
	ACC	<i>amum</i>		<i>amūm</i>
	INS	<i>amunā</i>		<i>amuṣyā</i>
	DAT	<i>amuṣmai</i>		<i>amuṣyai</i>
	ABL	<i>amuṣmād</i>		<i>amuṣyās</i> <i>amuṣyām</i>
	GEN	<i>amuṣya</i>		
	LOC	<i>amuṣmin</i>		
DU	NOM, ACC	<i>amū</i>		
	INS, DAT, ABL	<i>amūbhyām</i>		
	GEN, LOC	<i>amuyos</i>		
PL	NOM	<i>amī</i>	<i>amūni</i>	<i>amūs</i>
	ACC	<i>amūn</i>		
	INS	<i>amībhis</i>		<i>amūbhis</i>
	DAT, ABL	<i>amībhyas</i>		<i>amūbhyas</i>
	GEN	<i>amīṣām</i>		<i>amūṣām</i>
	LOC	<i>amīṣu</i>		<i>amūṣu</i>

The presence of two distal demonstratives in New Indo-Aryan languages naturally leads to functional competition between them. One pronoun usually functions as distal, while the other acquires an additional meaning; it can become an invisible distant demonstrative, a correlative, a third-person pronoun, or it can disappear completely [Zograf 1976: 160–165; Masica 1991: 224–225]. The languages of the central part of New Indo-Aryan area (Hindi, Braj, Avadhi, Kumaoni, Maithili,

Bhojpuri, Chhattisgarhi, Punjabi, Lakhnda, Sindhi, Rajastani) use the reflexes of *asau* as distal demonstratives, while those of the northern (Himachali and Dardic), southwestern (Gujarati, Marathi, Konkani) and eastern (Bengali, Oriya, Assamese) parts prefer the reflexes of *sa*.

Another typologically important distinctive feature of demonstratives in New Indo-Aryan languages is the category of gender. Languages that show gender agreement of adjectives and participles may have no gender-differentiated pronouns, while those with gender-differentiated pronouns may show no gender agreement with adjectives and participles. New Indo-Aryan demonstratives may show no gender at all or have two- or threefold gender distinctions. The reflexes of *asau* mostly have no gender or distinguish two genders (masculine and feminine). Rather than being inherited from earlier historical stages, the feminine forms are built by analogy [Masica 1991: 224]. Where differentiated for gender, the reflexes of *sa* can show inherited masculine, feminine, or sometimes even neuter forms. The Old Indo-Aryan neuter gender in nouns is preserved in two groups of languages: the languages of the southeast of India (Gujarati, Marathi, Konkani) and those of the Himachali group (Bhadravahi, Bhalesi, Pangwali). In some Himachali languages (Mandeali, Kiunthali, Kotgarhi), only demonstratives retain the neuter gender. As a common feature, the Himachali languages use the reflexes of *sa* as distal demonstratives while retaining the Old Indo-Aryan three-gender system.

3. Inanimate demonstratives in Kullui

While the system of demonstratives in Kullui includes proximal and distal pronouns, the real difference between them is based not on deixis, but on visibility for the speaker. There are animate and inanimate demonstratives in Kullui. Similarly to adjectives and participles, animate demonstratives have masculine and feminine forms, with twofold contrast shown on non-direct singular forms. These pronouns have both attributive and substantive use and can function as third-person pronouns. Along

with these, there is a separate set of inanimate demonstratives. These pronouns can also be proximal or distal, they have only substantive use and do not show plural or direct singular forms. The proximal inanimate demonstrative is *ũi* (in some dialects *đi*) and the distal demonstrative is *tũi*. The system of demonstratives in Kullui is shown in Table 4.

Table 4. The system of demonstratives in Kullui

Pronouns		PROX = VIS			DIST = INVIS		
Number	Case	Gender			Gender		
		M	F	INAN	M	F	INAN
SG	DIR	<i>e</i>			—		
	OBL	<i>ei</i>	<i>esa</i>	<i>ũi</i>	<i>tei</i>	<i>tesa</i>	<i>tũi</i>
	ERG/INS	<i>eie</i>	<i>ese</i>	<i>ũie</i>	<i>teie</i>	<i>tese</i>	<i>tũie</i>
PL	DIR	<i>e</i>			—		
	OBL	<i>inha</i>			—		
	ERG/INS	<i>inhe</i>			—		

Though coexistence of inanimate demonstratives along with masculine and feminine demonstratives typologically suggests that masculine and feminine demonstratives only can refer to animate referents, this is not so for Kullui. The masculine and feminine demonstratives in Kullui can refer to both animate and inanimate objects; cf. (1)–(2):

- (1) *e mhar-e grã-ri fohri sa esa-be*
 this our-OBL village-GEN girl COP.SG PROX.F.OBL-ACC/DAT
mhar-e ghər-a-be řad-at
 our-OBL house-OBL-ACC/DAT call-IMP.PL

‘This is a girl from our village, invite her to our house’.

- (2) *e saři bəhu řobhl-i sa esa-be*
 this saree very good-F COP.SG PROX.F.OBL-ACC/DAT
řja-re rodz la-i
 wedding-GEN.OBL day wear-IMP.FUT

‘This saree is very beautiful, wear it on the day of the wedding’.

The inanimate demonstratives in Kullui have a set of specific functions, the main of which are as follows:

— inanimate demonstratives are used to refer to inanimate objects in combination with all (except the accusative-dative) postpositions. In (3)–(6) below where the masculine, feminine, and inanimate demonstratives have the same antecedent, the masculine and feminine forms are used, respectively, in the direct case, in the oblique case without postposition, and with the accusative-dative postposition, while the inanimate demonstratives occur with other postpositions.

- (3) *le e pen ũi senge likh tēbe*
 take.IMP PROX.DIR pen INAN.PROX INS write.IMP then
ei mumbē bapās de-i
 PROX.M.OBL I.ACC/DAT back give-IMP.FUT
 ‘Take this pen, write with it and then give it back to me’.

- (4) *e tusar-i tfah sa esa-be pi*
 PROX.DIR your-F tea(F) COP.SG PROX.F.OBL-ACC/DAT drink.IMP
mē ũi-ne kheŋd nei pa-i
 I.ERG INAN.PROX-LOC sugar NEG put-PFV.F
 ‘This is your tea, drink it, I haven’t put sugar in it’.

- (5) *e beksa sa ei dħok-a*
 PROX.DIR box COP.SG PROX.M.OBL grasp-IMP.PL
pār ũi andre mōta her-d-e
 but INAN.PROX inside PROH.PL look-PTCP-PL
 ‘This is a box, take it, but don’t look inside it’.

- (6) *dzun ħor asa kōtse sa tui-n koi*
 which house we.OBL near COP.SG INAN.DIST-LOC somebody
nei rōh-nd-a sō khali sa
 NEG live-PTCP-M DIST empty COP.SG
 ‘The house that is next to us, no one lives in it, it is empty’.

— inanimate demonstratives are used in non-direct cases where their antecedents are verbal phrases or sentential arguments, see (8)–(10). At the same time, the animate demonstratives are used in the direct

case (7). Referring to verbal phrases or sentential arguments, inanimate demonstratives can also occur in the oblique case (9) or with the accusative-dative postposition (10):

- (7) *sərgit mɔta pi-nd-e e*
 cigarette PROH.PL drink-PTCP-PL PROX.DIR
sət-ri tēje fobhl-i nei hu-nd-i
 health-GEN.F for good-F NEG be-PTCP-F
 ‘Don’t smoke, it is not good for [your] health’.
- (8) *eŋd-i murti bəŋa-ŋ-i muʃkil sa*
 such-F statue make-INF-F difficult COP.SG
ūi-ri tēje khase rodz lag-a si
 INAN.PROX-GEN for many day be_taken-GER COP.PL
 ‘Making such a statue is difficult, it takes many days’.
- (9) *gur ūi ker-ija nik]-a si*
 shaman INAN.PROX do-CVB come_out-GER COP.PL
 ‘By doing this, one becomes a shaman’.
- (10) *dze dze kəl təkhe hu-a tūi-be*
 which which yesterday there be-PFV.M INAN.DIST-ACC/DAT
tu dəs-i sək-a sa
 you tell-CVB can-GER COP.SG
 ‘Can you tell what happened there yesterday?’

The above-mentioned seem to be the main functions of inanimate demonstratives in Kullui, since they are the most common cases, also confirmed by all my consultants. The fact that demonstratives used with adpositions can formally differ from demonstratives without adpositions is not typologically rare as confirmed, for example, by the so-called pronominal adverbs in Germanic languages. Thus, the German demonstratives *der* (M), *die* (F), *das* (N) in substantive use do not combine with prepositions where their antecedents are inanimate nouns. Special pronominal adverbs with the initial formants *da-* or *dar-* are used instead, cf. *dafür* (← *für das*) ‘for this’, etc.¹

¹ I am grateful to Maria Kholodilova who drew my attention to this fact.

Other uses of inanimate demonstratives in Kullui require further study. In particular, these include several cases, confirmed by some native speakers:

— inanimate demonstratives can be used in non-direct cases where their antecedents are nouns with non-specific (generic) reference.

- (11) *mer-a fohru maṭhjai bəhu pəsand kər-a*
 my-M son sweets very preferable do-GER
sa pər dəkter-e tei-be
 COP.SG but doctor-ERG DIST.OBL-ACC/DAT
tūi kha-n-e-be na kər-u
 INAN.DIST eat-INF-OBL-ACC/DAT refuse do-PFV.M

‘My son loves sweets very much, but the doctor forbade him eating them’.

— inanimate demonstratives refer to the word *kəhaŋi* ‘story’ in non-direct cases. Most likely, the reason is that this word semantically correlates with a set of events like a sentential argument. Probably, there is a set of such words, but my data currently contain only one example:

- (12) *e fobhl-i kəhaŋi sa*
 PROX.DIR good-F story COP.SG
ui-be dzərur pər-i
 INAN.PROX-ACC/DAT surely read-IMP.FUT

‘This is a beautiful story, surely read it’.

Despite the wide use of inanimate demonstratives in Kullui, their description is either lacking in the existing reviews as in [Diack 1896; Bailey 1908; Sharma 2014], or is very sketchy [Grierson 1916; Thakur 1975; Ranganatha 1981].

Grierson [1916: 670–687] characterizes Kullui demonstratives as follows: “They (demonstrative pronouns) have feminine forms in the singular, but nothing corresponding to the neuter forms of the Simla dialects has been noted”. Further, the text provides a table of the declension of demonstratives showing only masculine and feminine forms. However, Grierson mentions another demonstrative encountered in a sample from a Kullui text, the “Parable of the Prodigal Son”²: “In the specimen

² Grierson’s work contains translations of this text into many languages.

the form *uī* or *oī* (once in each form) occurs instead of *teī*. The phrase is *uī (oī) jōgā nahī* (INAN worthy NEG), ‘I am not worthy of that’ [Grierson 1916: 675]. The quote with this demonstrative is not complete; in the text, the sentence ends with a dependent clause *je phiri tērā bēṭā bōl-nū* (that again your son say-FUT.1SG) ‘to be called your son again’. Thus, an inanimate demonstrative in the text sample has a sentential argument as an antecedent.

In [Thakur 1975: 258], the inanimate demonstrative *ūi* is mentioned, which, according to the author, is found in only some areas of the Kullu district. He gives no further information about *ūi* and no mention of the distal inanimate demonstrative *tūi*, nor provides examples of their use. Ranganatha [1981: 90] makes the following remark on the third-person pronouns: “Pronouns in singular show a three way distinction of masculine, feminine and neuter. This distinction appears to be purely semantic and they do not seem to have any bearing on the general set up of two way gender distinction made elsewhere”. This phrase, however, is the only mention of neuter pronouns in the work; nor does the author include them in the table showing the declension of demonstratives.

4. Inanimate demonstratives in other Himachali languages

Although never studied in Kullui before, inanimate demonstratives are noted in other Himachali languages. For example, Hendriksen [1986: 115–116] describes inanimate demonstratives in Kotgarhi and Kochi, while Grierson [1916: 566] discusses such pronouns in Kinthali. The functions of such pronouns are not studied in detail, but in all three languages, these demonstratives can only be used substantively and refer to only inanimate objects. However, unlike Kullui, inanimate demonstratives in these languages are reflexes of Old Indo-Aryan neuter pronouns. Similar neuter demonstratives are also noted in Shimla Siraji [Grierson 1916: 594] and Mandeali [Ibid.: 723; Ranganatha 1981: 38].

Table 5. The system of demonstratives in Kiunthali [Grierson 1916: 566]

Pronouns		PROX			DIST		
Number	Case	Gender			Gender		
		M	N	F	M	N	F
SG	DIR	<i>ēh</i>			<i>sē</i>		
	OBL	<i>ēs</i>	<i>ētthī</i>	<i>ēssō</i>	<i>tēs</i>	<i>tētthī</i>	<i>tēssō</i>
	ERG	<i>inīē</i>		<i>ēssē</i>	<i>tinīē</i>		<i>tēssē</i>
PL	DIR	<i>ēh</i>			<i>sē</i>		
	OBL	<i>īhnō</i>		<i>īhnī</i>	<i>tīhnō</i>		<i>tīhnī</i>
	ERG	<i>īhnē</i>		<i>īhnīē</i>	<i>tīhnē</i>		<i>tīhnīē</i>

Table 6. The system of demonstratives in Mandeali [Ranganatha 1981: 38]

Pronouns		PROX			DIST		
Number	Case	Gender			Gender		
		M	N	F	M	N	F
SG	DIR	<i>je</i>			<i>se</i>		
	OBL	<i>jes</i>	<i>jetta</i>	<i>jessa</i>	<i>tes</i>	<i>tetta</i>	<i>tessa</i>
	ERG	<i>inne</i>	<i>jette</i>	<i>jesse</i>	<i>tinne</i>	<i>tette</i>	<i>tesse</i>
PL	DIR	<i>jō</i>			<i>sjō</i>		
	OBL	<i>innha</i>			<i>tinnha</i>		
	ERG	<i>innhe</i>			<i>tinnhe</i>		

All the Himachali languages above that retain neuter demonstratives only distinguish masculine / feminine nouns, having lost the Middle Indo-Aryan neuter gender. This, naturally, changed the function of neuter demonstratives that had formerly referred to neuter nouns. I could not find a detailed analysis of these functions in any of the descriptions of Himachali but for some isolated remarks. In particular, Hendriksen [1986: 115–116] compares inanimate demonstratives, used with postpositions, to English pronominal adverbs (*therefore* ← *for that*, *thereto* ← *to that*, etc.).

5. Formation of inanimate demonstratives in Kullui

As far as one can judge, the inanimate demonstratives in Kullui are functionally comparable to neuter demonstratives in other Himachali languages. However, in contrast to animate demonstratives, they do not descend from the Old Indo-Aryan neuter gender forms of *eṣa* ‘this’ and *sa* ‘that’ (*etad* and *tad*, respectively). The pronoun *ūi* formally resembles a reflex of another Old Indo-Aryan distal demonstrative, *asau*. According to Hendriksen, the reflexes of *asau* are not used in Himachali languages (though he classifies as Himachali only a limited number of languages, viz. Sirmauri, Jaunsari, Baghati, Kiunthali, Kotgarhi, Kochi, Mandeali and Kullui [Hendriksen 1986: 3, 115]). At the same time, reflexes of *asau* are common in Chambeali, Gaddi, Churahi, Pangwali, Bhadravahi, and Bhalesi that are located northeast of the languages listed by Hendriksen and are usually included into the Himachali group either. Moreover, in Pangwali and Bhadravahi the reflexes of *sa* and *asau*, according to grammatical descriptions, have similar functions and are probably interchangeable [Grierson 1916: 779, 798, 823–824, 851, 891; Dwivedi 2015: 136]. Reflexes of *asau* are also found in Suketi, a language bordering on Kotgarhi and Mandeali, not mentioned in Hendriksen’s work; Suketi uses the pronoun *ōh* (OBL *us*, ERG *unē* < *asau*) alongside *sē* (< *sa*) as a distal demonstrative [Grierson 1916: 757]. Thus, reflexes of *asau* could be preserved in Kullui.

Kullui borders on Mandeali in the west and on Sainji and Inner Siraji in the south. Tibeto-Burman languages are spoken in the east and northeast of Kullui, with the rugged mountainous terrain in the northwest minimizing the options for language contact. Mandeali has inherited neuter demonstratives (Table 6). Sainji and Inner Siraji remain largely undescribed, with Grierson [1916: 691, 702] characterizing them as languages without neuter demonstratives. The Inner Siraji text sample from the ‘Parable of the Prodigal Son’, however, contains the phrase *teta jogi nahi rauhu* (INAN worthy NEG stay.PFV) ‘I am not worthy of that (to be called your son)’, similar to the one where the demonstrative *ūi* is used in Kullui. This phrase features the form *teta*, etymologically a neuter distal demonstrative (cf. Mandeali

tetta). Thus, Kullui finds itself surrounded by closely related Himachali languages, in which the neuter demonstratives are well preserved.

Based on the above, I suggest that, while the original neuter demonstratives have been lost in Kullui, the rarely used reflex of *asau* has taken over the neuter pronoun functions, still retained in the neighbouring Himachali contact languages. Since neuter demonstratives distinguish proximal and distal meanings, the pronoun *tūi* derived from *ūi* by analogy with the rest of the paradigm where distal demonstratives formally differ from proximal demonstratives by only the initial *t-*. The fact that, while *ūi* is mentioned in several grammatical descriptions of Kullui, *tūi* does not appear in any of them, also confirms the secondary nature of *tūi*. Thus, the reflex of *asau* and the new word derived from it by analogy replace the former neuter pronouns in the system of the demonstratives of Kullui.

6. Conclusion

Inanimate demonstratives in Kullui (the proximal *ūi* and the distal *tūi*) have only non-direct singular forms and can refer to inanimate nouns, verbal phrases, or sentential arguments. In many cases, combinations of these demonstratives with postpositions are similar to pronominal adverbs in Germanic languages. Other Himachali languages also have inanimate demonstratives that etymologically descend from the Old Indo-Aryan neuter pronouns. Since nouns in most Himachali languages do not distinguish the neuter gender, their neuter demonstratives have acquired new functions. However, in Kullui, inanimate demonstratives do not go back to neuter pronouns. While other demonstratives in Kullui derive from the Old Indo-Aryan pronouns *eṣa* (proximal) and *sa* (distal), the inanimate proximal demonstrative *ūi* goes back to the Old Indo-Aryan distal pronoun *asau*, whereas the distal pronoun *tūi* is formed directly from *ūi* by analogy. Presumably, this happened because Kullui, having lost its original neuter demonstratives, developed a new system based on the rarely used reflex of *asau* under the influence of its neighbouring closely related languages that have retained their neuter demonstratives.

Abbreviations

1 — 1st person; ABL — ablative; ACC — accusative; ACC/DAT — accusative-dative postposition; COP — copula; CVB — converb; DAT — dative; DIR — direct; DIST — distal demonstrative; DU — dual; ERG — ergative; F — feminine gender; FUT — future tense; GEN — genitive; GER — gerund; IMP — imperative; INAN — inanimate; INF — infinitive; INS — instrumental; INVIS — invisible; LOC — locative; M — masculine gender; N — neuter gender; NEG — negative particle; NOM — nominative; OBL — oblique; PFV — perfective; PL — plural; PROH — prohibitive particle; PROX — proximal demonstrative; PTCP — participle; SG — singular; VIS — visible.

References

- Bailey 1908 — T. G. Bailey. *The Languages of the Northern Himalayas, Being Studies in the Grammar of Twenty-Six Himalayan Dialects*. (Asiatic Society Monographs 12). London: Royal Asiatic Society, 1908.
- Diack 1896 — A. H. Diack. *The Kulu Dialect of Hindi: Some Notes on Its Grammatical Structure, with Specimens of the Songs and Sayings Current amongst the People, and a Glossary*. Lahore: The “Civil and Military Gazette” Press, 1896.
- Dwivedi 2015 — A. V. Dwivedi. Bhadarwahi: A typological sketch. *Acta Linguistica Asiatica*. 2015. Vol. 5. Iss. 1. P. 125–148. DOI: 10.4312/ala.5.1.125-148.
- Grierson 1916 — G. A. Grierson. *Linguistic Survey of India*. Vol. 9: *Indo-Aryan Family: Central Group*. Pt. 4: *Specimens of the Pahārī Languages and Gujurī*. Delhi: Varanasi Patna, 1916.
- Hendriksen 1986 — H. Hendriksen. *Himachali Studies*. Vol. 3: *Grammar*. (Historisk-Filosofiske Meddelelser 48, 3). Copenhagen: Regia Academia Scientiarum Danica, 1986.
- Masica 1991 — C. P. Masica. *The Indo-Aryan Languages*. (Cambridge Languages Surveys). Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Ranganatha 1981 — M. R. Ranganatha. *Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh*. (Census of India, 1971. Series 1: India. Language Monograph 7). Delhi: Language Division, Office of the Registrar General, India, 1981.
- Sharma 2014 — D. Sharma (Saraswat). *Kuluti-Hindi vyakaran. Ek tulnatmak adhyayan* [Kuluti and Hindi Grammar. A Comparative Analysis]. New Delhi: Lekhni, 2014.
- Thakur 1975 — M. R. Thakur. *Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men* [The Pahari Language with Special Reference to Kului]. Delhi: Sanmarg Prakashan, 1975.

- Turner 1962–1985 — R. L. Turner. *A Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages*. London: Oxford University Press, 1962–1966. Includes three supplements, published 1969–1985. Available at: <http://dsal.uchicago.edu/dictionaries/soas/> (accessed on 17.03.2021).
- Zograf 1976 — G. A. Zograf. *Morfologicheskiy stroy novykh indoariyskikh yazykov: opyt strukturno-tipologicheskogo analiza* [Morphological Structure of New Indo-Aryan Languages: An Attempt of Structural and Typological Analysis]. Moscow: Nauka, 1976.

Form-frequency correspondence in adjectives: A cross-linguistic corpus approach

Jingting Ye

Fudan University (Shanghai, China); Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology (Leipzig, Germany); jingting_ye@eva.mpg.de

Abstract. The adjective has always been a puzzle despite the long-standing discussion in the previous literature, e.g., [Chomsky 1970; Dixon 1982]. Cross-linguistically, a substantial variation can be observed regarding the syntactic behavior of adjectives. Adjectives are more noun-like in some languages, while more verb-like in other languages [Wetzer 1992, 1996]. In some languages, adjectives are marked by a copula when used as predicates, while in other languages adjectives are used as predicates without any further marking. Likewise, adjectives behave differently across languages when used as modifiers.

The aim of this study is twofold. The first aim is to explain the cross-linguistic coding pattern of adjectives with reference to the form-frequency correspondence hypothesis [Zipf 1935; Haspelmath 2008; Haspelmath et al. 2014; Haspelmath 2021]. The second aim is to test the hypothesis, using cross-linguistic corpus data from the Universal Dependencies Corpora [Nivre et al. 2017] and the BCC Mandarin Corpus [Xun et al. 2016].

According to the form-frequency correspondence hypothesis, the more frequent forms are less likely to be marked with extra markers. Within the realm of adjectives, the effect of the form-frequency correspondence hypothesis can be understood as follows. Firstly, the relative frequency of the attributive use of adjectives correlates negatively with the probability of their co-occurrence with a relativizer; secondly, the relative frequency of the predicative use of adjectives correlates negatively with the probability of their co-occurrence with a copula. These hypotheses are tested using the logistic regression model on the basis of an 84-language sample from the Universal Dependencies Corpora, which is a suitable database for the purposes of the present study because it has cross-linguistically consistent annotation for parts of speech and their syntactic contexts. In addition, I have also tested the form-frequency correspondence hypothesis based on the data from the BCC

Mandarin Chinese Corpus based on the frequency of different adjectives. These results have provided positive evidence for the form-frequency correspondence hypothesis.

Keywords: adjective, universal dependencies, frequency, typology, relativizer, copula.

Корреляция между формой и частотностью прилагательных: кросс-лингвистический корпусный анализ

Цзинтин Е

Университет Фудань (Шанхай, КНР); Институт эволюционной антропологии общества Макса Планка (Лейпциг, Германия); jingting_ye@eva.mpg.de

Аннотация. Несмотря на то, что статус прилагательного обсуждается в литературе уже достаточно давно (см., например, [Chomsky 1970; Dixon 1982]), для исследователей эта область до сих пор остается проблемной. Прилагательные характеризуются значительной типологической вариативностью с точки зрения синтаксиса. Если в одних языках они обнаруживают преимущественно именные свойства, то в других они скорее ведут себя, как глаголы [Wetzer 1992, 1996]. Так, в языках первого типа прилагательные, выступающие в качестве предикатов, требуют глагола-связки, в то время как в языках второго типа они выступают в этой позиции без какого-либо дополнительного маркирования. Аналогичным образом прилагательные, выступающие в качестве определений, ведут себя в разных языках по-разному.

В настоящем исследовании решаются две задачи. Первая из них заключается в том, чтобы объяснить формальные свойства прилагательных в разных языках с опорой на гипотезу о наличии корреляции между формой и частотностью [Zipf 1935; Haspelmath 2008; Haspelmath et al. 2014; Haspelmath 2021]. Вторая задача заключается в том, чтобы протестировать эту гипотезу на материале различных языков, используя данные корпусов Universal Dependencies Corpora [Nivre et al. 2017], а также BCC Mandarin Corpus [Xun et al. 2016].

Согласно гипотезе о наличии корреляции между формой и частотностью, более частотные формы с меньшей вероятностью присоединяют дополнительные показатели. В области прилагательных эта гипотеза может быть сформулирована следующим образом. Во-первых, предполагается, что относительная

частотность атрибутивного употребления прилагательного находится в отрицательной корреляции с вероятностью маркирования этого прилагательного при помощи релятивизатора; во-вторых, предполагается, что относительная частотность предикативного употребления прилагательного находится в отрицательной корреляции с вероятностью употребления этого прилагательного с глаголом-связкой. Выдвинутые предположения проверяются методом логистической регрессии на материале выборки из 84 языков, входящих в корпуса Universal Dependencies Corpora: эта база данных представляется подходящей для целей настоящего исследования, поскольку она содержит типологически последовательную аннотацию частеречной принадлежности единиц, а также синтаксических контекстов, в которых они употребляются. Кроме того, я протестировала рассматриваемую гипотезу на материале корпуса BCC Mandarin Chinese Corpus, опираясь на частотность прилагательных. Результаты исследования подтверждают гипотезу о наличии корреляции между формой и частотностью.

Ключевые слова: прилагательное, универсальные зависимости, частотность, типология, релятивизатор, глагол-связка.

1. Introduction

The adjective has been recognized as a mixed category in the previous literature, e.g., [Chomsky 1970; Wetzer 1996], and there is a great cross-linguistic variation regarding the behavior of adjectives in the attributive and predicative position. Chomsky [1970] argued that the adjective has a mixed feature of [+N] and [+V], which is also reflected in the cross-linguistic coding pattern of adjectives. Wetzer [1992, 1996] identified two types of adjectives: nouny and verby. In some languages, adjectives pattern more like nouns in that they are used with a copula in the predicative position whereas in other languages, adjectives pattern more like verbs because they are used with a relativizer in the attributive position. This phenomenon is illustrated by the examples from English and Mandarin Chinese, as shown in (1)–(2). In English, a copula is used with adjectives in the predicative position but there is no extra marker in the

attributive position. On the other hand, Mandarin Chinese has a relativizer in the attributive position but does not use any marker in the predicative position.

English

(1) a. *red flower*

b. *The flower is red.*

Mandarin Chinese

(2) a. *hóng de huā*
red REL flower

‘red flower’

b. *Huā hóng*
flower red

‘The flower is red’.

This paper attempts to explain this type of coding asymmetry using the form-frequency correspondence hypothesis (FFCH). According to FFCH, more frequent forms are more predictable and, therefore, they are less likely to be marked with an extra marker [Zipf 1935; Greenberg 1966; Haspelmath 2008; Haspelmath et al. 2014]. More specifically, the claim of this article concerning the cross-linguistic coding pattern of adjectives is generalized as follows:

Cross-linguistically, a higher relative frequency of attributive use correlates with a lower probability of adjectives occurring with a relativizer in the attributive position. Similarly, a higher frequency of predicative use correlates with a lower probability of adjectives occurring with a copula in the predicative position.

This hypothesis will be tested using frequency data based on a sample of 84 languages from the Universal Dependencies Corpora. In the rest of the article, I will first introduce the form-frequency correspondence hypothesis and address the data in *Section 2*. The results are discussed in *Section 3*. Finally, I will draw some conclusions in *Section 4*.

2. Theoretical background and data

2.1. The form-frequency correspondence hypothesis

The form-frequency correspondence hypothesis (FFCH) was first introduced in Zipf's seminal work [Zipf 1935]. In this book, he used statistical evidence to persuasively show that languages demonstrate a negative correlation between the length of the words and their relative frequency. In particular, Zipf claimed that words with higher relative frequency tend to have shorter forms. This insight has proven to be true in many subsequent studies. For instance, the Leipzig Corpora Collection [Quasthoff et al. 2014; Leipzig Corpora Collection 2018] provides copious evidence from more than 100 languages to support Zipf's law.

Zipf's law has been extended to grammatical markers and been used to explain the cross-linguistic coding patterns in many previous typological studies. For example, Greenberg [1966] pointed out that the unmarked features that are coded with shorter forms (or at least with forms of the same length) are more frequent than the corresponding marked features. More recently, Hawkins [2004] also suggested that frequency factor can be used as an important tool to predict the cross-linguistic variation of the complexity of forms. Haspelmath showed that frequency can be used to explain a number of cross-linguistic phenomena concerning coding asymmetries [Haspelmath 2008; Haspelmath et al. 2014; Haspelmath 2021]. I will follow the form-frequency correspondence hypothesis as generalized by Haspelmath:

“When two grammatical construction types that differ minimally (i.e. that form a semantic opposition) occur with significantly different frequencies, the less frequent construction tends to be overtly coded (or coded with more segments), while the more frequent construction tends to be zero-coded (or coded with fewer segments), if the coding is asymmetric” [Haspelmath 2021: 2].

With respect to the coding patterns of adjectives, the attributive and predicative uses are considered to be a minimal pair. By comparing this minimal pair cross-linguistically, four possible coding patterns can be

identified, as shown in *Table 1*. These coding patterns are also illustrated in examples (5)–(8).

Table 1. Four coding patterns in the attributive and predicative use of adjectives

Coding Types	Attributive use	Predicative use	Example Language
Zero coding	unmarked	unmarked	Koyra Chiini
Equipollent coding	marked	marked	Japanese uninflected adjectives
Attributive coding	marked	unmarked	Lango
Predicative coding	unmarked	marked	English, Jarawara

Koyra Chiini (Songhay, Africa)

- (3) a. *ni beer*
 2SG big
 ‘You were big’. [Heath 1999: 73]

b. *har beer di*
 man big DEF
 ‘the big man’ [Ibid.: 73]

Japanese (Japonic, Eurasia)

- (4) a. *rippa na setubi*
 impressive REL facilities
 ‘impressive facilities’ [Backhouse 2004: 59]

b. *setubi rippa da*
 facilities impressive COP
 ‘Facilities are impressive’. [Ibid.: 57]

Lango (Nilotic, Africa)

- (5) a. *rwòt à ràc*
 king REL bad
 ‘a bad king’ [Noonan 1992: 104]

b. *rwòt ràc*
 king bad
 ‘The king is bad’. [Ibid.: 106]

Jarawara (Arawan, South America)

- (6) a. *jifari tati*
 banana unripe
 ‘an unripe banana’ [Dixon 2004: 339]
- b. *jifari tati amake*
 banana unripe COP
 ‘The banana is unripe’. [Ibid.]

From the examples quoted above, it is clear that the latter two of these four coding patterns are asymmetric. I argue therefore that they might be explained by their relative frequency. In other words, the attributive coding pattern (i.e. the occurrence of relativizers with adjectives) correlates negatively with the relative frequency of the attributive use, and the predicative coding pattern (i.e. the occurrence of copulas with adjectives) correlates negatively with the relative frequency of the predicative use. This hypothesis will be tested using the frequency data from the Universal Dependencies Corpora and the Mandarin Chinese Corpus.

2.2. The Universal Dependencies Corpora

The Universal Dependencies (UD) is a cross-linguistic project that uses a consistent annotation of grammar. The current version of UD consists of 150 treebanks in 90 languages [Nivre et al. 2017; Croft et al. 2017]. In the last decade, some typological studies have attempted to explain the cross-linguistic pattern of the word order employing the data from UD [Liu 2010; Naranjo, Becker 2018; Levshina 2019]. As they have shown, UD proves to be a valuable source for cross-linguistic studies.

UD is a suitable database to test the hypotheses discussed above, primarily because a part of speech and a function is attributed to every word. In the corpora, various labels are used to tag the different functions and parts of speech; the labels that are relevant for the present discussion are presented in *Table 2* (p. 465).

For adjectives in each language, I have included all the occurrences of amod and nmod as the frequency of the attributive use, all

Table 2. The labels in the UD corpora

Function	Labels	Definition in UD
Attribution	amod	An adjectival modifier of a noun (or pronoun) is any adjectival phrase that serves to modify the meaning of the noun (or pronoun).
	nmod	The nmod relation is used for nominal modifiers.
Predication	root	The root of a sentence is the predicate of the main clause. This may be a verb, a predicate adjective, or a nominal in a copular construction.
	xcomp	An open clausal complement (xcomp) of a verb or an adjective is a predicative or clausal complement without its own subject.
Reference	nsubj	A nominal subject (nsubj) is a nominal which is the syntactic subject and the proto-agent of a clause.
	obj	The object of a verb is the second most core argument of a verb after the subject.
	iobj	The indirect object of a verb is any nominal phrase that is a core argument of the verb but is not its subject or (direct) object.
	obl	The obl relation is used for a nominal (noun, pronoun, noun phrase) functioning as a non-core (oblique) argument or adjunct. This means that it functionally corresponds to an adverbial attaching to a verb, adjective or other adverb.

the occurrences of root and xcomp as the frequency of the predicative use, and all the occurrences of nsubj, obj, iobj, and obl as the frequency of the referential use. In this way, I was able to collect the frequency data for adjectives in attributive, predicative, and referential use. Since in some languages the frequency of adjectives is too low, I have excluded six languages.¹ The final sample consists of 84 languages from 16 language families, and the areal distribution of the sample is presented in *Fig. 1*, which shows that the sample covers four macro-areas:

¹ The languages that I excluded are Skolt Sami, Komi Permyak, Assyrian, Wolof, Coptic, and Warlpiri.

Eurasia, Africa, Papunesia, and South America. It is also shown that the sample is not a balanced one. There are clearly more languages in Eurasia than in other areas.

Fig. 1. The areal distribution of the sample

3. Results

In this section, I will present the main findings of my study. Firstly, the relative frequencies of adjectives in the attributive, predicative, and referential use are presented in *Fig. 2*. As it shows, the relative frequency of the attributive use is always the highest in comparison with the relative frequency of the referential and predicative use. In the previous literature, it has always been taken for granted that the primary function of adjectives is modification (or attribution) [Bhat 1994; Baker 2003; Lehmann 2013]. However, until now, this claim has never been supported with evidence from the corpus. The data in *Fig. 2* demonstrates that the most frequent

function of adjectives is indeed attribution. This result is not surprising but is still worth testing.

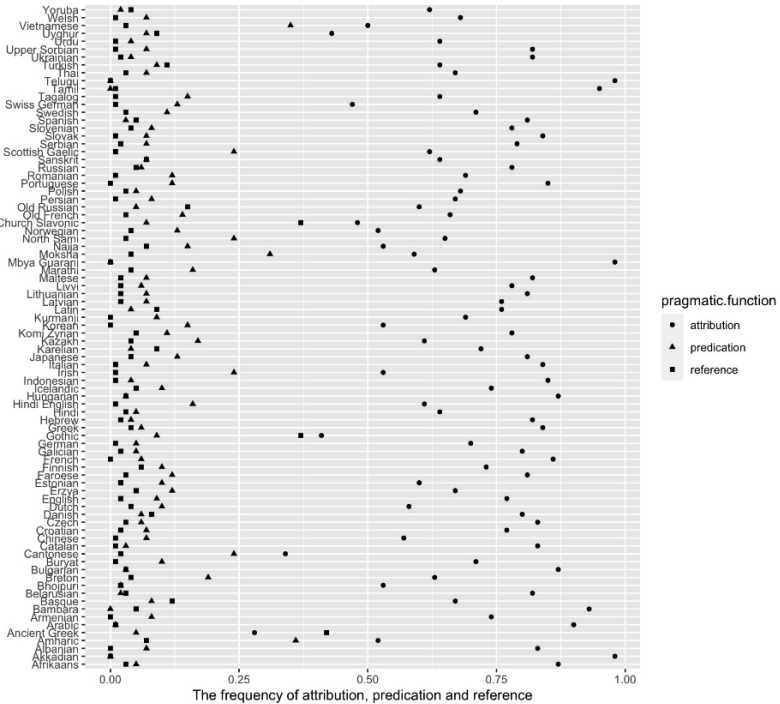

Fig. 2. The relative frequency of various pragmatic functions

The next step is to test whether frequencies correlate with coding patterns. For this purpose, I have manually collected data based on grammatical descriptions of all 84 languages from my sample regarding whether a copula or a relativizer is used with adjectives. In total, there are 73 languages that feature a copula in the predicative position, and four languages that use a relativizer with adjectives in the attributive position.

Since the relative frequency is a continuous variable and the occurrence of copula or relativizer is a binary variable, the logistic regression model is suitable for testing whether there is a correlation between these

two variables. I have calculated the correlation between the relative frequency and the occurrence of copula or relativizer using the Fitting Generalized Linear Models (i.e. the “glm”) in R [R Core Team 2013]. The results are shown in *Fig. 3* and *4*. These results support the FFCH.

Fig. 3 shows that when the relative frequency of the predicative use increases, the probability of an adjective occurring with a copula decreases. The actual occurrences of copulas across languages are represented by black dots distributed along either ‘1’ or ‘0’, each dot representing a language. In order to identify whether there is a coefficient between the relative frequency and the probability of adjectives occurring with a copula, I have calculated the coefficient using the Fitting Generalized Linear Models in R. The result presented below in *Fig. 3* shows that the estimated coefficient between the relative frequency and the probability of adjectives occurring with a copula is -7.385 , and the p-value is significant (i.e. below 0.05).

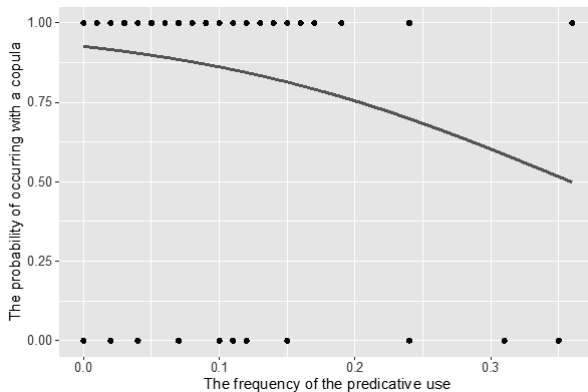

Fig. 3. The correlation between the predicative frequency and the copulas

The Coefficient of the predicative frequency and the occurrence of a copula

	Estimate	Std. Error	z value	Pr ($> z $)
(Intercept)	2.115	0.610	3.467	0.000527 ***
predication	-7.385	3.716	-1.987	0.046874 *
reference 15.014	14.777	1.016		0.309630

The correlation between the relative frequency of the attributive use and the probability of using a relativizer with adjectives is shown in *Fig. 4*. The general trend is that the probability of using a relativizer decreases when the relative frequency of the attributive use increases. The coefficient between these two variables is -10.414 , and the p-value is 0.0219 , which is also significant. However, it is noticeable that the p-value of the intercept is 0.0952 , which is slightly higher than the general threshold of 0.05 . This may lie in the fact that languages in UD are not balanced, and only a small number of languages use relativizers with adjectives. However, it is extremely hard to acquire relevant frequency information from other sources of cross-linguistic corpora. In addition, the effect of frequency on languages may sometimes be very hard to detect. For this reason, though the p-value of intercept is less significant, the data still suggests that there is a weak correlation between these two variables.

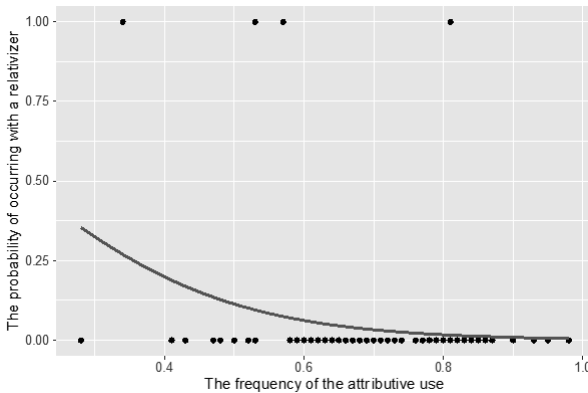

Fig. 4. The correlation between the attributive frequency and the relativizers

The Coefficient of the attributive frequency and the occurrence of a relativiser

	Estimate	Std. Error	z value	Pr (> z)
(Intercept)	4.836	2.898	1.669	0.0952 .
attribution	-10.414	4.543	-2.292	0.0219 *
reference	-43.384	35.609	-1.218	0.2231

In addition, I have also delved into the corpus data of Mandarin Chinese regarding various adjectives. In Mandarin Chinese, the occurrence of the relativizer *de* is optional, and various adjectives differ in their probability of occurring with it. Dixon [1982] has proposed seven typical semantic types that are very often coded as adjectives in various languages. Based on these semantic types, I have selected 28 adjectives from Mandarin Chinese and extracted the relative frequency information from the BCC corpus² [BCC; Xun et al. 2016]. The frequency information is presented in *Table 3* (next page), where “adj N” represents the token frequency of adjectives that occur without a relativizer; “adj de N” represents the token frequency of adjectives that occur with a relativizer; “adj N rel.freq” represents the relative frequency (i.e. the proportion) of adjectives that occur without a relativizer; “adj de N rel.freq” represents the relative frequency (i.e. the proportion) of adjectives that occur with a relativizer; “attr.token” represents the token frequency of the attributive use; “pred.token” represents the token frequency of the predicative use; “attr.rel.freq” represents the relative frequency (i.e. the proportion) of the attributive use; and “pred.rel.freq” represents the relative frequency (i.e. the proportion) of the predicative use.

Based on the relative frequency of adjectives that occur with or without the relativizer *de* and the relative frequency of adjectives that occur in attributive and predicative positions, I have calculated the correlation between the relative frequency of the attributive use and the relative frequency of the forms that omit the relativizer *de* in the attributive position. I have used three types of correlation tests that might help us to evaluate the correlation between the two continuous variables: the Pearson’s product-moment correlation; the Kendall’s rank correlation tau;

² The BCC corpora were created by the Beijing Language and Culture University and represent a balanced collection of annotated corpora containing around 15 billion Chinese characters. It covers newspapers and journals (about 2 billion Chinese characters), literature (about 3 billion Chinese characters), scientific books (about 3 billion Chinese characters), non-fiction books (about 1 billion characters), blog and weibo entries (about 3 billion Chinese characters), as well as classical Chinese (about 2 billion Chinese characters).

Table 3. The relative frequency of various adjectives in Mandarin Chinese

Chinese	Meaning	adj N	adj <i>de</i> N	adj N rel. freq	adj <i>de</i> N rel. freq	attr:token	pred. token	attr.rel. freq	pred.rel. freq
<i>lao</i>	old.animate	305847	19433	94.03%	5.97%	325280	1625826	16.67%	83.33%
<i>jiu</i>	old.inanimate	68649	10829	86.37%	13.63%	79478	58597	57.56%	42.44%
<i>nianqing</i>	young	34846	20497	62.96%	37.04%	55343	110781	33.31%	66.69%
<i>xin</i>	new	766391	2130059	26.46%	73.54%	2896450	22654314	11.34%	88.66%
<i>da</i>	big	1481229	353750	80.72%	19.28%	1834979	4807689	27.62%	72.38%
<i>xiao</i>	small	847534	70554	92.32%	7.68%	918088	2532387	26.61%	73.39%
<i>chang</i>	long	330602	101877	76.44%	23.56%	432479	870746	33.19%	66.81%
<i>duan</i>	short	88863	13481	86.83%	13.17%	102344	235906	30.26%	69.74%
<i>bai</i>	white	167292	31733	84.06%	15.94%	199025	543614	26.80%	73.20%
<i>hei</i>	black	96156	13247	87.89%	12.11%	109403	427897	20.36%	79.64%
<i>lv</i>	green	36594	5936	86.04%	13.96%	42530	188293	18.43%	81.57%
<i>hong</i>	red	122733	20261	85.83%	14.17%	142994	457511	23.81%	76.19%
<i>hao</i>	good	734690	280222	72.39%	27.61%	1014912	4114507	19.79%	80.21%
<i>huai</i>	bad	54994	11310	82.94%	17.06%	66304	106779	38.31%	61.69%

Chinese	Meaning	adj N	adj de N	adj N rel. freq	adj de N rel.freq	attr.token	pred. token	attr.rel. freq	pred.rel. freq
<i>meili</i>	beautiful	11 560	32 190	26.42%	73.58%	43 750	62 403	41.21%	58.79%
<i>chou</i>	ugly	6 238	1 999	75.73%	24.27%	8 237	51 483	13.79%	86.21%
<i>ruan</i>	soft	26 611	10 277	72.14%	27.86%	36 888	192 729	16.07%	83.93%
<i>re</i>	hot	75 459	20 099	78.97%	21.03%	95 558	540 045	15.03%	84.97%
<i>leng</i>	cold	45 843	26 693	63.20%	36.80%	72 536	474 016	13.27%	86.73%
<i>gan</i>	dry	96 110	16 385	85.43%	14.57%	112 495	951 283	10.58%	89.42%
<i>zhong</i>	heavy	209 951	74 912	73.70%	26.30%	284 863	1 840 078	13.41%	86.59%
<i>kongju</i>	afraid	2 727	2 487	52.30%	47.70%	5 214	36 303	12.56%	87.44%
<i>feng</i>	crazy	5 114	1 549	76.75%	23.25%	6 663	137 800	4.61%	95.39%
<i>kaixin</i>	happy	11 047	9 934	52.65%	47.35%	20 981	179 883	10.45%	89.55%
<i>shangxin</i>	sad	2 935	3 343	46.75%	53.25%	6 278	38 293	14.09%	85.91%
<i>yuchun</i>	stupid	640	3 826	14.33%	85.67%	4 466	9 168	32.76%	67.24%
<i>congming</i>	clever	6 639	8 138	44.93%	55.07%	14 777	39 533	27.21%	72.79%
<i>shengqi</i>	angry	1 126	3 550	24.08%	75.92%	4 676	56 905	7.59%	92.41%

and the Spearman's rank correlation rho. These three types of correlation tests lead to a result that ranges from 0 to 1 to indicate the correlation, and a greater number suggests a stronger correlation. Based on the data presented in *Table 4*, all the three correlation tests show strong correlation between the two variables. In particular, the Pearson's product-moment correlation is 0.8092 (p-value=1.863e-07); the Kendall's rank correlation tau is 0.6667 (p-value = 5.82e-08); and the Spearman's rank correlation rho is 0.7756 (p-value =3.376e-06). The result is also presented in *Fig. 5*. As shown in *Fig. 5*, the higher the frequency of an adjective used in the attributive position, the more likely it is to occur without the relativizer *de*.

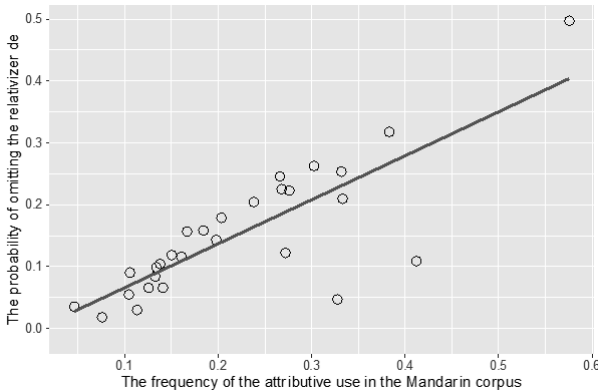

Fig. 5. The correlation based on the corpus data from Mandarin Chinese

To sum it up, although the cross-linguistic data provides but the weak evidence for the correlation between the relative frequency of the attributive use and the occurrence of a relativizer, the result based on the data from Mandarin Chinese serves as strong evidence for the correlation between these two variables.

4. Conclusion

In this paper, I have provided evidence for the form-frequency correspondence hypothesis using the data from the Universal Dependencies Corpora and the BCC Mandarin Chinese Corpus. In particular, I argue that the probability of using a copula with adjectives in the predicative position correlates negatively with the relative frequency of their predicative use; likewise, the probability of using a relativizer with adjectives in the attributive position correlates negatively with the relative frequency of their attributive use. In order to test these claims, I have studied the data of 84 languages from the Universal Dependencies Corpora in relation to the relative frequency of adjectives in the attributive, predicative, and referential use. In addition, I have also checked whether a relativizer or a copula is used with the adjectives in these 84 languages, or whether it is missing.

The data of these 84 languages has been tested using the logistic regression model, which is suitable for calculating the correlation between a continuous variable and a binary variable. The results have proven my theory: indeed, the relative frequency of the predicative use of adjectives correlates negatively with the probability of adjectives occurring with a copula; and the relative frequency of the attributive use correlates negatively with the probability of using a relativizer. The former correlation is relatively significant, while the latter is less significant. For this reason, I have also included the corpus data from Mandarin Chinese. This analysis has shown that there is indeed a strong correlation between the relative frequency of the attributive use and the probability of using a relativizer. The results of this study can be taken as evidence supporting the FFCH.

There are still some unsolved problems. This paper has provided evidence for the correlation between frequency and form. However, correlation does not imply a causal relation. Ultimately, it would be ideal to prove a causal relation between frequency and form in future research.

Abbreviations

2 — 2nd person; COP — copula; DEF — definite; FFCH — form-frequency correspondence hypothesis; REL — relativiser; SG — singular; UD — universal dependencies.

References

- Backhouse 2004 — A. E. Backhouse. Inflected and uninflected adjectives in Japanese. R. Dixon, A. Aikhenvald (eds.). *Adjective Classes: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 50–73.
- Baker 2003 — M. Baker. *Lexical Categories: Verbs, Nouns and Adjectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Bhat 1994 — D. Bhat. *The Adjectival Category: Criteria for Differentiation and Identification*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1994.
- Chomsky 1970 — N. Chomsky. Remarks on nominalization. R. Jacobs, P. Rosenbaum (eds.). *Readings in English Transformational Grammar*. Waltham, MA: Blaisdell, 1970. P. 184–221.
- Croft et al. 2017 — W. Croft, D. Nordquist, K. Looney, M. Regan. Linguistic typology meets universal dependencies. M. Dickinson, J. Hajič, S. Kübler, A. Przepiórkowski (eds.). *Proceedings of the 15th International Workshop on Treebanks and Linguistic Theories (TLT15)*. CEUR Workshop Proceedings, 2017. P. 63–75.
- Dixon 1982 — R. M. W. Dixon. Where have all the adjectives gone? R. M. W. Dixon (ed.). *Where Have All the Adjectives Gone? And Other Essays in Semantics and Syntax*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1982. P. 1–62.
- Dixon 2004 — R. M. W. Dixon. *The Jarawara Language of Southern Amazonia*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Greenberg 1966 — J. H. Greenberg. *Language Universals: With Special Reference to Feature Hierarchies*. The Hague: Mouton, 1966.
- Haspelmath 2008 — M. Haspelmath. Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries. *Cognitive Linguistics*. 2008. Vol. 19. Pt. 1. P. 1–33.
- Haspelmath et al. 2014 — M. Haspelmath, A. Calude, M. Spagnol, H. Narrog, E. Bamyacı. Coding causal-noncausal verb alternations: A form-frequency correspondence explanation. *Journal of Linguistics*. 2014. Vol. 50. Pt. 3. P. 587–625.
- Haspelmath 2021 — M. Haspelmath. Explaining grammatical coding asymmetries: Form-frequency correspondences and predictability. *Journal of Linguistics*. 2021. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-linguistics/>

- article/explaining-grammatical-coding-asymmetries-formfrequency-correspondences-and-predictability/420965EC1CEA49527CCE7276B33A14D0 (accessed on 17.03.2021).
- Hawkins 2004 — J. A. Hawkins. *Efficiency and Complexity in Grammars*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Heath 1999 — J. Heath. *A Grammar of Koyra Chiini: The Songhay of Timbuktu*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999.
- Lehmann 2013 — C. Lehmann. The nature of parts of speech. *STUF — Language Typology and Universals*. 2013. Vol. 66. Pt. 2. P. 141–177.
- Levshina 2019. — N. Levshina. Token-based typology and word order entropy: A study based on universal dependencies. *Linguistic Typology*. 2019. Vol. 23. Pt. 3. P. 533–572.
- Liu 2010 — H. Liu. Dependency direction as a means of word-order typology: A method based on dependency treebanks. *Lingua*. 2010. Vol. 120. Pt. 6. P. 1567–1578.
- Naranjo, Becker 2018 — M. G. Naranjo, L. Becker. Quantitative word order typology with UD. D. Haug, S. Open, L. Øvrelid, M. Candito, J. Hajič (eds.). *Proceedings of the 17th International Workshop on Treebanks and Linguistic Theories (TLT 2018), December 13–14, 2018, Oslo University, Norway*. Linköping: Linköping University Electronic Press, 2018. P. 91–104.
- Noonan 1992 — M. Noonan. *A Grammar of Lango*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1992.
- Quasthoff et al. 2014 — U. Quasthoff, D. Goldhahn, T. Eckart. Building large resources for text mining: The Leipzig Corpora Collection. C. Biemann, A. Mehler (eds.). *Text Mining — From Ontology Learning to Automated Text Processing Applications*. New York: Springer, 2014. P. 3–24.
- Wetzer 1992 — H. Wetzer. “Nouny” and “verby” adjectivals: A typology of predicative adjectival constructions. M. Kefer, J. van der Auwera (eds.). *Meaning and Grammar. Cross-Linguistic Perspectives*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1992. P. 223–262.
- Wetzer 1996 — H. Wetzer. *The Typology of Adjectival Predication*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1996.
- Xun et al. 2016 — E. Xun, G. Rao, X. Xiao, J. Zang. The construction of the BCC corpus in the age of big data. *Corpus Linguistics*. 2016. Vol. 3. P. 93–109.
- Zipf 1935 — G. K. Zipf. *The Psycho-Biology of Language: An Introduction to Dynamic Philology*. Boston: Houghton Mifflin, 1935.

Sources

BCC — Beijing Language and Culture University Corpus Center. Available at: <http://bcc.blcu.edu.cn/lang/zh> (accessed on 08.06.2020).

- Leipzig Corpora Collection 2018 — *Leipzig Corpora Collection*. Available at: https://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=deu_newscrawl-public_2018 (accessed on 17.03.2021).
- Nivre et al. 2017 — J. Nivre, L. A. Željko Agić et al. *Universal Dependencies 2.0—CoNLL Shared Task Development and Test Data*. LINDAT/CLARIN digital library at the Institute of Formal and Applied Linguistics, Charles University, 2017. Available at: <https://universaldependencies.org> (accessed on 08.06.2020).
- R Core Team 2013 — *R: A Language and Environment for Statistical Computing*. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria, 2013. Available at: <https://www.r-project.org> (accessed on 17.03.2021).

Этика научных публикаций

Журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» (далее — ALP) — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редколлегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE). Каждый участник издательского процесса должен принять все разумные меры для предотвращения недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиата, изложения недостоверных сведений и неправомерного использования научных результатов в интересах тех лиц, которые не участвовали в их получении).

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал ALP обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале ALP с авторов не взимаются.

Обязанности авторов

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале ALP, является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии

таковых. При необходимости первый автор должен быть готов уточнить сведения о вкладе каждого из соавторов в содержание статьи.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные) и исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. **Любая форма плагиата неприемлема.** Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее двух лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редколлегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет. Если после публикации статьи обнаружено нарушение автором вышеуказанных правил, редколлегия имеет право произвести ретракцию статьи, поместив указание на это на сайте журнала.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редколлегии.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редколлегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Ответственность за достоверность информации и соблюдение профессиональной этики

Представляя рукописи для публикации в журнале ALP, автор несет ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он должен незамедлительно уведомить редколлегию и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной переработки текста, отозвать рукопись.

В журнале ALP не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редколлегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах).

Члены редколлегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия рукописей к публикации.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редколлегии и отказаться от рецензирования.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редколлекгией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редколлегии на любые признаки плагиата. Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок.

Организация работы редколлегии

Редколлегия журнала ALP является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Окончательное решение о принятии к печати или отклонении рукописи принимается редколлекгией коллективно после процедуры двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редколлегии, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются на общих основаниях.

Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редколлегии.

Обязанности членов редколлегии

Редколлегия журнала обеспечивает:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования.

Главный редактор координирует работу редколлегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редколлегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Члены редколлегии должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов рецензентов и авторов представляемых рукописей недопустим.

Все нарушения изложенных выше принципов должны тщательно расследоваться на заседании редколлегии, которая при необходимости обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения, если были допущены нарушения этических или научных норм.

Язык публикаций

Журнал ALP принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

Publication Ethics

The “Acta Linguistica Petropolitana” Journal (ALP) is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas, dedicated solely to academic activities. All the editorial / publishing process participants (authors, reviewers, editors, or Editorial Board members) are expected to follow the ethical standards below based on recommendations by the Committee on Publication Ethics (COPE). Each participant is expected to make all reasonable efforts to avoid malpractice in his/her publishing activities including plagiarism, misrepresentation, or misuse of research findings to the benefit of those not involved in the research.

Copyright and Open Access

In consistence with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) and the principle of free global knowledge exchange, ALP ensures open access to its publications. ALP contributors are exempt of any dues.

Contributor’s responsibilities

Contributors guarantee that their contributions are original manuscripts under their exclusive copyright. For co-authored contributions, only one of the authors may submit the manuscript listing all the coauthors and providing their relevant accurate personal information.

The contributor is expected to indicate all agencies/entities, if any, which have provided financial or other support for the manuscript. Where necessary, the first contributor should be able to specify each co-author’s contribution into the manuscript.

The contributor should provide a full list of all information sources (both published and unpublished) and the literature (including his/her previously published works) used in the manuscript. The contributor should provide appropriate reference to other works or quotations used in the manuscript. Any form of plagiarism is unacceptable. Equally unacceptable is self-plagiarism, i.e. attempts at republishing own previously published work without substantial modification. Concurrent

submission of the same work to ALP and any other publication is unacceptable. The contributor's research records for the submitted work should remain accessible upon request for at least two years.

A violation of any of the above may lead the Editorial Board to reject the contribution at any time, including before review, as well as to reject all future submissions by the present author in the next three years to follow. If any violation of the rules above comes to light following the article's publication, the Editorial Board may retract the article, placing the relevant notice on the Journal's website.

Any changes by the contributor to his/her already peer-reviewed and accepted for publication text are only possible on the Editorial Board's consent.

The contributor agrees not to make publicly available any accepted but not published materials. A violation of this requirement may serve as a ground for the Editorial Board to reject both the contribution and all other contributions by the same author in the next three years to follow.

Responsibility for unreliable information or non-compliance with professional ethics

Authors submitting their manuscripts to ALP are responsible for detailed verification of all the information contained therein to avoid inaccuracy or omission of references to sources. On detection of mistakes/inaccuracies when editing the manuscript accepted for publication, the author must immediately notify the Editorial Board and either update the text or withdraw the contribution where substantial errors require its complete revision.

Defamation is unacceptable in ALP. The contributor is expected to avoid personal criticism, disrespectful remarks, or accusations against other scholars.

If any of above violations come to light after the publication, the Editorial Board may publish a disclaimer in its subsequent issue and reject any of the author's contributions in the next three years to follow.

Review Procedure

All submitted manuscripts are evaluated based on a double-blind peer review where neither the author, nor the reviewer knows the other's name. The files, including metadata, sent to reviewers contain no information about the author(s).

Neither Editorial Board members nor other publication participants are allowed to disclose the authors' names to reviewers before the submission is accepted.